

СЕМЬ АРЕСТОВЪ.

(Изъ воспоминаній).

ОГДА мнѣ приходится иногда рассказывать кое-что изъ моего прошлаго, то многіе меня убѣждаютъ, что мнѣ бы слѣдовало написать хоть вкратцѣ мои воспоминанія о томъ, что я видѣлъ и кого зналъ. Я всегда отвѣчаю на это, что такъ какъ моя жизнь—въ особенности первая ея половина—прошла нѣсколько необычно и незаурядно, то, конечно, рассказать изъ нея кое-что, было бы, если не важно, не значительно, то все-таки занимательно и забавно...

Когда я вспоминаю, какъ приходилось мнѣ, подобно многимъ, выбиваться съ проселка на большую дорогу, и кого встрѣчалъ я въ пути, то въ памяти моей возстаетъ цѣлая курьезная одиссея, а въ воображеніи проходитъ цѣлая вереница личностей, съ громкими именами, съ выдающимся значеніемъ на страницахъ лѣтописи російской за вторую половину этого столѣтія. И я искренно и твердо обещаю себѣ засѣсть за писаніе своихъ воспоминаній... завтра! Иначе говоря обѣщаніе я даю себѣ уже лѣтъ съ пятнадцать.

Быть можетъ, я не одинъ, а насъ цѣлый легіонъ въ этомъ положеніи, и всякаго останавливаетъ не одна лѣнь, а и многое другое.

Во-первыхъ, какъ узнать, стоить ли печатно говорить о томъ, что любопытно въ дружеской бесѣдѣ?.. Во-вторыхъ, хорошо ли говорить о томъ, что случайно знаешь о лицахъ, уже «умолкнувшихъ», и обнажать ихъ частную жизнь «при всемъ честномъ народѣ»? Наконецъ, сумѣешь ли рассказать?.. Можно передать самый интересный фактъ скучнѣйшимъ образомъ.

Вотъ уже лѣтъ съ 20—30, какъ въ запискахъ и воспоминаніяхъ недостатка нѣтъ... Появились и появляются ежедневно воспомина- нія и о временахъ очаковскихъ и о вчерашнемъ днѣ. Но если вся- кіе мемуары почти поглощаютъ журналы и литературу, то погло- щаютъ ли они всегда... вниманіе читателя?!

Вотъ въ этомъ и бѣда. Записки и воспоминанія должны быть интереснѣе романовъ или... не быть. А вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ дол- жны быть прежде всего правдивы... Творчество, въ данномъ случаѣ, получить наименованіе иное, будетъ—лганье.

Такимъ образомъ, на вопросъ: писать ли свои воспоминанія, я отвѣтилъ себѣ: попробовать. Начать съ отрывковъ и эпизодовъ.

И вотъ недавно совершенно случайно мнѣ пришло на умъ взять изъ далекаго и близкаго прошлаго un peu de tout... Вырвать нѣсколько извѣстныхъ страницъ изъ книги жизни и сплести ихъ вмѣстѣ, безъ ущерба смыслу. Это сочетаніе будетъ потому воз- можно, что на каждой изъ этихъ страницъ жизни повторяется тотъ же мотивъ, тотъ же припѣвъ: «какъ я долженъ былъ быть арестованъ за свои вины или безвинно и какъ избѣгнулъ ареста».

Цѣль моя и претензія не велики,—просто занять читателя. Если иной мой арестъ получить оттѣнокъ историческій, благодаря об- стоятельствамъ и лицамъ, о которыхъ я говорю, то рядомъ другой арестъ—просто шутиливый анекдотъ или забавное приключеніе, имѣю- щіе лишь одну цѣну: правда изъ дѣйствительности, а не прикра- шенный вымыселъ.

Долженъ предупредить, однако, и объяснить слѣдующее.

Разсказать, какъ человека хотѣли за что либо арестовать, можно, конечно, въ двухъ-трехъ словахъ. Слѣдовательно я подробно рас- пространяюсь не о самыхъ арестахъ, которыхъ я вдобавокъ избѣг- нулъ, а о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ бѣда мнѣ грозила, и о тѣхъ лицахъ, которыя случайно соприкасались или имѣли ка- кое либо соотношеніе къ этимъ арестамъ.

Всѣхъ этихъ покушеній власти и закона на мою особу, при ко- торыхъ никакой habeas corpus не помогъ бы, было около десяти, но я разскажу только семь.

И этого бы, кажется, достаточно?.. Иной мирный гражданинъ (а я всегда имъ былъ) ни единого раза въ жизни не бывалъ на во- лосокъ отъ кары, въ видѣ крѣпости, тюрьмы или кутузки. Почему у меня было такое счастье, такая удача на аресты,—право, не знаю.

I.

Если разсказывать избѣгнутыя мною заарестованія, то ужъ, ко- нечно, нельзя обойти молчаніемъ самое первое, приключившееся когда мнѣ было всего десять лѣтъ.

Была весна 1850 года. Прошлая зима была знаменательною въ семьѣ нашей,—она принесла переломъ въ жизни моей матери.

Въ сороковыхъ годахъ моя мать жила съ дѣтьми своими беззаботно, въ домѣ своего отца, ветерана и героя отечественной войны, В. А. Сухова-Кобылина, жившаго въ Москвѣ, въ качествѣ подольскаго предводителя дворянства. Если я называю дѣда «героемъ», то потому что онъ участвовалъ во всѣхъ крупныхъ сраженіяхъ 1812 года, былъ не разъ раненъ, потерялъ глазъ отъ контузіи и былъ кавалеромъ русскаго «Георгія» и прусскаго «*Pour le Merite*» полученныхъ изъ рукъ Константина Павловича и Блюхера. А эти ордена въ тѣ времена давались нѣсколько осмотнительнѣе...

Дѣдъ мой нанималъ огромный домъ, принадлежавшій тогда графу Гудовичу, и нынѣ существующій рядомъ съ генераль-губернаторскимъ домомъ и протянувшійся по Тверской и по Брюсову переулку. Дѣдъ жилъ широко, «помосковски», съ дѣтьми и внуками.

Къ 50-му году вся семья какъ-то распалась, всѣ разъѣхались въ разныя стороны.

Дѣдъ былъ назначенъ опекуномъ надъ огромнымъ состояніемъ и Выксунскими желѣзными заводами своихъ родственниковъ Шепелевыхъ. Изъ двухъ сестеръ моей матери одна незадолго передъ тѣмъ вышла замужъ, а другая, обладая крупнымъ дарованіемъ пейзажиста, уѣхала въ Крымъ учиться рисовать съ натуры. Дядя А. В. Сухова-Кобылинъ купилъ себѣ домъ и поселился отдѣльно. Въ этомъ именно домѣ (нынѣ Нарышкиной на Нарышкинскомъ скверѣ) писалась «Свадьба Кречинскаго», а пять лѣтъ спустя праздновалось первое представленіе комедіи, которая вотъ уже сорокъ лѣтъ не сходитъ со сцены. На этомъ празднованіи, ужинѣ, я впервые увидѣлъ вблизи Щепкина, Садовскаго, Шумскаго и Васильева.

Моей матери пришлось, конечно, тоже поселиться отдѣльно и самостоятельно, такъ какъ она не захотѣла покинуть Москву. Состояніе, которымъ она располагала, было, однако, очень небольшое. И къ чему же это повело?.. Къ тому, что ради заработка, явилась въ русской литературѣ «Евгенія Туръ» и неустанно затѣмъ работала, не выпуская пера, въ продолженіе 43 лѣтъ.

Недостаточность средствъ, которыми она располагала для жизни съ двумя дѣтьми въ Москвѣ, именно и побудила ее попробовать писать. Еще будучи очень юной, она много переводила съ французскаго, и одинъ ея переводъ, сдѣланный еще въ 16 лѣтъ, былъ напечатанъ въ одномъ московскомъ журналѣ тридцатыхъ годовъ.

Затѣмъ около двадцати лѣтъ подъ рядъ, любя писать, она писала урывками, иногда, кой-что, но для себя и друзей, да вдобавокъ исключительно пофранцузски.

Теперь друзья уговорили ее попробовать писать порусски. Эта проба была повѣсть «Ошибка», имѣвшая большой успѣхъ.

Первое произведеніе, замѣченное публикой и расхваленное критикой, конечно, ввело мою мать сразу въ тогдашній литературный кругъ, и въ домѣ нашемъ стали бывать такія личности, какъ Гра-

новскій, Шевыревъ, Сушковъ, Станкевичъ... Но вмѣстѣ съ ними снова появились и старые друзья, Райчъ (переводчикъ «Энеиды») и М. А. Максимовичъ, прежніе наставники матери по русскому языку и литературѣ. Они ликовали, что ихъ ученица стала писательницей.

Вскорѣ же въ этомъ литературномъ кружкѣ случилось почти событіе. Всеобщій идолъ, Т. Н. Грановскій, никогда ничего никому не посвящавшій, вдругъ посвятилъ моей матери сочиненіе «Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ», а знаменитая поэтесса, графиня Ростопчина, ей написала «анонимное» хвалебное посланіе, ходившее по рукамъ и которое сохраняется у меня и теперь...

Послѣ огромнаго дома на Тверской, гдѣ была пропасть парадныхъ комнатъ, гдѣ давались большіе балы, гдѣ держали до двадцати лошадей на конюшнѣ и ораву дворовыхъ людей, мы очутились въ крошечномъ домикѣ съ тремя крѣпостными людьми и съ парой лошадей. Наша столовая, самая большая комната, была вдвое меньше размѣромъ, нежели спальня матери въ домѣ Гудовича.

Поселились мы около Сухаревой башни, въ 3-й Мѣщанской, почти на углу площади. Причина выбора такой дальней окраины Москвы и такого демократическаго квартала обусловливалась исключительно тѣмъ, что сестра моя была отдана въ знаменитый тогда пансіонъ Гларнеръ, находившійся по близости, въ 4-й Мѣщанской.

Я тогда готовился къ поступленію въ гимназію, но учился плохо... За то я много читалъ и, помнится, съ переѣздомъ на квартиру къ Сухаревой башнѣ, нѣсколько ночей не спалъ, вскрикивалъ и бѣжалъ спасаться къ нянѣ.

Старушка чрезъ силу подымалась, быстро являлась на мой зовъ о помощи со словами:

— Полно! Полно! Спи!.. Эхъ, проклятыя книжки.

Я только что прочелъ «Вія» Гоголя... Но не Вій смутилъ меня своими ночными визитами, а красавица вѣдьма, погубившая Хому Брута, все летала въ гробу вокругъ меня.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ эту пору я началъ читать Плутарха пофранцузски, котораго мнѣ подарилъ съ надписью Грановскій, и который, конечно, тоже цѣлъ до сихъ поръ. Я совершенно не понимаю, какимъ образомъ,—вѣроятно, изъ уваженія къ Грановскому,—могъ Плутархъ нравиться мнѣ почти не меньше «Вечеровъ близъ Диканьки».

Всякій день около двухъ часовъ я отправлялся въ гимнастическое заведеніе Пуарэ и Билъе на Неглинной, куда меня проводжали или лакей Иванъ Рѣпинъ, или горничная Лукерья, крошечнаго роста, съ громкой фамиліей—Трубецкая.

Это отсутствіе прислуги изъ дому часа на два среди дня было неудобно. И вотъ, однажды, въ началѣ апрѣля, когда вся Москва была въ ручейкахъ и рѣкахъ, въ прудахъ и озерахъ (тогда снѣгъ

не кололи и не увозили), моя мать рѣшилась на важный шагъ. Она призвала меня и сказала:

— Ты большой мальчикъ, теперь тебѣ скоро минетъ десять лѣтъ. Поэтому тебѣ пора уже выходить изъ дома одному. Но ты общаешься мнѣ осторожно переходить улицы, не лѣзть подъ лошадей и быть вообще умникомъ.

Я общался и былъ гордъ.

Тотчасъ же я собрался въ «гимнастику». Ради перваго дебюта—няня, Лукерья и еще кто-то вышли меня провожать на крыльцо, чтобы поглядѣть, «какъ я пойду».

Я пошелъ и оглядывался... Я шелъ, важно размахивая маленькой тросточкой... Но когда я завернулъ за уголъ и двинулся по Садовой, а домики нашъ и крыльцо скрылись изъ виду... то я сразу нѣсколько струхнулъ.

И то, что случилось чрезъ какихъ нибудь пять минутъ, часто потомъ заставляло меня призадумываться или «философствовать».

Я не прошелъ по Садовой и пятнадцати сажень, какъ встрѣтилъ трехъ мальчугановъ, которые, перейдя улицу отъ церкви Николы въ Грачахъ, вошли на тротуаръ прямо на меня.

И всѣ трое сразу мной заинтересовались... Старшему, долговязому, было лѣтъ тринадцать, остальнымъ двумъ отъ восьми до десяти. Они впились въ меня глазами и тотчасъ же начали насмѣшливо ухмыляться. Что привлекло ихъ вниманіе? Я думаю, что это былъ мой видъ «пайньки», скромнаго мальчика, очевидно, трусившаго отъ своего одиночества на улицѣ.

— Эй, воробей! Ты куда это? — сказалъ старшій, налѣзая на меня, и такъ какъ я попятился, то чрезъ мгновеніе былъ уже прижатъ къ забору. Старшій сталъ предо мной вплотную, двое другихъ стояли за нимъ, и всѣ трое ухмылялись и озорно.

— Вишь, воробей. Еще какъ картузъ надѣлъ. Вотъ какъ надо...

И онъ передернулъ картузъ на моей головѣ, а затѣмъ прилепнулъ по немъ.

— Что вы! Какъ вы смѣете! — произвесь я такимъ упавшимъ отъ страха голосомъ, что всѣ трое расхохотались на всю улицу.

— Ишь глазища-то, точно у вороны! — сказалъ старшій и ткнулъ меня пальцемъ въ щеку.

Я замахнулся своей тростью... но чувствовалъ, что это только для виду, но куражу не хватитъ...

Я за все мое дѣтство ни разу не подрался ни съ кѣмъ, развѣ съ сестрой, но это, конечно, въ счетъ не идетъ.

— Какъ вы смѣете? — повторилъ я.

— А! Ты палкой!?—вскрикнулъ старшій, какъ бы обиженный. — Ладно... Погоди...

И шустрый мальчуганъ досталъ откуда-то, длинную хворостину, помочилъ ее въ водѣ, которая струилась по канавкѣ, и хлестнулъ ею по мнѣ.

Моментально мое платье, картузъ, лицо—все было въ грязи, а холодная вода потекла съ головы за воротъ. И я, трусишка, какъ не знаю, но такъ ударилъ его моей тростью, что только половица ея осталась у меня въ рукѣ...

И, вѣроятно, не отъ удара, а отъ моего бѣшеннаго вида и лица всѣ трое припустились бѣжать внизъ по Садовой... Я хотѣлъ преслѣдовать, ибо злоба душила меня.

Но въ тотъ же мигъ сильная рука схватила меня за воротъ... Я обернулся, хотѣлъ ударить половинкой палки, но отъ изумленія рука опустилась.

Меня держалъ за воротъ высокій, полный и красивый... дьяконъ или священникъ.

— Ахъ, ты, озорникъ. Нешто можно такъ драться. Шутка! Палку сломалъ.

— Они дерутся... Они меня въ грязи выпачкали.

— По дѣломъ. За озорничество. Пойдемъ-ка, пойдемъ...

Батюшка взялъ меня за руку у плеча и повелъ черезъ улицу... Куда--я не понималъ, но шелъ поневолѣ и чрезъ нѣсколько мгновеній понялъ. Предъ нами около церкви Николы въ Грачахъ была будка...

— Батюшка... Я, ей-Богу... началъ я...

— Хорошо. Хорошо... Отсидишь, не будешь озорничать,—отвѣтилъ онъ просто, какъ бы бесѣдуя со мной.—Эй, бутыр!—крикнулъ онъ.

Но будочника не оказалось. Одна алебарда стояла прислоненная къ стѣнѣ будки. Очевидно, въ эту минуту блюститель порядка не былъ, по выраженію Кузьмы Пруtkова, цвѣткомъ «незабудкой», ибо былъ за буткой.

— Обида... Ну, обождемъ, — сказалъ батюшка.

Мы стали ждать будочника, которому онъ, очевидно, хотѣлъ меня передать для острастки и попросить запереть у себя на нѣкоторое время. Не знаю, имѣлъ ли право будочникъ приравнять меня къ пьяницамъ, грубіянамъ и мазурикамъ, которыхъ обыкновенно сажали въ будки въ видѣ предварительнаго заключенія.

Но куда будочникъ не являлся, батюшка сталъ разспрашивать, гдѣ «озорникъ» живетъ, кто родители и т. д.

— Такъ ты, графчикъ?—изумился онъ.—Не врешь?

Я побоялся и рассказалъ подробно, какъ было дѣло, удивляясь, что батюшка не видалъ всего предъидущаго до моего удара палкой.

— Да я изъ-за угла вышелъ, — объяснилъ онъ.—Только и видѣлъ какъ «вы» этого мальчишку вытянули. Ну, извините. Счастливо оставаться.

Будь будочникъ цвѣткомъ, я бы отсидѣлъ навѣрное съ четверть часа, ради острастки.

Тотчасъ же вернулся я домой и рассказалъ свой дебютъ «большого» мальчика, которому, якобы можно гулять одному.

И еще мѣсяца съ два до самаго отъѣзда въ деревню на лѣто меня провожала въ гимнастику или Лукерья Трубецкая или лакей. Только въ началѣ зимы дебютировалъ я вновь и удачнѣе «пошелъ» одинъ.

II.

Второй мой арестъ, наименѣе интересенъ, тѣмъ болѣе, что такимъ арестамъ подвергались и продолжаютъ подвергаться многіе— всѣ тѣ, кто учится въ школахъ и гимназіяхъ. Это было, кажется, въ пятьдесятъ второмъ или третьемъ году. Я былъ уже давно ученикомъ 3-ей реальной гимназіи.

Считаю нелишнимъ и отчасти характернымъ сказать, на какихъ условіяхъ моя мать отдала меня въ гимназію. Это были Николаевскія времена со своими особыми порядками. Вопросъ о томъ, учиться ли мнѣ дома или въ казенномъ заведеніи, былъ вопросомъ крайне важнымъ для моей матери по той простой причинѣ, что учился я плохо, проводя дни въ чтеніи романовъ и не имѣя по этому времени готовить уроки. А на лѣннихъ учениковъ во всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ еще царствовала розга, въ иныхъ же заведеніяхъ царилъ безпощадно.

Между тѣмъ моя мать не могла допустить мысли о возможности тѣлеснаго наказанія по отношенію ко мнѣ. Помнится мнѣ смутно, что вопросъ объ отдачѣ меня въ гимназію длился по крайней мѣрѣ около года, и, наконецъ, я былъ отданъ въ 3-ю гимназію, въ которой директоромъ былъ Погорѣльскій, извѣстный математикъ и равно извѣстный своимъ суровымъ нравомъ и строгостью. Моей матерью было поставлено условіе и принято Погорѣльскимъ, что для меня будутъ допущены только три рода наказанія: на колѣни въ классѣ, карцеръ и, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ послѣдующихъ степеней, прямо увольненіе. Эти исключенныя другія степени были: пять, десять, двадцать пять и изрѣдка, для самыхъ отчаянныхъ и лѣнтяевъ — пятьдесятъ розогъ.

Хорошо помню, какъ однажды послѣ русской рубашки и шароваръ на меня напалили какое-то орудіе пытки, которое перехватило мнѣ тисками грудь, перехватило горло и такъ подперло подбородокъ, что я не могъ ни двигаться, ни дышать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я все-таки былъ гордъ и, проходя мимо зеркалъ, невольно любовался на самого себя, на красный воротникъ съ галуномъ и на серебряныя пуговицы.

Помню, что именно 11-го октября 1851 года мой наставникъ Е., М. Оеоктистовъ, привезъ меня на Лубянку въ зданіе гимназіи, которая и теперь, черезъ сорокъ пять лѣтъ, все на томъ же мѣстѣ. Кто-то принялъ меня съ рукъ на руки, провелъ длиннымъ коридоромъ, ввелъ

въ довольно большую комнату, гдѣ были пюпитры и скамьи, на которыхъ пестрѣли красные воротники, и посадилъ на самой послѣдней... Все, что было въ классѣ маленькихъ человѣчковъ, сразу обернулось и оборачивалось на меня. Нѣсколько разъ учитель, сидѣвшій на кафедрѣ, кричалъ и стучалъ карандашемъ по столу, приглашая быть внимательнѣе и оставить безъ вниманія вновь поступившаго, но усилія его были тщетны. Новый товарищъ среди учебного сезона былъ явленіемъ незауряднымъ.

Разумѣется, по окончаніи урока, едва только прозвонилъ колокольчикъ, и учитель вышелъ изъ класса, какъ вся орава мальчугановъ обступила меня съ вопросомъ:

— Какъ твоя фамилія?

И тутъ произошло со мной нѣчто, что, вѣроятно, происходило и будетъ происходить со всѣми, кто поступаетъ въ школу. Тотчасъ же, какъ и въ жизни, оказались друзья и враги, нахалы и заступники, и затѣмъ понемногу въ этомъ классѣ я занялъ подобавшее мнѣ, по моему характеру, «общественное» положеніе. У меня оказалось два, три врага, изъ коихъ одинъ заклятый врагъ. Богъ вѣсть за что и почему! Но большинство стало добрыми товарищами, человѣкъ же пять—настоящими друзьями.

Въ этотъ же первый день, послѣ окончанія ученія, ко мнѣ подошелъ высокій и плотный человѣкъ съ красноватымъ лицомъ, свѣтло-бѣлокуроыми, почти бѣлыми, волосами и свѣтло-сѣрыми, но какъ бы слегка мутными глазами. Черты лица его были грубоваты, но первое, что бросалось въ глаза, было добродушіе.

Это былъ младшій надзиратель, подъ вѣдѣніемъ котораго находились первые два класса. Вѣроятно, многіе изъ моихъ товарищей помнятъ, вспомнятъ и помянутъ добромъ этого человѣка, который какъ-то бессознательно, не изъ принципа, а по натурѣ своей, смягчалъ существовавшіе школьные порядки, смягчалъ тотъ гнетъ, который лежалъ на всемъ, лежалъ, разумѣется, и на дѣтяхъ.

Это былъ Михаилъ Гавриловичъ Пушкинъ, пробывшій надзирателемъ 3-ей гимназіи такъ долго, что я не могу и приблизительно сказать, сколько поколѣній москвичей знаютъ его, познакомаясь съ нимъ еще дѣтьми.

Я напому лишь одну черту Михаила Гавриловича: онъ былъ страшно вспыльчивъ и неразборчивъ на слова. Его обязанности заключались въ томъ, чтобы смотрѣть за тишиной и порядкомъ въ классахъ, въ особенности въ тѣ минуты, когда звонокъ заставлялъ учениковъ уже разсаживаться по лавкамъ, а учитель еще не являлся изъ залы въ классъ.

Во время отдыха между звонками тоже не позволялось очень шумѣть, но все-таки можно было двигаться, громко разговаривать, и только не бѣгать по классу или по коридору. Но разъ прозвонилъ звонокъ и всѣ на мѣстахъ, почему-то требовалась безу-

словная, гробовая тишина, какъ если бы дѣти находились въ храмѣ за обѣдней.

Вотъ въ эти-то минуты являвшійся въ классъ Пушкинъ сердился, пылилъ и, по своей привычкѣ хваталъ у ближайшаго ученика его книжку, стараясь выбрать таковую безъ переплета, клалъ ее на столъ и начиналъ со всей мочи стучать по ней кулакомъ. При этомъ онъ сыпалъ тѣми отборными словами, которыя не попадаютъ въ печать, а которыя и попадаютъ, печатаются съ восклицательными знаками. Самыми прослыми эпитетами, обыкновенными, были: мерзавецъ, подлецъ, каналья. Самый частый, его любимый эпитетъ, состоящій изъ двухъ словъ, былъ... не сынъ отечества. Однако, я спѣшу прибавить, что въ данномъ случаѣ Пушкинъ слѣпо подражалъ всѣмъ воспитателямъ всѣхъ учебныхъ заведеній, какія тогда существовали на Руси. Зато этотъ же Пушкинъ постоянно, но якобы случайно, или нечаянно, якобы по ошибкѣ, смягчалъ наказаніе дѣтей-учениковъ, которые заслуживали того.

Хорошо помню, какъ однажды, проходя по коридору мимо директора князя Ширинскаго-Шихматова съ большимъ листомъ въ рукахъ и Пушкина, стоящаго передъ нимъ на вытяжку, я собственными ушами слышалъ фразу, сказанную сурово и строго:

— Почему же это вы ни въ чемъ не разсѣяны, а въ наказаніяхъ всегда ссылаетесь на разсѣянность? Странно это, г. Пушкинъ!

Это было въ субботу. Листъ, который держалъ директоръ въ рукахъ, именовался между учениками «вызывательнымъ» листомъ. Въ немъ были прописаны имена учениковъ разныхъ классовъ, а затѣмъ передъ ихъ именами стояло слово «карцеръ» или цифра. Но это были не баллы: такой системы балловъ, какъ 15—20 и т. д., не существуетъ.

Каждую субботу послѣ самаго длиннаго антракта и завтрака (почему непременно послѣ завтрака — этого я не знаю), Пушкинъ появлялся съ вызывательнымъ листомъ и, прося у учителя позволенія перервать на минуту ученіе, становился около кафедры и начиналъ читать: «Петровъ, Слободзинскій, Чмутовъ, Семирамидскій, Фришманъ, Гуськовъ и т. д.

Называю эти имена не наобумъ, а потому, что мнѣ кажется, что теперь уже не существуетъ и не могутъ существовать ученики, подобные мною названнымъ. Ихъ сѣкли аккуратно всякую недѣлю, прилагая къ нимъ максимальныя наказанія. Вызванные уходили за Пушкинымъ и возвращались въ классъ черезъ полчаса, иногда черезъ часъ. И никогда вернувшіеся не встрѣчали насмѣшливой улыбкой или шуткой... На него старались не глядѣть...

По поводу этого субботняго обычая приведу заповѣдь нашего сочиненія: «Шесть дней ничего не дѣлай и сотвориши въ нихъ всѣ единицы и нули твоя, въ день же седьмой работа господину Пушкину твоему».

Всѣ эти мелочи къ моему самому обыкновенному и неинтересному аресту совершенно нейдутъ. Я увлекся невольно, вспомнивъ это дикое и въ то же время дорогое время. Перейду прямо къ моему второму аресту, или къ тому, какъ я заслужилъ попасть въ карцеръ, но по «разсѣянности» Пушкина избѣгнулъ наказанія.

Я былъ уже въ третьемъ классѣ.

Въ числѣ другихъ учителей былъ у насъ учитель нѣмецкаго языка, г. Манке. Нѣмцевъ почему-то въ гимназіяхъ тогда вообще не любили, но на бѣду нашего ментора у него былъ такой физическій недостатокъ, при которомъ право немыслимо было состоять учителемъ и имѣть дѣло со школьниками.

Малѣйшая мелочь, странная или смѣшная, подмѣчается дѣтьми больше, чѣмъ взрослыми, а у нѣмца Манке былъ такой недостатокъ, который кидался въ глаза и, разумѣется, приводилъ въ восторгъ всякаго школьника. Въ такой восторгъ, который не уменьшался и не смягчался временемъ и привычкой. У Манке вся кисть правой руки не существовала или же была отрѣзана, и поэтому изъ рукава вицъ-мундира не виднѣлось ничего... Орудовалъ и писалъ онъ лѣвой рукой.

И, разумѣется, всякій день, изъ недѣли въ недѣлю, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ сезона въ сезонъ, постоянно, ежедневно, если не ежечасно, повторялось въ четырехъ классахъ, гдѣ Манке училъ, все одно и то же... Нѣтъ никакой человѣческой возможности представить себѣ и уразумѣть, какимъ образомъ это повторявшееся и длившееся, какъ длится время, то-есть непрерывно, не надоѣдало самимъ мальчуганамъ, цѣлымъ поколѣніямъ мальчугановъ. А равно не уразумѣть титаническаго терпѣнія нѣмца педагога.

Помню, что каждый разъ, что «heer» Манке появлялся въ классъ и садился на каеэдру, за одинъ урокъ, по крайней мѣрѣ человѣкъ пять-шесть и десять приближались къ каеэдрѣ, стараясь какъ можно глубже всунуть правую руку въ рукавъ. И, разумѣется, сейчасъ же являлась расправа. Виноватый шелъ или на колѣни къ печкѣ или выгонялся изъ класса. Иногда же, послѣ призыва надзирателя Пушкина, самый упрямый издѣватель отправлялся для нравоученія къ директору. Причемъ, конечно, эпилогъ нравоученія откладывался до субботы.

Разумѣется, если бы heer Манке никогда не обращалъ никакого вниманія, всунута или высунута кисть правой руки ученика, то эта глупая забава, эта страсть дразнить его, уничтожилась бы сама собой. Но нѣмецъ, болѣзненный и желчный, наоборотъ, былъ настолько чувствителенъ къ этой насмѣшкѣ, что часто случались даже недоразумѣнія. Такъ случилось оно и со мной.

Я, по характеру, не былъ способенъ дразнить человѣка тѣмъ, что у него нѣтъ руки отъ природы или несчастья, а между тѣмъ однажды Манке накинулъ вдругъ на меня и тоже отправилъ

меня на колѣни къ печкѣ. Ему показалось, что я, отвѣчая урокъ, тоже прячу правую руку въ рукавъ. Обиженный несправедливостью, я сталъ горячо оправдываться и объяснилъ, что я самъ хромаю отъ недостатка въ ногѣ. Въ классѣ поднялся почему-то безумный хохотъ и крики: «Хромой съ безрукимъ сдѣпились». И вышелъ дѣлый скандалъ.

Наконецъ, однажды, мы дождались, что на нашей улицѣ былъ особенный праздникъ... Случайность ли это была или невѣроятная дѣтская изобрѣтательность, или результатъ озлобленія противъ нѣмца,—сказать теперь не могу. Случилось нѣчто простое. Однажды, именно послѣ Пасхи, вернувшись въ классъ, мы узнали, что нѣкоторые изъ нашихъ учителей, въ томъ числѣ два любимца: всей Москвѣ хорошо извѣстный, покойный Лекторскій—учитель математики, и равно извѣстный тоже многимъ поколѣніямъ учитель чистописанія Градобоевъ, были произведены въ слѣдующій чинъ.

Въ этомъ извѣстїи для насъ, мальчугановъ, не было ничего ни удивительнаго, ни особеннаго. Удивительнымъ или, лучше сказать, умышленно-удивительнымъ показалось намъ, что и нашъ «Манка», у котораго манкируетъ рука, тоже удостоился производства.

Когда всѣ собрались снова приниматься за ученье, гулко и весело рассказывая другъ другу, какъ кто провелъ праздники, вдругъ пронеслась эта вѣсть и упала среди насъ, какъ бомба:

— Негг Манке получилъ чинъ!

— Скажите, пожалуйста. Каковъ!

— Ахъ, подлецъ!

— Манка-то, Манка!

И т. д. въ этомъ родѣ восклицали всѣ.

При появленіи въ классѣ учителей, произведенныхъ въ слѣдующій чинъ, мы всѣ послѣ молитвы, еще не сядя на лавки, кланялись и говорили:

— Поздравляемъ съ чиномъ! съ чиномъ!

При этомъ тѣ же Лекторскій или Градобоевъ, улыбаясь, отвѣчали:

— Спасибо! и продолжали: — Ну, ну, спасибо! Полно шалить. Садитесь. Будетъ!

И болѣе ничего не приключилось.

Когда появился негг Манке, то раздалось то же самое, съ тѣмъ же поклономъ:

— Съ чиномъ! Съ чиномъ!

— Danke sehr! — отозвался нѣмецъ, сладко улыбаясь и даже прїятно удивленный такой любезностью своихъ ненавистниковъ.

— Съ чиномъ! Съ чиномъ! — все-таки гудѣло въ классѣ.

— Ошенъ карашо. Товольно! Шпасибо! Садитсь. Пфуй! Довольно! — убѣждалъ негг Манке.

Передніе смолкли и тотчасъ сѣли, но серединные и задніе про-

должали повторять, кланаясь въ поясъ и чуть не ударяя лбами по столамъ:

— Съ чиномъ! Съ чиномъ!

Тишина, однако, наступила только тогда, когда въ дверяхъ изъ коридора показался Пушкинъ, привлеченный необычнымъ шумомъ.

— Это что? Ахъ, подлецы!

— Мы поздравляемъ!—заявили мы невинно.

Разумѣется, въ эту минуту, когда всѣ усѣлись и начали снова долбить и повторять наизусть заданные нѣмецкіе діалоги, никто не думалъ, что произойдетъ впоследствии.

Черезъ день или два, когда негг Манке снова явился въ классъ, вошелъ на каеэдру и, простоявъ, покуда ученикъ читалъ молитву, собрался сѣсть,—въ классѣ вдругъ раздалось, какъ ура на улицѣ:

— Съ чиномъ!!

Нѣмецъ сразу окрысился, оглянулъ всѣхъ, по крайней мѣрѣ человѣкъ пятьдесятъ и, обведя озлобленнымъ взоромъ съ высоты и своего величія и каеэдры весь классъ, крикнулъ:

— Молтшать!

Но классъ гудѣлъ:

— Съ чиномъ! Съ чиномъ!

И снова на этотъ гулъ влетѣлъ Михаилъ Гавриловичъ, выхватилъ изъ рукъ ближайшаго къ двери ученика его грамматику, швырнулъ на столъ и заколотилъ изо всей мочи кулакомъ, повторяя выразительныя слова и эпитеты. Затѣмъ онъ назвалъ фамиліи трехъ-четырехъ человѣкъ. Названные вышли изъ-за своихъ столовъ и затѣмъ скрылись въ дверяхъ за надзирателемъ...

Наступила тишина. Что было съ этими, выведенными Пушкинымъ, я не помню, но хорошо помню, что было черезъ нѣсколько дней, когда снова былъ урокъ нѣмецкаго языка. Снова появился несчастный негг Манке, и снова послѣ молитвы начался чуть слышный въ классѣ, совсѣмъ неслышный въ коридорѣ, согласный, ласковый, но похожій на шипѣніе змѣи, шепотъ:

— Съ чиномъ! Съ чиномъ! Съ чиномъ!

Нѣмецъ, сидя за столикомъ, вытаращилъ глаза. Этотъ макиавелизмъ со стороны дѣтей поразилъ его... Безобразіе то же, ехидство то же, а между тѣмъ очевидно, что это новое «съ чиномъ» можетъ продолжаться хотя бы часъ, такъ какъ въ коридорѣ не слышно, и самъ Пушкинъ не влетитъ въ дверь на помощь.

Прослушавши этотъ шепотъ пятидесяти человѣкъ въ продолженіе добрыхъ пяти минутъ, нѣмецъ наконецъ замоталъ головой укоризненно и выговорилъ:

— Ахъ, звиньи, звиньи, звиньи!...

Разумѣется, шепотъ втрое усилился. Негг Манке тихо всталъ и направился къ дверямъ. Вызвавъ солдата изъ коридора, онъ

послать его за Пушкинымъ. Черезъ минуту появился Михайлъ Гавриловичъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ развелъ руками.

— Дѣлать нечего-съ,—обратился онъ къ Манке,—доложу директору! Надо разыскать примѣрно.

Послѣ урока Пушкинъ пригрозился намъ пожаловаться директору, общая строгую расправу.

Мы унялись. Около недѣли прошло благополучно, и о новомъ коллежскомъ ассесорѣ, нѣмцѣ, какъ будто весь классъ забылъ. Но затѣмъ вдругъ черезъ недѣлю или десять дней, невѣдомо съ чего, снова началось то же. И снова длилось безобразіе, по крайней мѣрѣ, уроковъ пять подрядъ. Каждый разъ, что негг Манке послѣ молитвы садился въ кресло, аккуратно раздавалось, или шепотомъ или вполголоса, но удивительно согласно и единодушно:

— Съ чиномъ! Съ чиномъ!

Начальство очевидно вышло изъ себя, и однажды весь нашъ классъ былъ раздѣленъ на три категоріи и даже, можно сказать, на четыре.

Одинъ изъ учениковъ, самый отчаянный, котораго мы звали Ванька-Каинъ, за что именно, не помню, былъ исключенъ. Десять человѣкъ выскли, человѣкъ двадцать отправили на колѣни въ залу во время отдыха и завтрака учителей. Это считалось постыднымъ, ибо приходилось стоять на колѣняхъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ проходили не только всѣ служащіе въ гимназіи, но и посторонніе посѣтители.

Наконецъ, человѣкъ пятнадцать, а въ томъ числѣ и я, были подведены подъ наказаніе карцеромъ.

Но, видно, мнѣ въ жизни было не суждено быть арестованнымъ. На меня за всю жизнь производились только покушенія.

На этотъ разъ, когда послѣ окончанія ученія толпа человѣкъ въ двѣсти посыпала изъ воротъ гимназіи на Лубянку и на Кузнецкій мостъ, мы отправились, подъ командой солдата, во дворъ и направо въ угольный флигель. Но едва только мы достигли крыльца этого домика, какъ изъ него появился Пушкинъ, разводя руками и стараясь скрыть невольную усмѣшку на губахъ.

— Я не знаю, что мнѣ съ вами, мерзавцами, дѣлать!—выговорилъ онъ.—Въ карцеръ такая орава заразъ не влѣзетъ. Придется нѣкоторыхъ разсадить въ простыхъ комнатахъ. Ну, идите!

И мы вступили въ коридоръ вслѣдъ за Михаиломъ Гавриловичемъ, пересмѣиваясь и почти довольные тѣмъ, что въ такомъ большомъ обществѣ будемъ отбывать самое нелѣпое наказаніе, когда оно неединочное и непродолжительное.

Отправивъ трехъ человѣкъ съ солдатомъ въ карцеръ, самъ Пушкинъ ввелъ остальныхъ въ комнаты, совершенно очищенные отъ мебели, гдѣ очевидно что-то передѣлывалось, полы или стѣны, и

распредѣлили насъ въ трехъ такихъ пустыхъ комнатахъ. Въ третью попалъ я съ двумя товарищами.

Заперевъ предыдущихъ на ключъ, Михаилъ Гавриловичъ явился къ намъ и выговорилъ шопотомъ:

— Ну, а вы, мерзавцы поздравители... пошли вонъ!... Домой! Только не хвастать. Чтобы другимъ было неизвѣстно. Да типе. Кто нашумитъ, того верну и запру!

Разумѣется, я, подобно товарищамъ, такъ аккуратно вышелъ нацыпочкахъ, что и второй арестъ въ моей жизни не состоялся.

Прибавлю два слова, ради характеристики тогдашнихъ гимназическихъ порядковъ, объ одномъ нововведеніи, которое не привилось у насъ и потерпѣло фіаско, но которое до 1855 года, говорятъ, процвѣтало въ другихъ гимназіяхъ.

Въ 1853 или 54 году, хорошо не помню, намъ, т. е. ученикамъ, «пришелъ карачунъ», какъ мы выражались. Житія на свѣтѣ не было... Конечно, отъ девяти часовъ и до трехъ, за все всемя пребыванія въ классѣ.

Къ двумъ надзирателямъ, Вердану и Пушкину, прибавился третій имъ въ помощь. Съ его появленіемъ, что бы въ классѣ ни говорилось, ни дѣлалось,—все было ему извѣстно и за все взыскивалось. Онъ завелъ сыщиковъ и шпионовъ, что въ разношерстной средѣ учениковъ было найти не трудно. Длилось это до тѣхъ поръ, покуда одного изъ нихъ, нынѣ занимающаго довольно видный постъ, не исколотили жестоко на Рождественскомъ бульварѣ. Я въ избіеніи не участвовалъ, конечно, но радовался, подобно всѣмъ. «Фискалка», какъ мы выражались, исчезъ, т. е. вышелъ добровольно изъ гимназіи, ибо ему обѣщали бить его безконечно. Остальные струхнули, и шпионство прекратилось, по крайней мѣрѣ, въ мелочахъ.

Замѣчательно то, что мы неоднократно жаловались Пушкину, что между нами завелись «фискалки», и онъ, начальство, отвѣчалъ:

— Пронюхайте сами, подлецы, кто іудействуетъ, и я того въ субботу угощу отдѣльно, глазъ на глазъ. Въ кисель обращаю!

III.

Не помню, въ какомъ году, но помню, что я былъ еще въ гимназіи, стало быть, приблизительно въ пятьдесятъ третьемъ или четвертомъ году, Москва въ концѣ зимы особенно волновалась. Разумѣется, Москва не съ Ильинки и Зарядья, не съ Ордынки или съ Бутырокъ. Выражаясь «Москва», я хочу сказать «московскій большой свѣтъ», много отличный отъ теперешняго, такъ именуемаго, и затѣмъ московскій передовой кружокъ, состоявшій изъ писателей, ученыхъ и профессоровъ.

Не надо забывать, что въ эти дни были живы такіе люди, какъ Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ съ сыновьями, Хомяковъ, Грановскій и Кудрявцевъ. Были равно и такіе, какъ Шевыревъ, Погодинъ и Сушковъ со своимъ литературнымъ кружкомъ. Былъ, наконецъ, на зенитѣ своей славы Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Вотъ этотъ-то міръ, которымъ руководили подобные люди, волновался пуще всѣхъ другихъ кружковъ Москвы. Отсюда ясно, что мотивъ и причины этихъ волненій были не простые.

Въ Москвѣ появилась временно одна личность, одна знаменитость всесвѣтная. Москва знала уже о ней кое-что по газетамъ и по слухамъ, но извѣстно, что ученая и талантливая Москва отличается въ данномъ случаѣ большимъ скептицизмомъ.

Когда знаменитость появилась въ Первопрестольной, то я хорошо помню, что Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ, на вопросъ, стоитъ ли видѣть это свѣтило, пожалъ плечами и заявилъ:

— Трудно сказать... Французенка—вотъ что! А французы изъ повинизма всегда изъ своей мухи слона дѣлаютъ.

Пріѣзжая знаменитость была не кто иная, какъ безсмертная въ лѣтописяхъ театра и памятная смертнымъ, ее видѣвшимъ, высоко одаренная, неподражаемая, въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, Рашель.

Когда появилось объявленіе о томъ, что la célèbre tragédienne будетъ давать спектакли въ Маломъ театрѣ, и открылся абонементъ, то едва не былъ закрытъ тотчасъ же: охотниковъ абонироваться почти не нашлось. Но послѣ перваго же представленія, кажется, «Андромахи», если не «Горація», всѣ билеты отъ партера до райка были расхвачаны въ два дня, а затѣмъ уже перепродавались неудачникамъ за страшную цѣну.

Приведу маленькую подробность, считая ее характерною особенностью воспитанія, которое я получалъ.

Въ домѣ возникъ вопросъ о томъ, пустить ли меня на всѣ представленія Рашель, или только на нѣкоторыя трагедіи, въ родѣ Баязета, Полиэвкта и какой-то невинной классической комедіи. Вопросъ этотъ былъ предложенъ моею матерью при мнѣ профессору П. Н. Кудрявцеву, А. Д. Галахову и еще третьему лицу.

Помню живо, какъ я ждалъ рѣшенія своей участи. Меня, конечно, интересовала не Рашель, а интересовали отчасти произведенія Расина и Корнеля, а главнымъ образомъ «французскія» представленія. Я съ ранняго дѣтства любилъ этотъ на половину родной мнѣ языкъ, а до тѣхъ поръ со сцены никогда его не слыхалъ.

Помню, что этотъ триумвиратъ, составившій изъ себя трибуналъ, рѣшилъ вопросъ не сразу, а я, подсудимый, сидѣлъ, затаивъ дыханіе и ожидая въ нѣкоторомъ смыслѣ обвиненія или оправданія. Кудрявцевъ прямо выразился:

— Конечно «да»—и на всѣ представленія. Французскіе клас-

сики, да еще при классической передачѣ такимъ дарованіемъ, какъ Рашель, могутъ быть только полезны.

Третья личность прямо заявила, что такія вещи, какъ «Федра» или «Адриенна Лекуверрь» и не помню, что еще, немислимы для слуха и вредны для воображенія двѣнадцати или тринадцати-лѣтняго мальчика. Алексѣй Дмитріевичъ Галаховъ былъ сначала ни за, ни противъ, но очень быстро согласился съ мнѣніемъ Кудрявцева.

Врядъ ли какой оправданный подсудимый выскакиваетъ изъ суда на улицу съ такой радостью, съ какой я выскочилъ изъ дому, получивъ около пятнадцати рублей для абонеента на всѣ представленія Рашель. И недѣли три сподрядъ я бывалъ въ театрѣ чуть не всякій день, такъ какъ сталъ получать билеты въ подарокъ и на представленія внѣ абонеента.

Передать теперь душевное состояніе за то время нѣтъ никакой возможности. Я былъ въ какомъ-то чаду... И это извинительно, когда люди, подобные Грановскому, Кудрявцеву и моей матери, были тоже въ чаду. Все время, что гениальная артистка была въ Первопрестольной, все время, что чередовались «Федра», «Камилла», «Роксана», «Андромаха» и другія, предъ очарованнымъ взоромъ и слухомъ Москвы, ученой, литературной, а равно и свѣтской, не было иныхъ интересовъ и разговоровъ, какъ о Рашели.

Съ тѣхъ поръ за всю жизнь мнѣ не случилось видѣть ни такого громаднаго дарованія, ни такого пылкаго увлеченія имъ среди лицъ самыхъ разнообразныхъ кружковъ. Что были знаменитыя m-lle Жоржъ, или Дорваль, или Марсъ, каждая въ свое время, сказать нельзя ихъ невидавшему. Предполагаю, что онѣ ниже Рашели и скажу, что послѣ Рашели, такой талантъ, какъ Ристори, кажется не крупнымъ дарованіемъ. Нечего и говорить, конечно, сравнительно съ Рашелью о такой мелкотѣ, какъ Сарра Бернаръ и даже Леонора Дузэ. Эти двѣ являются крупными величинами, если ихъ сравнивать съ Плесси, Розой Шери и сестрами Броганъ.

Не вдаваясь въ оцѣнку дарованія Рашели, которое хорошо извѣстно въ лѣтописяхъ театра, я скажу только, что дикція ея была какая-то особенная. Сила влагаемая ею въ нѣкоторыя сцены, была такъ сверхъестественно «властна», что, напримѣръ, теперь, сорокъ слишкомъ лѣтъ спустя, я еще слышу ея голосъ, и интонація нѣкоторыхъ словъ, фразъ и монологовъ еще звучитъ въ ушахъ.

Глубоко убѣжденъ, что всякій, видѣвшій Рашель, и теперь помнитъ сердечный крикъ Роксаны: *Bajaset, je sens que je vous aime.* Или Адриенну Лекуверрь, говорящую: *Ce front qui ne rougit jamais!* Или, наконецъ, знаменитое «*imprecation*» Камиллы въ Гораціяхъ, начинающееся съ фразы: «*Rome, l'unique objet de mon ressentiment*», и кончающееся словами: «*Moi seule en être cause, et mourir de plaisir!*»

Можно сказать, что каждая строка этого проклятія или «про-

клинанія» звучала отдѣльнымъ чувствомъ, которое передавалось и зрителю. Въ продолженіе какой нибудь минуты приходилось пере-чувствовать самому все человѣческое, переходить отъ горя и страданія къ восторженному счастью, отъ страшнаго отчаянія къ безумной радости, отъ пылкой любви къ злобной ненависти, отъ грознаго подъема титаническаго гнѣва къ безпомощнымъ стenanіямъ и слезамъ бѣдной несчастной дѣвушки.

Да, кто видѣлъ Рашель хотя бы одинъ разъ въ жизни, тотъ всегда придетъ въ восторгъ при одномъ воспоминаніи объ ней. А тотъ, кто не видалъ ея, никогда не уразумѣтъ, до какихъ Геркулесовыхъ столбовъ и «за нихъ» можетъ дойти сценическое дарованіе. Впрочемъ, Рашель не дарованіе, а гениальность.

Помню хорошо, что Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ послѣ одного изъ представленій, на вопросы, обращенные къ нему у насъ въ домѣ, не отвѣчалъ ни слова, а только взялъ себя обѣими руками съ растопыренными пальцами за голову, а потомъ, отнявъ руки, сталъ ими легко помахивать. И онъ вовсе не шутилъ, лицо его было серьезно, одушевленно. А жестъ говорилъ ясно:

— Нѣтъ, не говорите... Не спрашивайте! Обсужденіе—профанація.

Выразительность этого жеста меня поразила. Я думаю, что въ Щепкинѣ отъ игры Рашель звучала какая-то такая струна, звукъ которой другимъ понятенъ быть не могъ. Да и позволить другимъ услышать этотъ звукъ—профанація его. И иногда, теперь я себя спрашиваю, какіе дни долженъ былъ пережить нашъ великій артистъ предъ этимъ гигантомъ или исполиномъ искусства.

Однако, спросятъ у меня, что же общаго между Рашелью, восторгомъ Москвы, восторгомъ передовыхъ москвичей въ родѣ Грановскаго и Щепкина—съ моимъ арестомъ? Вѣдь я же собирался только разсказать изъ моей жизни одни неудавшіеся аресты. Отвѣчаю... Между всеобщимъ московскимъ увлеченьемъ Рашелью, которое я, еще будучи мальчикомъ, пылко, но и вполне сознательно раздѣлялъ, и моимъ арестомъ—много общаго.

Спустя лѣтъ пять, если не менѣе, будучи уже юношей, я жилъ въ Парижѣ, но довольно много учился, готовясь вернуться въ Россію, чтобы поступить въ университетъ. Однажды, до нашей квартиры, гдѣ собрались многіе изъ русской колоніи и изъ парижанъ писателей и артистовъ, достигла вѣсть, которая гулко пробѣжала по всему Парижу, но и въ нашей семьѣ отозвалась шумно.

Пришло извѣстіе, что Рашель умерла на югѣ Франціи, въ Каннахъ, послѣ долгой борьбы съ злой чахоткой.

Черезъ нѣсколько дней Парижъ ожидать прибытія по Ліонской желѣзной дорогѣ останковъ знаменитой артистки. Весь Парижъ только и говорилъ, что о блестящихъ похоронахъ, которыя предстоитъ увидать, о многотысячной толпѣ, которая будетъ провожать великую артистку на кладбище.

Что до меня касается, то, вѣроятно, благодаря сильной впечатлительности отъ природы и немалому воображенію, я былъ еще весь попрежнему подъ впечатлѣніемъ игры Рашели въ Москвѣ. Предо мной при извѣстіи объ ея смерти живо, какъ наяву, возстали вновь и Адриенна, и Камилла, и Роксана, и иные женскіе облики, хорошо знакомые и любимые, въ родѣ кокетки Лидіи въ крошечной, граціознѣйшей вещицѣ изъ римской жизни, кажется, В. Гюго.

Разумѣется, я сказалъ себѣ, что не только пойду за ея гробомъ, но сочту просто священнѣйшимъ долгомъ видѣть, какъ ее опустятъ въ могилу. Но вдругъ я узналъ нѣчто, что привело меня въ отчаяніе. Я узналъ, что могу идти съ многотысячной толпой черезъ весь Парижъ на кладбище Père Lachaise, но видѣть, какъ опустятъ ее въ землю,—дано только избраннымъ.

Рашель, какъ извѣстно, была еврейка, не перемѣнившая, конечно, своей религіи, несмотря на старанія и совѣты ея друзей, и потому должно было похоронить ее на еврейскомъ кладбищѣ, прислоненномъ къ огромному Père Lachaise. Въ это сравнительно не большое кладбище публика должна была допускаться только по особымъ пригласительнымъ билетамъ. Получить такой билетъ въ городѣ съ миллионнымъ населеніемъ, гдѣ, конечно, нашлось тогда до ста тысячъ поклонниковъ покойной, было мнѣ, восемнадцатилѣтнему иностранцу, невысказанно.

Отецъ мой, видя мою неподдѣльную печаль, вызвался похлопотать и обратился къ Теофилю Готье и къ своему хорошему другу, посредственному драматургу Латуру. Теофиль Готье отозвался полной невозможностью, такъ какъ билеты въ ограниченномъ количествѣ были уже всѣ расписаны. Но Латуръ обѣщался дать пропускъ на еврейское кладбище, интимный, не настоящій, незаконный, но такой, на который смотрятъ сквозь пальцы. Подобнаго рода билетъ я и получилъ. Но, увы, онъ былъ доставленъ на квартиру черезъ часъ послѣ моего выхода изъ дому.

Билетъ ли этотъ опоздалъ, или я, рано поднявшись, нетерпѣливо собрался скорѣе идти встрѣтить похоронную процессію, которая двигалась черезъ Парижъ?.. Во всякомъ случаѣ я встрѣтилъ процессію на вокзалѣ и двинулся среди страшной массы народа съ надеждой проводить погребальную колесницу только до кладбища. Дѣйствительно, у небольшихъ воротъ, отдѣльных отъ главнаго входа и ведущихъ на еврейское кладбище, стояла въ огромномъ количествѣ полиція, конная и пѣшая. Гробъ сняли съ колесницы и понесли, а за нимъ двинулась большая толпа, но горсть людей, сравнительно съ массой народу, дошедшаго сюда чрезъ весь Парижъ.

Во главѣ этой толпы избранниковъ былъ весь цвѣтъ тогдашней Франціи, литературной и политической.

Большая кучка лицъ изъ той части толпы, въ которой я стоялъ, одновременно двинулась на самое кладбище *Père Lachaise* и двинулась съ такой быстротой, съ такой рѣшимостью и смысломъ, что я понялъ, что это движеніе происходитъ не случайно. И, разумѣется, я пустился за другими. Вѣдь не бѣгутъ же они глядѣть памятники кладбища! Имъ бы слѣдовало возвращаться теперь домой, а они сразу устремились куда-то влѣво.

Не помню какъ, но я очутился въ числѣ сотни молодыхъ людей, которые шибко, почти бѣгомъ, пустились по одной изъ аллей *Père Lachaise*, забирая все правѣе. Около меня среди гула голосовъ слышенъ былъ итальянскій и русскій языки, а еще ближе, яснѣе—английскій. Рослый и красивый англичанинъ, лѣтъ не болѣе двадцати, обратилъ на себя мое вниманіе своимъ страшно оживленнымъ лицомъ.

Зная поанглийски только нѣсколько словъ, я, однако, понялъ, что мой англичанинъ имѣетъ какое-то опредѣленное намѣреніе.

По той отвагѣ, которой дышало его лицо и вся фигура, я понималъ тоже, что онъ это свое намѣреніе непременно приведетъ въ исполненіе. Какое же могло быть у него намѣреніе, помимо чего либо, касающагося похоронъ... Конечно, ничего иного! Все, что мыслили, чувствовали и дѣлали въ это мгновеніе всѣ эти люди,—все это можно было перевести однимъ словомъ: Рашель, Рашель!

Кучка молодежи, надъ которой, головой выше всѣхъ, царила фигура моего англичанина, на рыскахъ летѣла по дорожкѣ, между высокими и красивыми памятниками. Я двигался вмѣстѣ со всѣми, но старался держаться какъ можно ближе къ англичанину, который вдругъ какъ бы оказался нашимъ командиромъ.

Наконецъ, кучка остановилась, и кто-то что-то скомандовалъ. Что—я не понялъ, но увидѣлъ, что компанія дружно лѣзетъ на разные памятники, а направо оказалась высокая въ сажень каменная стѣна. Разумѣется, и я, въ числѣ прочихъ, полѣзъ тоже на первый попавшійся мнѣ высокій мраморный крестъ.

Такъ какъ я былъ довольно изряднымъ гимнастомъ, то, не смотря навышину креста, легко взобрался по немъ, какъ по дереву, и сѣлъ верхомъ на его горизонтальной части. И отсюда увидалъ я, что умно поступилъ, слѣдуя за англичаниномъ и подражая... Оказалось, что съ моего креста черезъ каменную стѣну все еврейское кладбище было какъ на ладони и невдалекѣ, саженьяхъ въ десяти-двѣнадцати, толпилась небольшая кучка вокругъ вырытой могилы.

Направо среди памятниковъ тихо двигалась процессія, которую мы обогнали. Несли гробъ Рашели, а за нимъ двигалась черная, если не туча, то черное большое облако. Именно это-то облако и была вся знаменитая и талантливая Франція, гдѣ въ числѣ прочихъ были и знаменитости особаго рода, какъ, напримѣръ, Ротшильды, одинъ Бонапартъ (Петръ) и одинъ Орлеанскій принцъ, пріѣхавшій

на похороны и уѣхавшій тотчасъ, чтобы не быть арестованнымъ.

Шествіе остановилось у могилы и будто нарочно, ради насъ—публики, сидящей верхомъ на надгробныхъ памятникахъ, всѣ выстроились передъ нами, а спиной къ намъ былъ только равнинъ и съ десятокъ лицъ. Но въ ту минуту, когда я, а равно, конечно, и мои незнакомые товарищи, всѣ мы были въ восторгѣ, что увидимъ все, раздался какой-то гулъ, крики, движеніе, бѣготня, брань, свистки...

Оглянувшись направо, я увидѣлъ, что цѣлая бригада сержантовъ орудуетъ... приказываетъ слѣзать съ монументовъ, а послушниковъ преспокойно сталкиваетъ и стаскиваетъ. Разумѣется, я не сталъ дожидаться, чтобы какой-нибудь полицейскій грубо потащилъ меня съ креста за ноги, и добровольно повиновался, даже прежде чѣмъ получилъ личное приказаніе.

И всѣ мы, за мгновеніе счастливые, были снова на землѣ предъ высокой каменной стѣной,—глупой стѣной! И всѣ равно, помню это хорошо, стояли унылые, почти несчастные. Но кто врѣзался въ мою память—это былъ мой юный англичанинъ. Онъ не хотѣлъ слѣзать съ какого-то мавзолея съ херувимами и разными бронзовыми украшеніями и думалъ, что, сидя высоко, какъ и я, отдѣляется. Но, увы! одинъ сержантъ нагнулся, посадилъ другого сержанта себѣ на плечи, а этотъ достигъ и повисъ на ногахъ сына Альбіона. Волей-неволей пришлось британцу уже не слѣзть, а просто свергнуться на землю.

Полиція быстро очистила всѣ монументы, и это, конечно, было очень умно, такъ какъ видъ людей, сидящихъ верхомъ на крестахъ или ангелахъ, не имѣлъ въ себѣ ничего поучительнаго и красиваго. Когда полиція удалилась, я и нѣсколько человѣкъ молодыхъ людей, болѣе полудюжины, очутились вмѣстѣ кучкой и стали вдругъ разсуждать. Насъ сближало общее горе: стоять упершись лбомъ въ каменную стѣну, за которой «все...», и ничего не видя изъ этого «всего».

Мой англичанинъ, казалось, былъ въ полномъ отчаяніи. Моя печаль передъ его печалью была ничто. Не помню, о чемъ шла рѣчь, но я вдругъ услышалъ слова, крики, даже вопли:

— Да, конечно... Что за важность! Да и сойдетъ съ рукъ даромъ. Право... Только одному нельзя... Всѣмъ надо...

— Allons! Courage!

— Конечно! Bravo! Я готовъ! — воскликнулъ англичанинъ.

— И я тоже! — воскликнулъ я, совершенно не зная, въ чемъ дѣло, но зная, что я пойду на все, на что пойдутъ эти мои служайные товарищи.

— Bravo! Esqualadons! — крикнулъ кто-то.

— En avant! Marrrrche!! — заоралъ другой.

И я со всеѣми двинулся къ самой стѣнѣ.

Нѣсколько человѣкъ заразъ начали подсакивать, чтобы ухватиться за верхъ стѣны и влѣзть. Въ эту только минуту я понялъ, что было рѣшено сѣсть на каменную стѣну, чтобы видѣть съ нея похороны такъ же хорошо, какъ и съ памятниковъ.

Гимнастика, конечно, помогла мнѣ. Нѣсколько человѣкъ напрасно подпрыгнули нѣсколько разъ и ничего не достигли, но трое изъ насъ: англичанинъ, французъ крикнувшій: «escaladons», и я, вспрыгнули сразу, уцѣпились и, какъ истые цирковые лицедѣи, во мгновеніе ока очутились на стѣнѣ и уцѣлись. Но еще чрезъ два, три мгновенія еще нѣсколько человѣкъ допрыгались до верхушки стѣны и тоже появились рядомъ съ нами, а мои двое, англичанинъ и французъ, прыгнули внутрь еврейскаго кладбища.

Въ тотъ же мигъ нѣсколько полицейскихъ отдѣлились отъ толпы около могилы и бросились къ намъ навстрѣчу. Двое схватили француза и повели къ выходу. Двое или трое хотѣли сдѣлать тоже съ англичаниномъ, но напрасно... Онъ оказался на ихъ бѣду отличный гимнастъ и великолѣпный боксеръ, да вдобавокъ еще разъяренный неудачей. И для него потребовалось не трое, а полдюжины сержантовъ.

Я живо помню, какъ изловчался и барахтался сынъ Альбіона, и какъ сержанты отскакивали отъ него, какъ мячики отъ стѣны, а трехуголки летѣли во все стороны. Но наконецъ блюстители насѣли на малаго и торжественно повели... тоже, разумѣется, къ выходу, но и на расправу за ратоборство.

Въ тотъ же моментъ сосѣдъ мой по стѣнѣ, французъ, прыгнулъ долой, а я почти машинально послѣдовалъ его примѣру. И оба мы двинулись прямо къ кружку лицъ, стоявшихъ вокругъ могилы и слушавшихъ въ полной тишинѣ чью то рѣчь, произносимую взволнованнымъ голосомъ. Я старался приближаться какъ можно тише, благообразнѣе, какъ бы желая выразить всей моей фигурой, что я не озорникъ, не ради скандала являюсь. Едва только мы приблизились и стали за нѣсколько шаговъ отъ раввина, какъ два сержанта тихо подошли къ намъ, дѣлая едва видимые, но понятные знаки, которые можно передать словомъ: «Пожалуйте!».

Французъ безпрекословно послѣдовалъ за тѣмъ полицейскимъ, который подошелъ къ нему. Я собирался тоже слѣдовать за молодымъ, какъ теперь помню, рыжимъ, подобнымъ Іудѣ, сержантомъ. Онъ и былъ для меня въ этотъ мигъ Іудой Предателемъ.

Но, вѣроятно, лицо мое выражало такое тоскливое уныніе, что многіе, обернувшіеся въ мою сторону, смотрѣли на меня совершенно благосклонно... Одинъ изъ нихъ, нѣсколько плотный, пожилой человѣкъ, съ полнымъ лицомъ, съ короткими курчавыми волосами и съ какими-то особенными, небольшими, но ярkobлестящими и будто отчаянно смѣющимися глазами, шепнулъ обращаясь къ сержанту:

— Allons donc, laissez-le! Видите, онъ ничего не дѣлаетъ, а его упорство произведетъ шумъ.

Сержантъ почтительно приложился бѣлой перчаткой къ своей треуголкѣ и отошелъ, а я, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ очутился уже не съ краю, а въ срединѣ какой-то группы. Я сообразилъ, что сержанты, которые увели моихъ соучастниковъ по преступленію, вернутся и могутъ, узнавъ меня въ лицо, снова пробовать удалить.

Впрочемъ, раза два обернулся я на полного господина съ курчавыми волосами и смѣющимися глазами и краснорѣчиво, взглядомъ, просилъ его въ случаѣ чего заступиться. Онъ, будто понимая выраженіе моего лица, благосклонно усмѣхнулся и какъ-то тряхнулъ головой, будто говоря: «Стойте, стойте здѣсь, не бойтесь!».

Такимъ образомъ мечта моя исполнилась... Я былъ не только на похоронахъ Рашели, но и при опусканіи тѣла въ могилу стоялъ отъ нея въ какихъ нибудь пяти шагахъ. Не прошло получаса, какъ все было кончено, и кучка сѣроватой глинистой земли появилась въ видѣ холмика, а всѣ присутствовавшіе двинулись тихо отъ могилы.

Когда оставалось не болѣе десятка человѣкъ, я подошелъ къ холмику, нагнулся и взялъ большой комъ земли, въ кулакъ величиной. Когда я поднялся, то незнакомый мнѣ высокій господинъ обратился ко мнѣ съ удивленіемъ:

— Que faites vous la? — спросилъ онъ.

Я объяснилъ, что беру комъ земли на память.

— Tiens! C'est une idée! — отозвался онъ, нагнулся и тоже взялъ небольшой комочекъ.

Затѣмъ я вмѣстѣ съ послѣдними двинулся къ выходу еврейскаго кладбища. Господинъ, послѣдовавшій моему примѣру, ибо поступокъ мой ему пришелся по душѣ, идя около меня, задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ. Кто я? По всей вѣроятности, иностранецъ? Къ какой націи принадлежу? Почему знаю Рашель? Не я ли перескочилъ съ другими черезъ ограду? и т. д.

Удовлетворивъ его любопытство, я, завидя впереди моего полного и курчаваго покровителя и понимая, что всѣ тѣ, кто были ближе къ могилѣ, должны быть непременно знаменитостями, я спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, не можете ли вы назвать мнѣ вотъ этого господина?

— Celui-la? — отозвался онъ и разсмѣялся. — Стыдно бы было всякому французу не назвать его по имени. Но вамъ, jeune homme, его имя врядъ ли что либо скажетъ. Это писатель. C'est Dumas père.

Но мой незнакомецъ ошибся. Для меня въ это время Александръ Дюма-отецъ было нѣчто особенное, — такое особенное, что при этомъ отвѣтъ у меня, какъ выражаются порусски, искры изъ глазъ

посыпались и сердце ёкнуло... Я чуть не съѣлъ среди дорожки отъ полученнаго нравственнаго удара. Какъ разъ за годъ предъ тѣмъ, живя въ Венеціи, а затѣмъ въ Швейцаріи, я въ пять или шесть мѣсяцевъ прочелъ всего Александра Дюма, начавъ съ *Monte-Cristo* и *Reine Margot* и кончая даже такими романами, которые впоследствии оказались апокрифическими, въ родѣ *Aimé Yert*. Весь Дюма былъ мною проглоченъ. «А теперь въ это мгновеніе онъ, онъ самъ, живой, наяву, стоитъ предо мной! Онъ говорилъ со мной! Заступился!»

Долго вспоминалъ я потомъ о странной случайности, что на похоронахъ знаменитой женщины, отъ которой я еще мальчикомъ сходилъ съ ума, я встрѣтилъ другую знаменитость, отъ которой тоже сходилъ съ ума уже юношей.

Долженъ прибавить, что, когда я выходилъ изъ воротъ, то главный полицейскій съ нѣсколькими медалями и въ томъ числѣ за Крымскую кампанію подошелъ ко мнѣ, погрозилъ мнѣ пальцемъ у самаго носа и выговорилъ:

— Vous l'avez échappé belle! Слѣдовало бы васъ теперь все-таки забрать.

Я отвѣчалъ, что самъ одинъ не рѣшился бы на подобное, но былъ увлеченъ примѣромъ другихъ. Едва я произнесъ нѣсколько словъ, какъ начальствующій вымолвилъ:

— Вы не французъ?

— Нѣтъ, русскій!

— Русскій?

— Да!

— Ба! — удивился онъ и прибавилъ: — что же васъ интересовало! Еврейскія похороны?

— Нѣтъ... Мнѣ очень хотѣлось быть ближе...

И я объяснился... Полицейскій удивлялся и трясъ головой.

— Да. Актриса... А ее весь свѣтъ зналъ, потому что путешествовала! — рѣшилъ онъ.

«Стало быть, думалось мнѣ, стоитъ только и тебѣ поѣхать путешествовать, да всесвѣтно блюсти за порядкомъ, и ты сдѣлаешься тоже всесвѣтною знаменитостью.

IV.

Слѣдующій мой арестъ могъ быть настоящимъ, en toute forme, серьезнымъ, и если бы состоялся, то могъ бы принести много волненій и хлопотъ всей семьѣ. Разумѣется, я былъ бы освобожденъ въ концѣ концовъ, но не ранѣе двухъ-трехъ дней. Вдобавокъ пришлось бы просидѣть Богъ вѣсть въ какой конурѣ и въ какой компаніи.

Случай, по поводу котораго я чуть не былъ арестованъ, былъ самое крупное и извѣстное покушеніе на жизнь императора Наполеона III. Оно надѣлало много шума во всемъ мірѣ. Не надо забывать что цивилизованный міръ не могъ тогда предвидѣть цѣлаго ряда покушеній на монарховъ всѣхъ странъ.

Было это въ Парижѣ, въ 1858 году и, кажется мнѣ, въ концѣ зимы.

Правительство Наполеона успѣшно боролось съ легитимистами, орлеанистами и республиканцами, и во Франціи все сравнительно было тихо.

Парижъ, какъ всегда, гудѣлъ и веселился. Императорскій дворъ своими празднествами и блескомъ много содѣйствовалъ тому, чтобы столица была настоящимъ новымъ Вавилономъ.

Если теперь народонаселеніе Парижа почти удвоилось, дошло до двухъ милліоновъ, а при Наполеонѣ не насчитывалось и милліона парижанъ, то все-таки я долженъ сказать, что въ памяти моей «императорскій» Парижъ затмеваетъ теперешній демократическій и республиканскій. Было болѣе пышности, болѣе блеска, шума и смѣха... и болѣе жизни.

Дворецъ Тюльери былъ центромъ, гдѣ весь дворъ и новая знать, казалось, движутся и веселятся напоказъ: не для себя, а для толпы, для ослѣпленія ея и интимидаци, укрощенія...

Была масса военныхъ въ мундирахъ, чего теперь нѣтъ. Наполеоновскій кавалерійскій полкъ, именовавшійся Cent-Gardes, пропасть зуавовъ въ ихъ оригинальныхъ костюмахъ съ странными лицами будто офранцузенныхъ турокъ, наконецъ, оригинальный конвой императора — тюркосы, которые набирались изъ разныхъ племенъ Алжира и Туниса.

Къ этой пестротѣ надо прибавить нѣчто, вдругъ вошедшее въ моду. У двора и у знати, во главѣ которой стояли разные свѣжіе маршалы, въ родѣ Malakoff, и Pelikao, а отчасти и у настоящей аристократіи Сентъ-Жерменскаго предмѣстья явился новый обычай ѣздить à la Domon или, какъ стали называть, à la Mogny, по имени перваго друга и наперсника императора. При красивой запряжкѣ, кучера и лакеи были въ какихъ-то театральныхъ костюмахъ, иногда и въ скромныхъ, но всѣ непременно въ напудренныхъ парикахъ. Благодаря часто попадающимся на улицахъ блестящимъ мундирамъ, оригинальнымъ костюмамъ не то войновъ, не то театральныхъ статистовъ, и наконецъ красивымъ экипажамъ, съ оригинальною упряжкой и пудренною прислугой, улицы и толпа казались элегантнѣе и будто веселѣе.

Въ эту зиму было особенно шумно въ Тюльери, ибо было дано нѣсколько большихъ баловъ. Императрица Евгенія постоянно устраивала всякія parties de plaisir. Двѣ ея пріятельницы и заклятые враги между собой: г-жа Персиньи—жена министра, и г-жа Меттер-

нихъ — жена австрійскаго посла, тоже веселили все общество и на всѣ лады.

И все это было, какъ я уже сказалъ, настолько умышленно напоказъ, что малѣйшія мелочи при самомъ дворѣ и въ обществѣ, къ нему примыкающемъ, становились тотчасъ достояніемъ толпы. И хотя не все проникало въ печать, не все разрѣшалось для огласки строжайшей цензурой, но всегда все обѣгало Парижъ въ видѣ слуха. И не только все это интересовало, но даже какъ будто волновало всѣхъ парижанъ, а не одно, только высшее по состоянію и положенію общество.

Парижъ, однимъ словомъ, жилъ дворомъ. Помнится, иногда въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль не было проходу отъ какого нибудь случая или новаго анекдота придворнаго, новой затѣи, новой сплетни или клеветы, и отъ безчисленныхъ ихъ варіантовъ и пересказовъ. Г-жа Персиньи и г-жа Меттернихъ, герцогъ Морни съ женой (рожденной княжной Трубецкой), принцесса Матильда и Жеромъ Бонапартъ заставляли о себѣ говорить болѣе всѣхъ.

Но въ особенности «отличались», вѣрнѣе, кувыркались двѣ дамы, очень не красивыя, — изъ коихъ одна, ей-Богу, не помню которая, была даже поразительно дурна, — г-жи Персиньи и Меттернихъ. Обѣ онѣ безумно щеголяли и славились своими туалетами, не слѣдуя, конечно, за модой, а ведя ее за собой и имѣя во главѣ самое красивую императрицу, добрую, ограниченную, пустую и легкомысленную женщину.

Эти три женщины, основательницы того, что терпимъ мы теперь: безумной измѣнчивости женскихъ костюмовъ. Онѣ первыя додумались затѣять всякаго рода новинки модъ, соперничая между собой и ухитряясь *qui mieux mieux*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ впутывались въ самые важные государственные вопросы и доводили степеннаго Наполеона до отчаянія. Онѣ три и привели Францію къ Седану. Имперія рухнула и канула въ Лету... Но, увы, новинки въ женскомъ туалетѣ, перемѣны безъ конца, «моды» остались намъ въ наслѣдство. Женщины XVIII вѣка сто лѣтъ проносили почти одинъ покрой одѣянія, а женщины нашего времени пятьдесятъ покроевъ за пятьдесятъ лѣтъ. Теперь элегантная женщина — Хамелеонъ.

Вернусь, однако, къ моему повѣствованію.

Въ самый разгаръ эффектнаго, но безумнаго, бьющаго въ глаза образа жизни двора и общества, вдругъ грянулъ громъ и оглушилъ всю Францію, раскатившись эхомъ по всей Европѣ.

Послѣдовало въ Парижѣ страшное покушеніе на жизнь Наполеона со стороны партіи итальянскихъ патріотовъ, мечтавшихъ о возрожденіи и объединеніи Италіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ вмѣстѣ съ своимъ апокрифическимъ или почти неизвѣстнымъ братомъ, рано умершимъ, былъ въ юности карбонаріемъ и имѣлъ въ Италіи прежнихъ, теперь имъ забытыхъ и отверженныхъ, друзей революціонеровъ.

Они не могли простить товарищу, ставшему императоромъ, его «предательской» роли по отношенію къ возрождающейся Италіи.

Во главѣ этой партіи объединенія стояли тогда извѣстный Манинъ и знаменитый Мадзини, оба ненавидѣвшіе Наполеона.

Покушеніе на его жизнь было задумано, конечно, всей партіей, но приведено въ исполненіе четырьмя лицами, имена которыхъ я, конечно, помню хорошо, такъ какъ помню покушеніе, какъ очевидецъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ, какъ если бы оно случилось вчера.

Эти четверо человѣкъ были: Орсини, Пьетри, Рудіо и Гомесъ. Изъ нихъ, Пьетри, какъ мнѣ смутно помнится, подозрѣвали въ корсиканскомъ происхожденіи. Что касается до послѣдняго, то его фамилія прямо говоритъ, что онъ былъ не итальянецъ, а чистѣйшей крови испанецъ. Гомесъ или Лопесъ въ Испаніи все равно, что Ивановъ у насъ.

Однажды, помнится, въ мартѣ предстояло блестящее представленіе въ оперѣ. Какой-то извѣстный французскій пѣвецъ или Робертъ, или Рожеръ, что-то въ этомъ родѣ, долго не появлявшійся на сценѣ, долженъ былъ пѣть въ четырехъ актахъ изъ четырехъ разныхъ оперъ. Незадолго передъ тѣмъ Полина Віардо сдѣлала то же самое и имѣла громадный успѣхъ. Поэтому, вѣроятно, и этотъ Робертъ-Рожеръ надумалъ то же, а, будучи покровительствуемъ дворомъ, добился, что на спектакль явится императоръ съ императрицей.

Моя мать уговорила съ одною русскою дамою взять ложу и ѣхать на это представленіе. Ложу эту, помнится, достали съ большимъ трудомъ и не въ бельэтажѣ. Представленіе должно было быть интересно, конечно, не изъ-за пѣвца уже преклонныхъ лѣтъ, а изъ-за того, что именно будетъ и кто появится въ театральномъ залѣ. Весь Парижъ и масса иностранцевъ.

Вечеромъ, около семи часовъ, эта русская дама, не кто иная, какъ г-жа Нарышкина, рожденная Кноррингъ, вышедшая въ послѣдствіи замужъ за Александра Дюма-сына, заѣхала за нами, за моею матерью и мною съ сестрой. Но мы отправились втроемъ, такъ какъ наканунѣ сестра была приглашена на балъ и поѣхала съ отцемъ въ Сентъ-Жерменское предмѣстье.

Мы двинулись съ улицы Сентъ-Лазаръ, гдѣ жили, въ открытой четверомѣстной коляскѣ и, чтобы не ѣхать переулками, спустились по *chaussée d'Antin* прямо на бульвары.

Здѣсь была легкая иллюминація газовыми звѣздами, которыя тогда только что были изобрѣтены, и страшная толпа. Черное море колыхалось на протяженіи всѣхъ ближайшихъ къ Мадленѣ бульваровъ. Экипажей была тоже масса, и мы двигались чуть не шагомъ.

Наконецъ, только чрезъ добрыхъ двадцать минутъ мы порав-

нялись съ улицей Le Peletier, гдѣ была тогда Опера—зданіе самое обыкновенное, которое когда либо существовало, нѣчто въ родѣ Московскаго Малаго театра.

Когда мы заворачивали съ бульвара въ улицу, то вдали какъ будто слышался гулъ, который несся отъ улицы Мира. Едва мы проѣхали шагомъ сажень пятьдесятъ по улицѣ Le Peletier, какъ на бульварахъ уже раскатисто пронесся тотъ же гулъ. Черное колыхавшееся море ревѣло:

— Vive l'Empereur!

Когда же мы приблизились къ подъѣзду Оперы, то услышали голоса сержантовъ: vite, vite, vite! относившіеся къ публикѣ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ подскочилъ къ нашей коляскѣ и крикнулъ:

— Plus vite, mesdames! Императоръ подъѣзжаетъ! Скорѣй!

Императоръ долженъ былъ подъѣхать тутъ же, но проѣхать нѣсколько шаговъ далѣе подъ особенный крытый подъѣздъ. Моя мать и г-жа Нарышкина-Дюма быстро вышли изъ коляски и стали подниматься по наружной лѣстницѣ, шириной во все зданіе.

Я обратился къ матери и заявилъ, что такъ какъ я ни разу еще не видалъ Наполеона совершенно вблизи, то мнѣ хочется остаться, чтобы быть при его проѣздѣ у самаго экипажа. Моя мать согласилась, конечно, но г-жа Дюма отозвалась:

— Стоитъ ли того? Что тутъ любопытнаго? Купите мнѣ лучше антрактъ!

Я отвѣчалъ, что антрактъ, то-есть афишу, я успѣю всегда купить, а что видѣть совершенно вблизи, за два шага, Наполеона и Евгенію мнѣ, можетъ быть, еще цѣлый мѣсяцъ или два не случится.

Я часто вспоминаю этотъ пустой разговоръ потому именно, что поневолѣ часто философствую, отъ какого пустяка зависитъ иногда жизнь человѣческая. Это благо, которымъ мы такъ дорожимъ, ежедневно, даже ежеминутно, ежесекундно, виситъ на волоскѣ. Линіиться портмоне, право, гораздо мудренѣе, чѣмъ лишиться жизни. Не явился женскій капризъ имѣть скорѣе афишу, я былъ бы неминуемо убитъ, а при удачѣ раненъ или изуродованъ.

На мою просьбу обождать афишу г-жа Дюма упрямо отозвалась:

— Все это вздоръ! Купите мнѣ поскорѣй антрактъ и принесите въ ложу.

Я невольно подосадовалъ, и когда она вмѣстѣ съ моей матерью скрылись въ коридорахъ театра, я быстро бросился направо въ какой-то пассажъ, существующій, кажется, и теперь. «Авось, успѣю!» — думалось мнѣ.

Но продавцы мелкихъ газетъ, торгующихъ афишами, какъ на смѣхъ отсутствовали. Вѣроятно, всѣ они выскочили на улицу, чтобы развлечься тѣмъ, чего и я хотѣлъ — видѣть императора и

императрицу поближе. Розыскавъ наконецъ въ толпѣ газетчика, я купилъ антрактъ, шибко перебѣжалъ въ двери театра и еще быстрее поднялся въ ложу... надѣясь поспѣть обратно.

Но едва только я подаль m-me Dumas газетку, какъ вздрогнулъ... Но вмѣстѣ со мной, казалось, вздрогнула и вся опера, вздрогнулъ и весь ближайшій Парижъ.

Это былъ какъ бы выстрѣлъ изъ огромной пушки. Черезъ секунды двѣ раздался такой же второй ударъ, отъ котораго здаше Оперы задрожало еще сильнѣе... И наконецъ, запоздавъ немного, секундъ на шесть, на восемь, раздался третій ударъ, но въ половину менѣе гулкій и сильный.

Вся зрительная зала сразу ожила, всѣ повскакали, всѣ волновались, оглядывались во всѣ стороны, почти вертѣлись на мѣстѣ... Представленіе прекратилось, оркестръ смолкъ... И вдругъ «невидимка» влетѣла въ зрительную залу и будто что-то сказала вслухъ, такъ какъ всѣ заразъ и въ партерѣ, и въ ложахъ, и въ райкѣ узнали, что случилось.

Первыя пять минутъ послѣ трехъ ударовъ мнѣ описать довольно трудно. Театръ изображалъ собой, если не волнуемое море, то волнуемое черное озеро. Весь театръ, казалось, какъ-то колыхался. Двери ложъ хлопали, люди незнакомые разговаривали въ волненіи, съ восклицаніями, въ партерѣ приливомъ и отливомъ швырялась публика то къ выходамъ, то къ сценѣ, въ коридорахъ стоялъ гулъ отъ бѣготни и голосовъ. И за эти пять минутъ, по крайней мѣрѣ, десятокъ разныхъ вѣстей, противорѣчащихъ другъ другу, облетѣли залу. Первое изъ нихъ, конечно, было: attentat!!

— Раненъ опасно!

— Убить!

— Раненъ легко!

— Невредимъ... Но императрица убита!

— Цѣлы оба, но маршалъ Рогэ, сопровождавшій ихъ, убитъ пулей въ затылокъ!

— Конвой перебить весь! Много убитыхъ въ толпѣ!

И наконецъ послѣдній слухъ, упорно державшійся съ цѣлую минуту:

— Императоръ убитъ наповалъ, и его тѣло уже увезено въ Тюльери.

Покуда гудѣлъ театръ, и носились всѣ эти скороспѣлыя вѣсти, изрѣдка въ партерѣ раздавались зычные голоса, обращавшіеся къ публикѣ:

— Un medecin! Au nom de l'Empereur! Tous les medecins! Просить всѣхъ докторовъ! Масса раненыхъ!

Доктора, находившіеся въ театрѣ, стали выходить тотчасъ на помощь пострадавшимъ.

Но въ ту минуту, въ самый разгаръ волненія, когда императора

уже считали тѣломъ, лежащимъ въ каретѣ и увозимымъ маршъ-маршемъ во дворецъ, въ парадной большой ложѣ налѣво появились: Наполеонъ въ черномъ сюртукѣ, съ красненькой ленточкой въ петличкѣ, а за нимъ императрица, въ свѣтло-сиреновомъ шелковомъ платьѣ. Разумѣется, «vive l'Empereur!» «vive l'Impératrice!» заставило дрогнуть зданіе Оперы не хуже, чѣмъ минувшіе три удара, будто три пушечные залпа.

Наполеонъ былъ страшно блѣденъ, или, вѣрнѣе, былъ, по французскому выраженію, «livide», съ оловяннымъ цвѣтомъ лица и, мѣрно кланяясь публикѣ, держалъ носовой платокъ у виска и щеки. За нимъ, слѣва и отступя на шагъ, точно такъ же кланялась, граціозно склоняясь, Евгенія, головой, если не болѣе, выше мужа. И она казалась вовсе не испуганной; она улыбалась и поправляла то ленты на груди, то прическу. Даже лицо ея, на которое я внимательно смотрѣлъ въ бинокль, было только немного удивлено и какъ будто озадачено. Мнѣ и теперь сдается, что Евгенія въ эту минуту еще не сообразила, что была на волосъ отъ смерти.

Что касается Наполеона, то онъ былъ страшно взволнованъ и казалось, вздрагивалъ, все отираясь носовымъ платкомъ, гдѣ виднѣлась кровь. Впослѣдствіи объяснилось, что онъ былъ раненъ въ лицо только осколкомъ каретнаго стекла. Раскланявшись и несмотря на все дящіяся бурные клики и аплодисменты, императоръ и императрица тотчасъ же скрылись изъ ложи и уѣхали въ Тюльери.

Разумѣется, я тотчасъ же бросился на улицу, но засталъ уже окончаніе трагедіи. На томъ самомъ именно мѣстѣ, гдѣ мы выходили изъ коляски и гдѣ сержантъ кричалъ намъ: «скорѣй, императоръ подъѣзжаетъ!»—стояла четверомѣстная карета, среди лужи крови и превращенная въ рѣшето. Лошади были отпряжены и уведены, но одна убитая лошадь въ хомутѣ растянулась недалеко отъ дышла, впереди стояли еще двѣ раненыя лошади, изъ коихъ одна съ сѣдломъ, наконецъ позади кареты валялась тоже осѣдланная лошадь... безъ головы!... Газъ кругомъ потухъ, и былъ полумракъ. Всѣ стекла оконъ прилегающихъ къ Оперѣ домовъ исчезли, а часть крышки или навѣса надъ лѣстницей, оторвавшись, странно висѣла въ воздухѣ. Въ ближайшей аптекѣ наискось была страшная толкотня отъ кучи народу и крики, стоны... Самая же улица была запружена сплошною толпой любопытныхъ, сбѣжавшихся съ бульваровъ.

Потомъ я узналъ, что во всѣхъ аптекахъ, ближайшихъ къ Оперѣ, была тоже въ этотъ вечеръ масса народу. Сколько было убитыхъ и раненыхъ, конечно, теперь сказать не могу, но не преувеличу, если приведу цифру человѣкъ въ триста, изъ коихъ болѣе полусотни убитыхъ. Однимъ словомъ, все, что въ эту минуту было неподалеку отъ проѣзжавшей кареты, все было перебито и переранено. Кромѣ того, были пострадавшіе и въ собственныхъ квартирахъ, которые изъ любопытства высунулись въ окошки.

На утро Парижъ узналъ, что покушеніе итальянцевъ должно было неминуемо удался и не удалось, только благодаря удивительной наполеоновской полиціи и благодаря трусости двухъ наемниковъ въ средѣ злоумышленниковъ. Какъ должны были дѣйствовать четверо заговорщиковъ, не было исполнѣ выяснено даже и впоследствии, когда ихъ судили, но я могу точно передать то, что говорилъ Парижъ еще до слѣдствія и суда.

Орсини, главное дѣйствующее лицо, долженъ былъ ждать, чтобы Рудіо бросилъ свою бомбу, начиненную взрывчатымъ веществомъ и пулями. Затѣмъ долженъ былъ бросить бомбу самъ Орсини. Пьетри долженъ былъ кинуться на императора въ тотъ моментъ, когда онъ, конечно, поневолѣ, если только живъ, станетъ выходить изъ экипажа, и при этомъ онъ долженъ былъ поразить его кинжаломъ, которымъ, въ качествѣ корсиканца, владѣлъ, какъ мастеръ. И наконецъ третью бомбу, въ случаѣ неуспѣха съ кинжаломъ, долженъ былъ бросить Гомесъ въ ноги Наполеона, не щадя ни себя, ни Пьетри.

Если вѣрно, что все это было такъ точно расписано у заговорщиковъ и не удалось, то можно прибавить, что, по счастью, это всегда такъ бываетъ въ дѣйствительности. Судьба захотѣла, чтобы за десять минутъ до пріѣзда Наполеона Пьетри, разгуливавшій около Оперы, повстрѣчалъ детектива, какъ именуются агенты тайной полиціи. Этотъ господинъ, фамилія котораго была Пьерри (и къ трагедіи примѣшивается иногда водевиль), былъ знаменитымъ сыщикомъ наполеоновской полиціи.

Если для поэта и музыканта необходимо дарованіе, то для полицейскаго сыщика оно еще болѣе, кажется, необходимо. Пьерри былъ вѣроятно, виртуозъ, и, разумѣется, его зналъ лично самъ Наполеонъ.

Детективъ, гуляя около стѣнъ Оперы и видя, что помимо него есть еще какой-то господинъ, точно такъ же гуляющій, не входя и не уходя, сталъ къ нему присматриваться... И тутъ произошло нѣчто почти невѣроятное. Пьерри узналъ Пьетри, котораго не видѣлъ въ глаза нѣсколько лѣтъ, но знавалъ прежде, давно, какъ опаснаго человѣка, какъ карбонарія или, выражаясь новѣйшимъ терминомъ, какъ анархиста.

Разумѣется, тотчасъ же Пьерри подошелъ къ Пьетри и попросилъ у него огня—закурить папирску. У Пьетри спичекъ не оказалось, но тотчасъ же оказалась на лицѣ чрезвычайная блѣдность, отъ догадки, что онъ пойманъ. Черезъ нѣсколько мгновеній—по знаку Пьерри—Пьетри очутился уже въ обществѣ трехъ-четырехъ человѣкъ, которые попросили его прогуляться съ ними подальше отъ Оперы. Въ это мгновеніе, двинувшись, Пьетри очень искусно швырнулъ что-то на мостовую, но его спутники тоже не менѣе искусно замѣтили, что онъ что-то бросилъ, и подняли отличный и острый, какъ бритва, кинжалъ.

Не успѣли они отойти отъ Оперы, какъ экипажъ императора приблизился, и здѣсь Орсини, тщетно прождавшій, чтобы первую бомбу бросилъ Рудіо, запоздалъ бросить свою и кинулъ ее неловко изъ густой толпы. Затѣмъ онъ же тотчасъ бросилъ другую бомбу, но увидѣлъ, что пострадалъ только экипажъ, страшно пострадала толпа любопытныхъ кругомъ, а Пьетри съ кинжаломъ не появляется.

Спустя нѣкоторое время Рудіо, наконецъ, бросилъ свою бомбу. Имъ удалось ускользнуть. Однако въ тотъ же вечеръ иностранецъ, нѣчто въ родѣ лакея, искалъ по ближайшимъ аптекамъ своего барина, раненаго, и не могъ найти, а когда у него спросили, кто этотъ баринъ, онъ смутился и началъ путать, не желая его назвать. Это былъ Гомесъ, искавшій Орсини, который былъ самъ раненъ въ голову одной изъ брошенныхъ имъ же бомбъ.

Но, однако?.. спросить читатель:—Орсини бросалъ бомбы, а васъ захотѣли арестовать? Такъ что ли?..

Не буду распространяться поэтому о послѣдствіяхъ покушенія на Наполеона, а перейду скорѣе къ тому, что обѣщалъ рассказать, т. е. къ покушенію на мою личность и свободу.

Какимъ образомъ оказался я причастенъ къ дѣлу покушенія на жизнь Наполеона III вмѣстѣ съ Орсини и другими, такъ глупо, что почти невѣроятно. Это можно только объяснить крайнимъ напряженіемъ нравственнымъ, въ которомъ находился весь Парижъ въ продолженіе тѣхъ часовъ, покуда злоумышленники не были разысканы и арестованы.

На другой день послѣ покушенія по улицѣ Le Peletier не пропускали экипажей, но любопытныхъ допускали. И въ этотъ день весь Парижъ перебивалъ около зданія Оперы, разглядывая слѣды разрывныхъ бомбъ на мостовой и на стѣнахъ и вывѣскахъ.

Около полудня я отправился тоже и не ради личнаго любопытства. У меня былъ въ Парижѣ знакомый, петербургскій молодой чиновникъ, добрый малый, но чрезвычайно ограниченный, попросту сказать, пѣтый дуракъ. Пофранцузски онъ еле-еле маравалъ. Надоѣдалъ онъ мнѣ невыносимо, но я изъ жалости проводилъ съ нимъ иногда два-три часа, показывая ему Парижъ. Назову его просто буквой Z., хотя знаю, что онъ уже на томъ свѣтѣ.

И вотъ ради него я отправился въ улицу Le Peletier. Показавъ ему зданіе Оперы, мѣсто, гдѣ вчера видѣлъ карету и убитыхъ лошадей, и гдѣ могъ быть самъ убитъ, я собрался домой. Z. интересовался всѣмъ, а затѣмъ заявилъ мнѣ, что онъ хочетъ пошутить съ хозяйкой нумеровъ, гдѣ остановился, очень милой и глуповатой старушкой.

Если самъ Z. считалъ старушку «глуповатой», то воображаю себѣ, что это должно было быть.

Однимъ словомъ, покуда мы двигались по улицѣ, въ противо-

положную сторону отъ бульваровъ, такъ какъ это былъ мой путь домой, Z. сталъ просить меня обучить его нѣсколькимъ фразамъ пофранцузски: какъ ему сказать своей хозяйкѣ, что ее подозрѣваютъ въ соучастіи въ покушеніи на жизнь императора, что у ней собираются сдѣлать обыскъ, въ надеждѣ найти бомбу, и что во всякомъ случаѣ она будетъ арестована.

Все это мнѣ нужно было въ короткихъ фразахъ изложить, а Z. выдолбить наизусть. Понемногу, повторяя послѣ меня фразы, онъ добился того, что могъ выдолбить и произнести довольно правильнымъ французскимъ языкомъ цѣлую тираду. И онъ началъ безъ конца повторять ее, т. е. повторилъ разъ десять вслухъ, спрашивая меня каждый разъ:

— Такъ ли?

Я отвѣчалъ:

— Такъ, отлично!

За этимъ занятіемъ мы повернули уже въ улицу Victoire, гдѣ должны были разстаться, и остановились шага за два отъ угла. Какъ теперь помню этотъ уголъ, и какъ мы стояли, и какъ старался я всячески отъ него отдѣлаться и поскорѣй добѣжать домой, въ улицу Сень—Лазаръ.

— Нѣтъ, постойте, слушайте еще разъ!—сказалъ онъ и снова произнесъ пофранцузски:

— Будьте осторожны! Васъ подозрѣваютъ! Увѣряютъ, что даже у васъ на квартирѣ есть бомбы. Предупреждаю васъ изъ любви къ вамъ, что васъ не нынче—завтра арестуютъ.

Все это было сказано вразумительно, «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой», а затѣмъ онъ прибавилъ:

— Такъ ли?

— Совершенно такъ! Отлично!—произнесъ я въ двадцатый разъ.

Въ тотъ же моментъ изъ-за угла появилась фигура въ треуголкѣ и въ плащѣ... И если я сразу испугался, то, конечно, выраженія лица этого сержанта. Онъ настолько былъ самъ перепуганъ на смерть или взволнованъ, что могъ перепугать и другихъ.

Мы съ Z. подали другъ другу руки, чтобы проститься и разойтись, но сержантъ тоже протянулъ къ намъ руку и произнесъ:

— Je vous arrête!

Затѣмъ онъ шмыгнулъ за уголъ и махнулъ рукой, затѣмъ прыгнулъ снова къ намъ, затѣмъ свистнулъ пронзительно. Все, что затѣмъ случилось, произошло, кажется, въ десять секундъ. Я и Z. очутились въ компаніи двухъ сержантовъ въ мундирахъ и двухъ статскихъ, одѣтыхъ чрезвычайно элѣгантно, въ цилиндрахъ и въ самыхъ свѣжихъ перчаткахъ.

Дѣло было простое! Недоразумѣнія быть не могло! Сержантъ отлично, ясно слышалъ, какъ Z. по дружбѣ предупреждалъ меня, что меня подозрѣваютъ, и что у меня бомбы, и что меня арестуютъ.

Въ его голосѣ было много чувства, нѣжности. Одна интонація его голоса чего стоила, не только слова! И теперь приходилось объяснять этимъ господамъ, что все это была шутка, что все это—недоразумѣніе и т. д. Очевидное дѣло, что эти господа приняли и меня и Z. за двухъ нахальнѣйшихъ вралей и, не говоря худого слова, попросили слѣдовать за ними. Мы, конечно, повиновались, такъ какъ въ противномъ случаѣ намъ не только грозило быть ведомыми за шиворотъ, но и хуже того. Меня же сильно смущало особое соображеніе.

Въ эту эпоху въ Парижѣ было гораздо болѣе народу, обожавшаго Наполеона, чѣмъ тогда думали и чѣмъ теперь принято говорить. Была масса рабочихъ, которые относились къ Наполеону III съ такимъ обожаніемъ, что готовы бы были броситься за него на живнѣ и на смерть.

Я сообразилъ въ эту минуту, что если въ уличной толпѣ догадаются, что насъ двоихъ ведутъ по дѣлу улицы Le Peletier, какъ заподозрѣнныхъ во вчерашнемъ покушеніи иностранцевъ, то насъ можетъ разсудить сама толпа, по методу Линча!

Разумѣется, чрезъ полчаса мы были около церкви Notre Dame de Lorette и очутились въ участкѣ, гдѣ была настоящая катавасія или каша, чтò, вѣроятно, въ этотъ день было и во всѣхъ полицейскихъ участкахъ Парижа. Здѣсь мы подъ стражей дождались своей очереди быть допрошенными.

И тутъ, точно такъ же, какъ на похоронахъ Рашели, «русскій» — сдѣлало все. Записавъ наши имена, адреса, насъ отпустили домой.

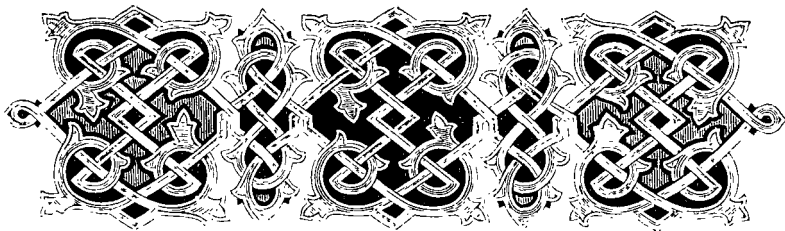
Однако, я долженъ прибавить, что черезъ нѣсколько минутъ послѣ моего возвращенія домой у консьержа былъ уже полицейскій. Онъ наводилъ справки о всей семьѣ, обязалъ консьержа слѣдить за мной и въ случаѣ, если я скроюсь внезапно изъ Парижа, тотчасъ донести въ полицію.

Долго потомъ друзья шутили надо мной, называя меня пріятелемъ Орсини и карбонаріемъ.

Кончу маленькой подробностью, которой не было въ тогдашнихъ газетахъ... Орсини на судѣ велъ себя холодно и гордо, а, идя изъ тюрьмы на эшафотъ, просто, спокойно курилъ сигару... Подойдя къ палачу, онъ задержался, три раза затянулся дымомъ, какъ бы съ наслажденіемъ, и затѣмъ, бросивъ сигару, поспѣшилъ лечь подъ ножъ гильотины со словами: mille pardons! Извольте влѣзть въ душу этакаго человѣка въ такое мгновеніе и разобраться въ его помыслахъ и ощущеніяхъ... Придя чрезъ минуту на тотъ свѣтъ ему только оставалось крикнуть:—Гей, человѣкъ! Сельтерской воды!..

Графъ Е. Саліасъ.

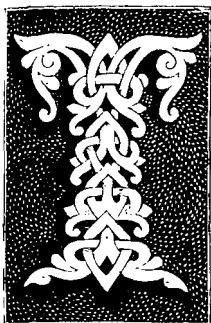
(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СЕМЬ АРЕСТОВЪ ¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

V.

ЕЩЕ приходится рассказать объ серьёзномъ избѣгнутаго арестѣ и даже вѣрнѣе о трехъ, долженствовавшихъ слѣдовать одинъ за другимъ. Дѣлу этому—уже болѣе тридцати-пяти лѣтъ, а между тѣмъ говорить о немъ какъ-то мудрено, будто неловко. Многихъ и многихъ дѣйствующихъ или «дѣйствовавшихъ» въ этомъ дѣлѣ уже нѣтъ въ живыхъ. О комъ ни вспомнишь—уже «ушелъ». А между тѣмъ, повторяю: прямо, искренно, не стѣсняясь, говорить обо всемъ *avec les points sur les «i»*, все-таки, несмотря на это огромное разстояніе лѣтъ, если не невозможно, то трудно и не хочется.

Дѣло это и ему подобныя, уны, продолжаютъ еще быть «вопросомъ».

Я хочу рассказать о томъ, какъ я долженъ былъ быть арестованъ въ качествѣ московскаго студента во время университетскихъ волненій 1861 года.

Это общественное явленіе, которому дано прозвище «студенческая исторія», до сихъ поръ еще не сдано въ архивъ. Нѣтъ-нѣтъ, и снова всплыветъ гдѣ либо «исторія» и снова сразу раздѣлитъ и даже рѣзко, будто топоромъ, расколеть общество пополамъ: одни на сторонѣ студентовъ, другіе противъ нихъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXI, стр. 88.

И если приглядѣться въ эту минуту къ этимъ двумъ лагерямъ, то сейчасъ же пораженъ тѣмъ, какія всплываютъ личности и типы противъ студентовъ и какіе за нихъ; тотчасъ же пораженъ тѣми курьезами, которые высказываются и той и другой стороной.

Объяснять подробно то, что я хочу сказать, не считаю нужнымъ. Впрочемъ, меня самого, бывшего студента и «пострадаваго», всякій имѣетъ право заподозрѣть въ пристрастномъ взглядѣ на дѣло. На это самъ я отвѣчу, что теперь, тридцать-пять лѣтъ спустя послѣ «нашей» исторіи, я не могу относиться хладнокровно ни къ одной студенческой исторіи. Гдѣ бы она ни случилась, при какихъ бы обстоятельствахъ ни разыгралась, какъ бы странно ни выразилась,—я затыкаю уши и кладу, какъ говорится, «печать молчанія на уста».

Однако, прибавлю, что съ тѣхъ поръ, какъ студенческія исторіи въ Россіи существуютъ, почти ни разу ни въ одной изъ нихъ начальство не заявило себя вполне толковымъ распорядителемъ, находчивымъ и искуснымъ умирителемъ, или, вѣрнѣе, утишителемъ. Для объясненія моей мысли приведу если не очень красивое сравненіе, то совершенно вѣрное. Представьте себѣ, что случился пожаръ, большой или маленькій. Явившіеся тушители поступаютъ совершенно логично по опыту и, со стороны глядя, умно: тушатъ пожаръ водой. Кажется, чего цѣлесообразнѣе? Но горитъ-то керосинъ! Требуется вмѣсто воды засыпка землей или пескомъ, а вода дѣйствуетъ только, по выраженію математиковъ, обратно пропорціонально.

То же самое было и въ нашей студенческой исторіи. Подробно рассказывать ее я не стану, потому что это завело бы меня слишкомъ далеко... во многихъ смыслахъ. Кромѣ того, это вышло бы длиннѣйшее повѣствованіе, интересное только для моихъ товарищей, какъ случай вспомнить юные годы. Наконецъ, оно могло бы повести даже и къ полемикѣ.... А отъ этого Господь избави и помилуй!

Впрочемъ, мысленно перебирая имена тогдашнихъ дѣйствующихъ лицъ, долженъ сказать, что, начиная съ министра просвѣщенія графа Путятина, попечителя Исакова, генераль-губернатора Тучкова и оберъ-полицеймейстера графа Крейца, инспекторовъ студентовъ Шестакова и Авилова и кончая моими товарищами, главными бунтарами—Кельсіевымъ, Покровскимъ, Аргиропуло, Колышко, Гижицкимъ и другими,—всѣ на на томъ свѣтѣ. Даже три писателя, близко стоявшіе къ нашей исторіи, заглянувшіе за тѣ дни и въ университетскій садъ: В. А. Слѣпцовъ, Лѣсковъ и Левитовъ—и тѣ на томъ свѣтѣ.

Итакъ, повторяю, что, взявшись рассказывать, какъ я въ жизни нѣсколько разъ «чуть-чуть не былъ арестованъ», я поневолѣ долженъ говорить и о студенческой исторіи 1861 года. Въ предыдущихъ случаяхъ я подробно рассказывалъ не самый фактъ ареста, а тѣ мотивы, которые вызывали его, или о тѣхъ личностяхъ, которыя соприкасались съ нимъ. Иначе, конечно, о всякомъ несостоявшемся арестѣ пришлось бы сказать только два слова.

Что касается ареста или трехъ арестовъ за участіе въ студенческихъ волненіяхъ, то я постараюсь быть кратко, безпристрастенъ, а затѣмъ, конечно, умолчу умышленно о нѣкоторыхъ крайне характерныхъ деталяхъ и характерныхъ личностяхъ этой исторіи. Скажу только, что нѣсколько человѣкъ, кои считались или были дѣйствительно въ качествѣ нашихъ коноводовъ, затѣмъ вскорѣ послѣ студенческой исторіи увлеклись преступною дѣятельностью. Одни изъ нихъ занялись «золотыми» манифестами къ народу или пресловутыми прокламаціями въ родѣ «Великоросса», а другіе ушли въ Польшу и попали въ повстанцы. Одинъ изъ таковыхъ кончилъ дни въ Вильнѣ, повѣшенный Муравьевымъ. Другой позднѣе очутился въ рядахъ гарибальдійцевъ и храбро сражался съ французскими войсками.

Въ первыхъ числахъ сентября 1861 года, когда собрались всѣ студенты послѣ вакацій и начались лекціи, въ alma mater было почти такъ же спокойно и мирно, какъ и всегда. Между студентами начались только постоянные разговоры о нововведеніи, о злобѣ дня — «матрикулахъ», и досадованіе на то, что, ходя на лекціи, надо всегда имѣть при себѣ билетъ, какъ въ театръ или на выставку, и ежедневно предъавлять его швейцару.

Въ половинѣ сентября случилось нѣчто, сразу взволновавшее студентовъ. Существовала студенческая касса, собранная самими студентами деньги, довольно большія, которыми сами студенты распоряжались, помогая недостаточнымъ товарищамъ. Къ этой кассѣ былъ вдругъ приставленъ контролеръ-чиновникъ, чтобы знать и вѣдать, на какія цѣли эти деньги расходуются. Начальство, какъ мы думали, заподозрѣло, что на эти деньги литографируются и распространяются такіе страшные, безнравственные писатели, какъ Фейербахъ или Бюхнеръ, и такіе зловередныя сочиненія, какъ «Сила и матерія». Литографированныя тетрадки, которыя циркулировали между студентами, являлись почти со стороны; онѣ литографировались, конечно, тайно студентами Праотцевымъ и Аргиропуло при содѣйствіи двухъ-трехъ человѣкъ ихъ пріятелей.

Такъ или иначе, но наши деньги, собранныя и собираемыя, оказались не въ нашихъ рукахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ помогать товарищамъ стало гораздо мудренѣе. Прежде форма была простая: нуждающійся товарищъ шелъ прямо къ заправителю и говорилъ:

— Дайте мнѣ пять рублей. Дайте мнѣ десять рублей.

— Зачѣмъ?

— У меня сапоговъ нѣтъ. Или: мнѣ надо за столъ хозяйкѣ что нибудь уплатить.

Происходилъ товарищескій разговоръ, деньги выдавались, и помимо разговарившихъ никто не зналъ, кто какую помощь получилъ. При господинѣ контролерѣ очень многіе студенты, въ томъ числѣ двое близкихъ мнѣ товарищей, заявили, что они «у этого скота» помощи

просить не пойдутъ. Причина, почему безвинный чиновникъ сразу попалъ въ скоты, было, конечно, уже начинавшееся раздраженіе.

Около двадцатаго сентября произошло въ университетѣ цѣлое событіе. Надо сказать, что въ то же время въ Петербургѣ началась тоже студенческая исторія, что тамошніе студенты,—зачѣмъ, совершенно не помню,—пошли огуломъ на квартиру попечителя, жившаго на Колокольной улицѣ. Помню, какъ въ Москвѣ шутили, что петербургскіе студенты демонстративно пошли на Колокольную только потому, что зачитались «Колоколомъ» Герцена. Какіе собственно мотивы произвели волненіе петербургскихъ студентовъ, я положительно не помню, вѣроятно, приблизительно было то же, что и въ Москвѣ. Но однажды, около полудня, вслѣдствіе того, что не явился на лекцію профессоръ Бѣляевъ, собравшіеся въ «Большой словесной» студенты, человѣкъ до двухсотъ юристовъ, начинали уже расходиться, когда одинъ студентъ поднялся на кафедру и громогласно заявилъ:

— Товарищи! Позвольте прочесть вамъ письмо, полученное мною отъ пріятеля, петербургскаго студента.

Нѣкоторые удивились, но никто не протестовалъ. Большинство даже не понимало, что за письмо и съ какой радости хочетъ его читать какой-то студентъ.

Письмо оказалось довольно пространное, очень умное и очень горячо написанное. Петербургскій студентъ рассказывалъ про волненія въ его университетѣ и, конечно, въ концѣ письма, призывалъ лечь костьми и постоять за матушку святую Русь и московскихъ студентовъ.

Почему-то охотниковъ и «ложиться» и «постоять» оказалось сразу немало. Я думаю, что студентъ, нѣкто Гижицкій, читавшій письмо съ пафосомъ и декламаціей, а отчасти и самое изложеніе, горячее и талантливое, произвели, какъ сюрпризъ, извѣстное впечатлѣніе на аудиторію, собравшуюся было слушать нѣчто иное, скучнѣйшее, что бывало всегда измучаетъ, какъ застѣнокъ, и доконаетъ на смерть. А именно мы соплились ради профессора Бѣляева и «исторіи русскаго законодательства», которое въ его устахъ имѣло всегда удивительное свойство вытягивать душу изъ тѣла «по ниточкѣ» и которое мы называли «Исторіей русскаго доконательства».

Съ этого дня студенты начали, какъ принято выражаться, «волноваться». Воззваніе петербургскаго студента было искрой, упавшей въ студенческую кассу, изображавшую въ эти дни нравственный пороховой складъ.

Рассказывая вкратцѣ, я пропущу все, что за эти дни произошло, такъ какъ сравнительно съ послѣдующимъ оно было не важно. Скажу только, что за одну недѣлю времени оказалось два явно непріязненныхъ лагеря: профессора и студенты. Лекціи всѣ прекратились, а такъ какъ студенты продолжали ходить въ университетъ,

то, не имѣя никакихъ занятій, разумѣется, начали въ аудиторіяхъ убивать время на особый ладъ.

Такъ обѣ большія аудиторіи, которыя мы звали «юридическая» и «словесная», превратились въ нѣчто подобное версальской Salle du Jeu de Pommes. Поглядѣть иногда со стороны и просто ни дать, ни взять, знаменитая картина Давида, на которой, по предложенію абата Сіеса и Мирабо, всѣ клянутся, вздымая руки, постоять за истину и свободу, бросить вызовъ угнетателямъ и не слагать оружія (въ нашемъ случаѣ,—языковъ), покуда не побѣдишь.

Во время недавней московской студенческой исторіи въ городѣ разнесся слухъ, что студенты волнуются, требуя уничтоженія брака и права дарового проѣзда по конкѣ. Конечно, это пустиль въ ходъ какой нибудь злочій московскій острякъ... Но шутка шуткой, а нѣчто подобное всегда присоединяется непременно ко всякой студенческой исторіи.

Во времена ѳны на одной петербургской площади подвыпившая гурьба простонародья кричала въ отплату за угощеніе: «Хотимъ Костентина Палыча и супругу его Каституцію». Точно такъ же при всякомъ студенческомъ волненіи является гурьба, малочисленная, но зато зѣло горластая, и требуетъ объявить войну «нѣкоторому царству, не нашему государству», основать Соединенные Россійскіе Штаты, уничтожить метрики, строго запретить крещеніе и предоставить всякому студенту даровой входъ во всѣ тѣ мѣста, гдѣ остальные люди-человѣки платятъ деньги... театры, шантаны, бани, конки и даже пансіоны... безъ древнихъ языковъ.

То же приключилось и въ нашу исторію. Помню, что мы сами, студенты, смѣялись иногда до слезъ надъ ахинеей, которую при дебатахъ нѣкоторые изъ насъ пылко ставили «на очередь». Никогда никакимъ депутатамъ шутамъ, а таковыя есть во всякомъ парламентѣ, не случалось дѣлать такихъ «съ ногъ сшибательныхъ» заявленій, какія дѣлались тогда въ аудиторіяхъ и въ университетскомъ садѣ.

Отношенія между профессорами и студентами все обострялись, хотя лекцій и не было. Какъ относились къ волненіямъ и какъ на нихъ смотрѣли профессора, станетъ ясно изъ слѣдующаго примѣра. Небольшой кружокъ студентовъ, къ которому я принадлежалъ, рѣшилъ идти посовѣтоваться, конечно, не объ уничтоженіи крещенія и брака, къ новому профессору, который былъ отчасти популяренъ, Ѳ. М. Дмитріеву. Онъ читалъ «иностранныя законодательства». Широкое поле въ тѣ дни—для невинныхъ, но остроумныхъ намековъ. Однажды, утромъ, человѣкъ двадцать студентовъ, и я въ томъ числѣ, отправились на Знаменку, въ квартиру Дмитріева, и позвонили. Когда человѣкъ отворилъ дверь, то ему объяснили, чтобы онъ доложилъ профессору, что студенты-юристы желаютъ съ нимъ побесѣдовать.

Лакей скрылся, а мы остались ждать на улицѣ и ждали до-

вольно долго. Наконецъ, лакей вернулся, объясняя, что г. Дмитриевъ «находятся» въ постели и хворають уже дней пять серьезно.

Я, видѣвшій Дмитриева наканунѣ вечеромъ въ гостяхъ, понялъ, что это отговорка, и, разумѣется, тотчасъ передалъ это товарищамъ. Начались споры и пререканья между нами. Тѣ, которые затѣяли идти объясняться съ Дмитриевымъ, были сконфужены. Противники говорили:

— Вотъ видите, и этотъ отъ насъ отворачивается, какъ всѣ другіе, и этотъ не принимаетъ, и этому плевать на студентовъ.

Въ числѣ подбившихъ идти къ Дмитриеву былъ и я. Обратившись къ лакею, который все еще подозрительно стоялъ у открытой двери, готовый ежеминутно захлопнуть ее, я приказалъ доложить о себѣ и спросить, приметъ ли меня профессоръ одного или съ двумя другими. Черезъ полминуты появился снова лакей, широко распахнулъ дверь и объяснилъ:

— Пожалуйте. Просить всѣхъ!

Разумѣется, эффектъ былъ чрезвычайный... Всѣ лица просіяли, какъ если бы каждый получилъ по цѣнному подарку.

Всякій врагъ студенческихъ исторій, если бы присутствовалъ здѣсь въ эту минуту, то понялъ бы, какъ легко, какъ невообразимо легко руководить волнующеюся молодежью.

И вотъ вся орава вошла въ комнаты маленькой квартиры Дмитриева: половина усѣлась въ его небольшомъ кабинетѣ, половина стояла у стѣны и въ дверяхъ. Объясненія этого я приводить не стану. Дмитриевъ намъ давалъ совѣты, а мы, и я въ томъ числѣ, отвѣчали:

— Да вѣдь это теперь невозможно! Поздно! Но мы постараемся уладить то-то и то-то...

Черезъ дня два Дмитриевъ, бывшій, какъ извѣстно, чрезвычайно маленькаго роста, худенькій и слабенькій, встрѣтивъ меня у знакомыхъ, сказалъ, какъ всегда, въ носъ.

— Я думалъ, вы меня бить пришли. Да поглядѣлъ въ окно, вижу—цѣлая орава. Думаю, нѣтъ! Должно быть, не то... Меня избить и одного довольно. Ну, и впустилъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого произошло нѣчто и хорошее и нелѣпое, и умное и глупое... Затѣя, хорошая по замыслу, оказалась нелѣпою въ исполненіи. А это дѣяніе,—теперь дѣло прошлое,—я самъ же и затѣялъ.

Наступало четвертое октября, день смерти Грановскаго, имя котораго уже магически звучало въ стѣнахъ аудиторій. Я, близко знавшій Грановскаго, будучи еще только девяти лѣтъ, а теперь мнѣ было двадцать, возымѣлъ мысль предложить товарищамъ, въ опроверженіе разныхъ слуховъ, доказать нѣкоторымъ г.г. профессорамъ, что мы съ особеннымъ уваженіемъ и любовью относимся не только къ живымъ профессорамъ, но и къ памяти умершихъ

профессоровъ, когда они извѣстны своимъ теплымъ отношеніемъ къ студентамъ. Я предложилъ, чтобы намъ, собравшимся какъ можно побольше числомъ, 4-го октября отправиться на могилу Грановскаго.

Сначала въ этомъ намѣреніи не было ничего особеннаго. Правда, случилось бы въ первый разъ, что огромное количество студентовъ собралось бы почтить память его, черезъ шесть лѣтъ послѣ его смерти.

Это демонстративное посѣщеніе могилы Грановскаго есть одно изъ трехъ самыхъ крупныхъ и наиболѣе порицаемыхъ дѣяній студенческихъ за всю эту исторію 1861 года. Такъ какъ я уже называлъ себя прямымъ зачинщикомъ этой демонстраціи, то могу лучше всякаго другого рассказать и объяснить, какъ все было.

Было положено четвертаго октября утромъ собраться на Пятницкомъ кладбищѣ и быть всѣмъ тамъ къ началу или концу обѣдни, какъ кому вздумается или какъ кто поспѣетъ.

Наканунѣ оказалось, что гораздо болѣе студентовъ, нежели можно было предполагать, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ Пятницкое кладбище и какъ къ нему пройти. Объяснить человѣку, мало знающему Москву, какъ пройти, конечно, мудрено. Извозчики не по карману большинству. Отсюда, разумѣется, возникли предложенія:

— Приходите ко мнѣ, пойдемъ вмѣстѣ.

Но послѣ этого пришли къ заключенію, что надо заранѣе назначить какое нибудь мѣсто сбора, чтобы затѣмъ отправляться всѣмъ вмѣстѣ. Сначала предполагалась квартира кучки студентовъ-сожителей на Сивцевомъ Вражкѣ, затѣмъ предполагалась моя квартира на Садовой, гдѣ былъ, да и теперь существуетъ, огромный дворъ, могущій вмѣстить хотъ двѣ тысячи человѣкъ. Я долженъ былъ отклонить это, по желанію моей матери, которую и безъ того глупѣйшимъ образомъ припутывала Москва ко всему, что дѣлалъ я... Кончилось тѣмъ, что всѣ рѣшили собраться въ университетскомъ саду. Такимъ образомъ, по милости тѣхъ, кто не зналъ дороги на Пятницкое кладбище, пришли по уговору въ университетъ равно и тѣ, кто могъ бы добраться туда пѣшкомъ или въ экипажѣ, въ одиночку.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, за два дня, 2-го октября, друзья покойнаго Тимоеея Николаевича, лица, уже находящіяся на томъ свѣтѣ, и не одно и не два лица, а нѣсколько лицъ, рѣшили и предложили мнѣ приготовить цвѣтовъ, которые я съ моими друзьями могъ бы снести на могилу.

Я былъ, конечно, очень доволенъ. Но такъ какъ цвѣтовъ набралось отъ жертвователей очень много (вѣнки тогда были еще, кажется, не въ модѣ), то явился вопросъ, какъ быть, чтобы доставить всю эту массу цвѣтовъ на могилу.

Кто-то предложилъ пожертвовать корзину и дѣйствительно привезъ огромную, великолѣпную, аршина въ полтора или два въ діаметръ. Какъ теперь помню эту корзину тростниковую, коричневую, съ красивыми переплетами и затѣйливыми ручками по бокамъ. Затѣмъ три московскія дамы (но не моя мать) взяли въ украсть эту корзину бантами изъ лентъ.

И вотъ, четвертаго октября, рано утромъ, въ моей комнатѣ явилась огромная корзинница, верхомъ переполненная великолѣпными цвѣтами, въ числѣ коихъ были и страшно дорогіе... Вдобавокъ корзина была разукрашена всякими бантами. Разумѣется, чтобы двинуться съ такой ношей, надо было взяться вмѣстѣ человѣкамъ четверемъ.

Когда около девяти часовъ я явился въ университетскій садъ съ этой корзиной, то произвелъ такой фуроръ, по которому ясно было видно, что всѣ мы—добродушнѣйшіе мальчуганы и никакъ не «республиканцы», какъ прозвалъ тогда насъ почтеннѣйшій генералъ Иксъ, знаменитый въ лѣтописяхъ московскаго большого свѣта своей легендарною и, такъ сказать, геніальною глупостью.

Генералъ этотъ, если бы при его жизни былъ устроенъ конкурсъ остолоповъ, непремѣнно получилъ бы золотую медаль или дипломъ съ государственнымъ гербомъ. Я почти увѣренъ, что случайная встрѣча незабвеннаго Ивана Федоровича Горбунова именно съ этимъ генераломъ произвела на свѣтъ знаменитое его дѣтище—генерала Дитятина.

Собралось насъ въ университетскомъ саду довольно много, сколько, право, не помню, человѣкъ триста, четыреста или болѣе. Четверо человѣкъ, взявшись за корзину, двинулись впередъ, остальные—за ними. Мы прошли тоннель стараго университета, дворъ и повернули налѣво черезъ Охотный рядъ, идя тротуаромъ. Но тотчасъ же (и убѣдительно прошу это замѣтить) наша сплошная колонна стала принуждать всѣхъ встрѣчныхъ и мужчинъ и, конечно, дамъ слѣзать съ тротуара въ грязь. Пришлось сойти и идти улицей.

И вотъ явилась вторая мелочь сама собой, за которую насъ, однако, попрекали, да и теперь очевидцы попрекаютъ, что мы «демонстративно» шли колонной среди улицъ, обращая на себя вниманіе всей Москвы. Слѣдовательно, въ этомъ шествіи было что-то, — разумѣется, съ точки зрѣнія генерала Икса,—«республиканское».

Здѣсь, въ Охотномъ ряду, произошло нѣчто, что я помню, какъ если бы оно было вчера. Глядя по сторонамъ, я, право, таращилъ глаза и ничего не понималъ. Товарищи, сосѣди мои, тоже...

Направо и налѣво въ Охотномъ ряду, гдѣ было, благодаря утру и торгу, довольно много народу, весь этотъ людъ и мѣщане, мужики, разносчики, извозчики,—все это снимало шапки и крестилось, качаясь въ нашу сторону, какъ это дѣлаетъ русскій человѣкъ, молясь.

— На что они крестятся?—возникъ у меня вопросъ.

Наша корзина съ цвѣтами не изображала, однако, ничего религіознаго...

И, вѣроятно, мы прошли бы по всѣмъ улицамъ чрезъ всю Москву, не понявъ, почему крестится народъ, если бы около церкви Параскевы Пятницы какая-то громадная баба не крикнула:

— Эй, гляди-тко, студенты кого-то хоронятъ! Кажись, робеночка.

Эта баба не только объяснила намъ, почему на насъ крестятся, но и объяснила намъ, какъ чуждо русскому народу все то, что такъ естественно на западѣ. Что студенты цѣлой тучей хоронятъ какого-то имъ всѣмъ равно близкаго младенца безъ образовъ и безъ духовенства, казалось совершенно естественнымъ. А что студенты несутъ корзину съ цвѣтами, оказывалось совершенно бессмысленнымъ.

Такъ прошли мы по Китайскому проѣзду, съ Лубянки на Срѣтенку, къ Сухаревой башнѣ, а оттуда по Первой Мѣщанской на шоссе и на Пятницкое кладбище. И повсюду, по бокамъ насъ, крестился народъ и, говоря искренно, смущалъ насъ донельзя. Меня же смущало это настолько, что я готовъ былъ бросить и отойти отъ корзины.

Мнѣ чудилось, что мы обманываемъ этотъ людъ, хотя и невольно. И заставляя его обнажать голову и класть крестное знаменіе, мы просто, не болѣе и не менѣе, какъ глумимся надъ нимъ. Но дѣлать было нечего. Мы всячески старались укрывать собою, но укрыть вполне огромную корзину, въ которой на цѣлый аршинъ пирамида цвѣтовъ, да еще масса лентъ и бантовъ,—было, конечно, невымыслимо.

До заставы мы шли мирно, за заставой пришли въ волненіе и негодованіе... Мы увидали близъ шоссе роту солдатъ, выведенныхъ сюда ради насъ, которые должны были явиться и на кладбище «въ случаѣ чего».

— Чего?—спрашивали мы тогда.

На кладбищѣ, однако, чуть не произошелъ дѣйствительно очень непріятный инцидентъ, который, конечно, придалъ бы студенческимъ волненіямъ совершенно иной характеръ и крайне дорогою цѣной обошелся бы студентамъ.

Въ ту минуту, когда мы высыпали цвѣты изъ корзины и принялись украшать ими подножіе обелиска на могилѣ, между студентами неожиданно и внезапно прошелъ какой-то странный гулъ. Оказалось, что прямо на могилу идетъ по дорожкѣ быстрыми шагами «нѣкто», кого студенты въ эти дни особенно не валибили.

Это было одно изъ начальствующихъ лицъ Москвы, которое вело себя по отношенію къ студентамъ не столько рѣзко или грубо, сколько въ высшей степени дико и безтактно. Этотъ человѣкъ раздражалъ волнующуюся молодежь чуть не ежедневно совершенно нелѣпыми, а иногда и комическими мѣрами. Даже и теперь не могу

понять, зачѣмъ онъ вдругъ явился изъ Москвы на Пятницкое кладбище и вдобавокъ одинъ, безъ необходимыхъ въ исполненіи его обязанностей сателлитовъ. Мы шутили потомъ, что онъ возмнилъ себя императоромъ Николаемъ I, являющимся на Сѣнную крикнуть знаменитое по своему значенію: «На колѣна!».

Въ толпѣ студентовъ тотчасъ послышались восклицанія недовольства, угрозы и наконецъ самыя дикія предложенія. Голоса требовали броситься на приближающагося, чтобы не допускать его «осквернять» могилу Грановскаго и даже перейти къ жестамъ.

Повторяю, что во всякой студенческой исторіи есть всегда личности, которыхъ иначе окрестить нельзя, какъ дикобразами.

Нѣсколько человѣкъ, бывшихъ не у самой могилы, а за рѣшеткой, двинулись уже навстрѣчу къ идущему. Я, никогда не отличавшійся находчивостью, въ эту минуту, вѣроятно, встревоженный ужасными послѣдствіями безумнаго дѣянія, сразу превратился въ оратора.

Я поднялся на ступеньки памятника, даже на карнизецъ обелиска, чтобы быть видимымъ, и, охвативъ его рукой, чтобы удержаться, вдругъ съ крайнимъ воодушевленіемъ заговорилъ... Что именно—я не помнилъ даже черезъ четверть часа, а поэтому, конечно, не могу вспомнить теперь. Смыслъ моихъ нѣсколькихъ словъ заключался, однако, въ томъ, что мы не за тѣмъ пришли на могилу Грановскаго, чтобы отвѣчать буйствомъ на глупость и вмѣсто того, чтобы почтить его память, произвести около его праха скандалъ. И именемъ Тимофея Николаевича я, конечно, съ большимъ чувствомъ просилъ товарищей образумиться и остаться разсудительными зрителями безтактности.

Должно быть, мое воодушевленіе и голосъ сильно подѣйствовали, ибо вся огромная толпа студентовъ тотчасъ стихла. Бросившіеся было съ угрозами къ неожиданному гостю вернулись назадъ... А онъ,—какъ и всегда, невѣдомо что и зачѣмъ дѣлающій,—постоялъ, глядя на насъ, съ полъ-минуты на дорожкѣ, съ пальцемъ и кулакомъ у нижней пуговицы мундира, задравъ голову и будто нюхая воздухъ, и, вдругъ круто повернувшись, двинулся обратно къ церкви.

На другой же день мои нѣсколько словъ успокоенія выросли въ Москвѣ уже въ длинную зажигательную рѣчь, въ призывъ къ ниспроверженію всѣхъ властей... Вдобавокъ эта рѣчь была уже приписана моей матери, которой вовсе не было на кладбищѣ... Съ этого дня я люблю повторять поговорку собственнаго сочиненія: «времени и пространства не постигнешь, моря не выпьешь, Москвы не перевернешь».

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашей «демонстраціи» въ память Грановскаго однажды утромъ я отправился на квартиру къ одному изъ товарищей, такъ какъ насъ человѣкъ тридцать уговорились собраться вмѣстѣ, чтобы обсудить кое-что. На квартирѣ мнѣ ска-

зали, что товарищъ мой арестованъ чуть свѣтъ. Я тотчасъ же поѣхалъ къ другому, ближайшему, чтобы извѣстить его о происшествіи, и узналъ о немъ то же самое. То же случилось на третьей и четвертой квартирѣ и т. д. Озадаченный, вернулся я домой и нашелъ у себя двухъ студентовъ-пріятелей — Кельсіева и Понятовскаго, которые объявили мнѣ, что весь нашъ кружокъ (двадцать семь человѣкъ) за ночь арестованъ и сидитъ невѣдомо въ какомъ полицейскомъ участкѣ.

Въ эту ночь, какъ я узналъ впоследствии, я долженъ былъ быть непременно арестованъ тоже. Но вѣдь это было немыслимо! На мнѣ, какъ уже видѣлъ и еще увидитъ читатель, былъ какой-то таинственный талисманъ противъ арестованія. Смутно помнится, что дѣло на этотъ разъ произошло такъ... У меня былъ очень милый, симпатичный товарищъ, нынѣ благополучно здравствующій, графъ О—въ. Онъ наканунѣ вечеромъ оказался случайно въ гостяхъ у попечителя генерала Исакова и увидѣлъ списокъ студентовъ, которыхъ должны были арестовать на утро. Найдя мое имя въ числѣ прочихъ, онъ удивился и объяснилъ Исакову, какова роль моя въ студенческихъ волненіяхъ съ его точки зрѣнія, а не по соображеніямъ господъ инспекторовъ или полицеймейстеровъ. И графъ О—въ могъ даже примѣрами доказать, что арестовать меня и изъять изъ этого волненія можетъ принести только одинъ вредъ.

Дѣйствительно, во всемъ университетѣ было извѣстно, что небольшая группа студентовъ, къ которой я принадлежалъ, была самая умѣренная, старательно и сугубо мѣшавшая всѣмъ «отчаяннымъ» производить безобразія. Исаковъ, человѣкъ умный и дѣятельный, но въ это время «одинъ въ полѣ воинъ», могъ вполне довѣрять графу О—ву. И онъ, за семь, восемь часовъ до оглушаго арестованія, перечеркнулъ мою фамилію въ списокѣ карандашемъ, чего для полиціи было достаточно, но повдѣе повело къ счастливному для меня недоразумѣнію.

Листъ этотъ съ моимъ именемъ и легкой карандашной чертой я видѣлъ впоследствии, когда была наряжена въ Москву комиссія разобрать и расслѣдовать студенческую исторію. На допросѣ я протестовалъ, тщетно завѣряя, что никогда арестованъ не былъ, вѣроятно, благодаря этому карандашу. И, несмотря на это, по постановленію этой комиссіи, уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ, я не былъ ни исключенъ, ни высланъ изъ Москвы, ни сосланъ туда, куда попали четверо изъ моихъ пріятелей. Почему-то комиссія постановила «вмѣнить прежній арестъ въ наказаніе» за мои сравнительно малыя вины.

Въ Москвѣ же стали говорить, что за меня вступилась родня и постаралась выгородить, а слѣдовало, напротивъ, на бунтовщикѣ «графчикѣ» показать хорошій примѣръ.

Перейду теперь къ главному эпизоду. Вѣроятно, многіе изъ московскихъ старожилонъ помнятъ, что во время этой студенческой

исторіи была такъ называемая «Битва подъ Дрезденомъ». 12-го октября, толпа студентовъ съ университетскаго двора двинулась по Тверской къ генераль-губернаторскому дому съ какимъ-то заявленіемъ и выстроилась на площади около гостиницы «Дрезденъ». Вслѣдъ за ней появился сидѣвшій въ манежѣ отрядъ пѣхоты и взводъ жандармовъ изъ Чернышевскаго переулка. Конечно, едва только строй надвинулся на кучу студентовъ, какъ всѣ они обратились, какъ говорилось, «въ самое постыдное бѣгство».

Эта оцѣнка и это выраженіе мнѣ и тогда очень нравились и теперь очень нравятся. Какъ будто студенты пришли на площадь для того, чтобы строить баррикады и сражаться съ войсками. Понятное дѣло, что, при видѣ вооруженной силы, они бросились вразсыпную по площади. Это даже слѣдовало сдѣлать, будучи въ здоровомъ умѣ и твердой памяти. Всю эту кучу тотчасъ оцѣпили, заарестовали и рассажали по разнымъ частямъ Москвы, въ томъ числѣ, конечно, наибольшая доля засѣла въ ближайшей Тверской части.

Какъ вели себя во время свалки и какъ дѣйствовали побѣдители, лучше не вспоминать, не говорить... Главнокомандующіе, выигравшіе сраженіе подъ Дрезденомъ, были полицеймейстеры Сычинскій и Пяткинъ... Одни ихъ имена скажутъ много всякому московскому старожилу...

Въ этомъ походѣ я не участвовалъ, поэтому не участвовалъ и въ сраженіи и не былъ арестованъ, а былъ въ статскомъ платьѣ, которое студентамъ тогда разрѣшалось, и присутствовалъ въ числѣ любопытныхъ. И не потому только, что не захотѣлъ идти съ заявленіемъ къ Тучкову, а потому, что не хотѣлъ, чтобы студенты шли оравой вмѣсто того, чтобы послать одного или хоть трехъ студентовъ объясниться съ генераль-губернаторомъ, человекомъ, безспорно, добрымъ и умнымъ. Этотъ походъ былъ предпринятъ сразу, на университетскомъ дворѣ, внезапно, какъ бы машинально, очертя голову. Это пошло стадо, которое гналъ невидимый пастухъ... если не студентъ, князь Крапоткинъ, нынѣ извѣстный эмигрантъ и социалистъ и т. д. Дѣяніе это, нелѣпое и не нужное, именно и было прямымъ послѣдствіемъ арестованія того кружка, отъ котораго уцѣлѣлъ я да еще двое—Кельсиевъ и Понятовскій. Мы передъ тѣмъ удержали три раза «ораву» отъ многого еще худшаго. Если бы студентъ графъ О—въ былъ энергичнѣе или, вѣрнѣе, имѣлъ бы болѣе вліянія на генерала Исакова и отстоялъ бы весь кружокъ мой, то «сраженія подъ Дрезденомъ» и не произошло бы вовсе.

Прибавлю кстатѣ, что въ числѣ плѣнныхъ, доставшихся побѣдителямъ, былъ большой, великолѣпный водолазъ графа О—ва, всегда слѣдовавшій за нимъ. Вѣроятно, владѣлецъ также былъ на площади въ числѣ любопытныхъ... и не досмотрѣлъ за своей собакой, а она очевидно совершила какое либо противозаконіе... Быть можетъ, добрый песъ, мстя за студентовъ, нарушилъ уставы благоустройства

и благочинія на самой священной особѣ полицеймейстера Сычинскаго, лукаво притворяясь, что принимаетъ его за столбъ...

Однако, вернусь къ исторіи. Дѣйствія полицейскихъ и жандармовъ въ битвѣ подъ Дрезденомъ были таковы, что уже въ огромномъ большинствѣ студентовъ родилась сразу мысль подать прошеніе на высочайшее имя о разслѣдованіи всего дѣла вообще. И въ университетѣ уже прекратились митинги и рѣчи, а начался только правильный сборъ подписей подѣ прошеніе.

Когда подписи студентовъ большинства четырехъ факультетовъ были собраны, человекъ пятьдесятъ студентовъ-коноводовъ собрались на квартирѣ одного изъ товарищей на углу Арбатской площади и Воздвиженки. Надо было выбрать трехъ лицъ, которыя бы просьбу или жалобу на высочайшее имя свезли въ Петербургъ. Выборы эти были произведены на особый ладъ. Сначала выбрали человекъ двадцать по жребію, потомъ изъ двадцати выбрали уже голосованіемъ шестерыхъ, а этимъ шестерымъ предоставили выдѣлить изъ своей среды троихъ, то-есть предоставили право отказаться. Понятно, что всякій, собиравшійся везти прошеніе въ Петербургъ отъ «бунтарей», могъ опасаться большой отвѣтственности и строгаго наказанія. Эти трое оказались: Покровский, нынѣ покойный, Шиповъ, нынѣ здравствующій, и я.

Въ этотъ триумвиратъ, помню, чуть-чуть не попалъ нашъ извѣстный московскій врачъ Чериновъ.

Едва только университетское начальство узнало, что уже избраны три «депутата», какъ говорилось тогда, везти прошеніе въ Петербургъ, то, разумѣется, было рѣшено этихъ трехъ депутатовъ стеречь и арестовать на Николаевскомъ вокзалѣ съ полицнымъ въ рукахъ.

Теперь многіе изъ тогдашняго начальства, находящіеся въ живыхъ, скажутъ, что насъ арестовать и не собирались, а иначе, конечно бы, еще заранѣе арестовали. Я же на это отвѣчу, что утверждаю противное. Наши имена были такъ дружно и единодушно сохранены въ тайнѣ полусотней человекъ товарищей, которымъ выборъ былъ извѣстенъ, что нельзя было знать, кого арестовывать.

За эти дни, постоянно бывая въ обществѣ на вечерахъ и балахъ, я увѣрялъ всѣхъ, что прошеніе и депутація—все выдумки. А чтобы еще болѣе отвести глаза, хотя бы лишь отъ себя, я вечеромъ, накануне назначеннаго выѣзда въ Петербургъ, участвовалъ въ любительскомъ спектаклѣ въ комедіи графа Соллогуба «Чиновникъ». Вмѣстѣ со мной играли князь и княгиня Долгорукіе, выѣзжавшіе на утро въ Петербургъ и «уговаривавшіе» меня тоже ѣхать съ ними ради прогулки. Главную же роль, самого «Чиновника», игралъ Г. А. Чертковъ, который былъ тогда адъютантомъ генералъ-губернатора и, слѣдовательно, могъ засвидѣтельствовать по начальству, что я, какъ участникъ спектакля, мало похожъ на тайнаго депу-

тата. Послѣ спектакля я вернулся домой часу въ третьемъ ночи, а въ девять утра былъ по уговору въ статскомъ платьѣ на Николаевскомъ вокзалѣ и бралъ билетъ перваго класса. Шиповъ взялъ билетъ второго, а Покровский долженъ былъ ѣхать въ третьемъ классѣ, но мы съ Шиповымъ волновались, не видя его.

Только въ Клину ко мнѣ на платформѣ подошелъ какой-то господинъ и, смѣясь, произнесъ мнѣ на ухо:

— Что? Хорошо?

Предполагая, что я имѣю дѣло съ сумасшедшимъ или пьянымъ, я отстранился, но снова услышалъ:

— Саліась, что ты? Или не узнаешь?

Я недоумѣвалъ, тараща глаза.

— Ну, должно быть, хорошо я, что даже перепугалъ!

И тутъ только по голосу я узналъ Покровскаго. Онъ всегда носилъ большую рыжую бороду, такъ какъ ему было уже лѣтъ двадцать семь. Теперь же я увидѣлъ передъ собой попрежнему очень некрасиваго, но все-таки будто молоденькаго, чисто выбритаго господина.

Въ Петербургѣ мы остановились на трехъ разныхъ квартирахъ, избѣгая гостиницъ. Я остановился у лица, котораго близко зналъ съ дѣтства, а именно у хорошо извѣстнаго и всѣми уважаемаго профессора К. Н. Бестужева-Рюмина.

Жилъ тогда К. Н. въ Саперномъ переулкѣ, въ домѣ графовъ Строгановыхъ, въ глубинѣ двора, но однако окна его квартиры выходили на улицу—Тупикъ, который кажется теперь не существуетъ.

Въ первый же день по приѣздѣ возникъ важный вопросъ. Дѣло заключалось въ томъ, что прошеніе государю было не переписано на бѣло. Подписи студентовъ на многихъ листахъ были конечно со мной отдѣльно и были взяты мною, какъ нравственное доказательство... Въ Москвѣ было рѣшено, что будетъ осторожнѣе поручить переписать прошеніе хорошему писарю въ Петербургѣ. А здѣсь всѣ единодушно рѣшили, что это дѣяніе будетъ не осторожное!.. Что же дѣлать?!

И вотъ, мало спавъ ночь между спектаклемъ и выѣздомъ, плохо проспавъ вторую ночь, сидя въ вагонѣ (тогда понятно спальныхъ не было) я не третью ночь сѣлъ переписывать прошеніе самъ. Въ головѣ былъ чадъ усталости... Почеркъ мой былъ, есть и конечно будетъ и впередъ однимъ изъ самыхъ отвратительныхъ. Еще въ гимназіи я по чистописанію получалъ всегда единицы, а при усиленномъ прилежаніи—двойки.

Сѣвъ за работу послѣ полуночи, я началъ «рисовать» выводы каждую букву, какъ бы какой греческій профиль красавицы... И три страницы прошенія были окончены часовъ въ семь-восемь утра.

Мѣсяцъ спустя, когда это прошеніе, возвращенное въ Москву, очутилось въ университетскомъ правленіи, пройдя послѣ государя чрезъ много, много рукъ оказалось (и профессора наши ужасались),

въ немъ была куріозная грамматическая ошибка... Сколько помнится, слово: «менѣ» было написано: «мѣнее». И оно было подчеркнуто карандашемъ, какъ говорили, самимъ государемъ. Я этого прошенія съ ночи на квартирѣ Бестужева никогда въ жизни снова не видалъ, но если въ немъ стоитъ «мѣнее», то помимо моего почерка, это слово прямо доказываетъ, — что прошеніе писалъ я... На эдакое у меня истинный талантъ.

Слово «мѣнее» тогда официально Москву восхищало... Студенты московскаго университета бунтовать умѣютъ, а грамотѣ не знаютъ!! Замѣчательно однако, что когда по утру К. Н. Бестужевъ внимательно, прочелъ свое каллиграфическое произведение, то ничего не замѣтилъ. Это я приписываю его нѣкоторому смущенію. И вотъ почему. Надо было запечатывать конвертъ большой печатью... А ее у меня не было... Принеся мнѣ свою, съ оригинальнымъ гербомъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ, онъ странно посмѣивался своимъ тоже оригинальнымъ смѣхомъ, но ничего не говорилъ... За то, Елизавета Васильевна, жена его, укоризненно повторяла...

— Не хорошо это... Не хорошо. Мало ли что можетъ выйти... И ужъ совсѣмъ въ чужомъ пиру похмѣлье будетъ!

Теперешнее поколѣніе пожалуй этого не пойметъ!

Теперь стану еще болѣе кратко. Помню, что именно 24-го октября, мы втроемъ съ большимъ запечатаннымъ конвертомъ на высочайшее имя отправились въ Царское Село и явились во дворецъ къ дежурному флигель-адъютанту. Таковымъ въ этотъ день оказался, пользующійся репутаціей очень добраго человѣка, флигель-адъютантъ, а нынѣ генералъ-адъютантъ Р—въ, который уже и тогда былъ близкимъ лицомъ къ государю Александру II.

Подробно разспросивъ у насъ, въ чемъ дѣло, обсудивъ все, флигель-адъютантъ Р—въ объяснилъ намъ, что лично подать прошеніе не мыслимо, а затѣмъ попросилъ меня послѣ словъ: «Его Императорскому Величеству. Въ собственныя руки» прибавить на конвертѣ: «Отъ студентовъ московскаго университета: Покровскаго, Шипова и графа Саліаса». Затѣмъ онъ заявилъ намъ, что тотчасъ же доложить обо всемъ государю, а чтобы мы на другой день отпраплялись узнать о результатѣ къ князю Василю Андреевичу Долгорукову.

Когда я вернулся въ Петербургъ на квартиру Бестужева-Рюмина, то, рассказавъ ему нашу одиссею, не отдыхая, тотчасъ же отправился повидать кое-кого, въ томъ числѣ двухъ извѣстныхъ профессоровъ: Б. И. Утина и К. Д. Кавелина. Другихъ лицъ, еще извѣстныхъ, но еще живыхъ, я не считаю нужнымъ называть.

Я старался разузнать, что съ нами будетъ, по ихъ мнѣнію.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ и мнѣніямъ, мы всѣ трое должны были ожидать быть арестованными на утро въ III Отдѣленіи, а затѣмъ препровождены въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и водворены на жительство на невѣдомо какой срокъ.

На другой день надо было, однако, отправляться къ Цѣпному мосту. Мы рѣшили почему-то, что всѣмъ троицѣ являться не нужно, а что за всѣхъ можетъ явиться кто нибудь одинъ. Выборъ палъ на меня. Шиповъ и Покровскій остались на противоположной набережной, а я вступилъ въ знаменитое и нынѣ существующее зданіе, о которомъ во времена ѳны много ходило сказокъ и легендъ по всей Россіи.

Князь Долгоруковъ, уже очень пожилой человѣкъ, если не старикъ, принялъ меня, юношу-студента, крайне милостиво, даже любезно и сказалъ мнѣ маленькую рѣчь, суть которой слѣдующая:

«Государю императору, какъ отцу своихъ подданныхъ, крайне горько видѣть, что молодежь, вмѣсто того, чтобы усердно заниматься науками, волнуется и занимается предметами, до ея образованія не касающимися. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ справедливыя желанія студентовъ Московскаго университета будутъ удовлетворены. Возвращайтесь тотчасъ же обратно въ Москву и постарайтесь, чтобы волненіе въ Московскомъ университетѣ тотчасъ же стихло».

Я будто обратился въ наивную барышню институтку... Я настолько былъ увѣренъ и убѣжденъ собранными мною сужденіями и мнѣніями на счетъ нашего немедленнаго арестованія въ Петербургѣ, что будто не вѣрилъ ушамъ. И кончилось это разумѣется нелѣпостью съ моей стороны.

— Позвольте доложить вашему сіятельству,— сказалъ я,— что если мы должны быть арестованы, то уже удобнѣе сдѣлать это тотчасъ въ Петербургѣ, нежели заставлять насъ проѣхать въ Москву, быть тамъ арестованными и снова привезенными сюда.

Повѣрить, что я былъ способенъ на подобное заявленіе, конечно, трудно, но это суцая правда. И помню отвѣтъ Долгорукова:

— Вы меня не понимаете, молодой человѣкъ? Я вамъ объяснилъ ясно, чтобы вы ѣхали въ Москву и постарались скорѣе подѣйствовать на своихъ товарищей. Если вы были выбраны везти прошеніе государю императору, то я предполагаю, что вы имѣете извѣстное вліяніе на своихъ товарищей. Вотъ ступайте и дѣлайте, что я вамъ говорю, чтобы скорѣе все утихло!

Впослѣдствіи, года уже четыре спустя, я узналъ *le dessous des cartes*, но и теперь не хочется говорить и называть лицъ. Мы сначала должны были быть арестованы непремѣнно на другой же день и примѣрно строго наказаны, но одна личность въ Петербургѣ доложила дѣло государю «по-своему», и государь, выслушавъ, приказалъ отпустить насъ немедленно въ Москву и тщательно разслѣдовать какъ мотивы студенческой исторіи, такъ и дѣйствія московской полиціи.

Вотъ, стало быть, три ареста моей студенческой поры (два не въ счетъ при разсказѣ о семи), которыхъ я избѣгнулъ. Разсказывая, я умалчалъ о массѣ мелочей. Разскажу лишь объ одномъ инцидентѣ въ III Отдѣленіи... Когда князь Долгоруковъ собрался записать въ огромную книгу мой московскій адресъ, то, узнавъ отъ меня, что я живу съ матерью, отложилъ перо, сказавъ:

— Тогда это излишне...

Однако съ этого дня — какъ я узналъ впоследствии — я попалъ въ число лицъ, находящихся «подъ надзоромъ полиціи. «И это совершенно понятно и естественно... Но вотъ, что не очень «естественно»... Я былъ освобожденъ изъ-подъ «надзора» ровно девятнадцать лѣтъ спустя. Такимъ образомъ произошло слѣдующее: я былъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при тамбовскомъ губернаторѣ Гартингѣ, былъ затѣмъ редакторомъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» по личному желанію министра графа Толстого, былъ затѣмъ принятъ въ руссійское подданство съ высочайшаго соизволенія и «милостію» государя, «однимъ почеркомъ пера» (какъ выразился министръ Тимашевъ) причемъ, не имѣя чина, получилъ сразу чинъ надворнаго совѣтника, затѣмъ былъ членомъ комитета цензуры иностранной въ Петербургѣ, затѣмъ управляющимъ конторою императорскихъ московскихъ театровъ... И былъ одновременно... политически неблагонадежный гражданинъ!.. Да, другъ Гораціо, это почище того, что не снилось твоимъ мудрецамъ!

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ пришло въ Москву официальное извѣщеніе, что мы трое — Покровский, Шиповъ и я, явившись депутатами отъ студентовъ, поступили необдуманно и противозаконно, но что «на первый разъ» намъ это прощается.

Послѣ этого вскорѣ же явилась комиссія, о которой я уже упоминалъ. Засѣдала она на Большой Дмитровкѣ, въ какой-то частной квартирѣ, и болѣе половины наличнаго количества студентовъ Московскаго университета перебывало тамъ.

Оберъ-полицеймейстеръ, графъ Крейцъ, вскорѣ покинулъ Москву. Знаменитый полицеймейстеръ Сычинскій почему-то оставался, и много позднѣе имѣлъ я все-таки удовольствіе увидѣть его въ статскомъ платьѣ. Частный приставъ, г. Пяткинъ, командовавшій при битвѣ подъ Дрезденомъ, вскорѣ тоже скрылся съ полицейскаго горизонта Бѣлокаменной. Добраго Тучкова, начальника Москвы, никто не обвинялъ ни въ чемъ, а поэтому позднѣе, когда онъ ушелъ, его даже никто не поминалъ лихомъ...

Однако, желая быть вполне безпристрастнымъ, прибавлю, что произведенное слѣдствіе выяснило, что къ студенческой исторіи примѣшалось и нѣчто постороннее, къ дѣлу не идущее. Оказалось, что именно польскій кружокъ въ университетѣ былъ не мало виновенъ въ самыхъ рѣзкихъ дѣяніяхъ, совершенныхъ студентами за октябрь мѣсяцъ. Сюда относится и безобразное вторженіе студентовъ въ профессорскую, когда они почти прижали къ стѣнѣ попечителя Исакова и, цѣлой оравой обступивъ его, дошли (не поляки, а ими науськанные) до площадныхъ ругательствъ, а одинъ изъ дикарей, костромичъ, даже плюнулъ на полъ около Исакова, говоря:

— Вотъ вамъ!

Повторяю, что при всѣхъ студенческихъ исторіяхъ всегда находятъ дикобразы, и всегда производятся и происходятъ отдѣльные

возмутительные факты. Но вѣдь въ свалкѣ бывають убитыя дѣти, грудные младенцы. На войнѣ бывають случаи ненужной жестокости, мучительства и убійства изъ корыстныхъ цѣлей.

По постановленію комиссіи нѣкоторые изъ близкихъ мнѣ товарищей пострадали очень сильно. Всѣхъ ужаснѣе пострадалъ маленькій, худенькій и болѣзненный Кельсіевъ, мой самый близкій товарищъ. Мы звали его «галченокъ», и это прозвище его рисуетъ. Правда, этотъ Иванъ Кельсіевъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ «отчаянный», но добродушно, подѣтски... Постоянно изъ дружбы ко мнѣ онъ соглашался со мной во всемъ.

— Если бы не ты,—азартно восклицалъ «галченокъ»,—то я бы...

И рѣчь его, крайняго идеалиста, утописта и фантазѣра, рѣчь воодушевленная, горячая, лилась всегда бурнымъ потокомъ. И онъ собирался перевернуть кверху ногами весь земной шаръ, не только Москву.

Допрошенный въ комиссіи, онъ пылко изложилъ свое *profession de foi*. Члены комиссіи, говорятъ, опалѣли, слушая его, и участь бѣднаго молодого человѣка была рѣшена... Онъ былъ присужденъ къ ссылкѣ въ Верхотурье... Кажется, не близко! И пострадалъ онъ такъ жестоко только изъ-за ребяческаго изложенія своихъ вѣрованій и главнымъ образомъ потому, что былъ роднымъ братомъ другого Кельсіева — въ то время если не наперсника, то сателлита Герцена.

Этого Кельсіева (Василія) я тоже зналъ впоследствии и могу сказать, что между братьями не было ничего общаго. Изъ Верхотурья, года черезъ полтора или два, Ивану Кельсіеву удалось бѣжать и тайно пробраться черезъ Крымъ въ Одессу и далѣе. Онъ поселился въ Галацѣ, затѣмъ въ Тульчѣ, гдѣ вскорѣ же умеръ отъ голоднаго тифа.

Онъ, конечно, рассчитывалъ на помощь брата и на Герцена и собирался пробраться въ Лондонъ, но почему-то ему не помогли или помогли слишкомъ поздно.

Не могу не прибавить одной возмутительной подробности. Когда бѣдный Кельсіевъ былъ въ Верхотурьѣ и писалъ мнѣ, что страшно бѣдствуетъ, я собралъ ему небольшую сумму денегъ и выслалъ по его адресу, но не прямо, а чрезъ посредство его «ближайшаго» начальства, какъ требовали законъ и предосторожность. Я просилъ передать ссыльному Ивану Ивановичу Кельсіеву деньги, которыя я ему долженъ и возвращаю. Черезъ мѣсяца полтора я получилъ письмо отъ этого начальства, довольно безграмотное и пространное, но суть письма была такова:

«Вы, какъ графъ, по всей вѣроятности, человѣкъ богатый, и не могли быть должны ссыльному Кельсіеву. Какого характера и для какой цѣли прислана вами сумма,—я отлично понимаю. Вслѣдствіе чего позвольте васъ поблагодарить за новый тарантасъ, который я себѣ купилъ».

Послѣднія слова привожу буквально.

Когда это письмо пришло въ Москву, мнѣ многіе совѣтовали тотчасъ жаловаться. Но куда? Кому?! Конечно, умные люди отговорили, доказывая, что если съ начальства взыщутъ, но оставятъ его на томъ же мѣстѣ, то что же будетъ тогда съ бѣднымъ Кельсиевымъ. Конечно, нахаль выместить на ссыльномъ всю свою злобу.

Покровский былъ сосланъ въ Архангельскъ, гдѣ, однако, впоследствии реабилитировался и поступилъ на службу въ губернское правленіе.

Понятовскій и Праотцевъ попали куда-то на край свѣта, нѣчто въ родѣ Верхотурья. Другіе, какъ Аргиропуло, Ежовъ, Зайчневскій, Пановъ, были сосланы на жительство въ ближайшіе города, въ родѣ Костромы и Владиміра. Имена нѣсколькихъ другихъ сосланныхъ не могу вспомнить. Исключенныхъ же изъ университета было, конечно, очень много.

Упомяну лишь объ одномъ изъ исключенныхъ, который игралъ видную роль въ нашей студенческой исторіи и ровно черезъ четыре мѣсяца покончилъ свое существованіе, повѣшенный въ Вильнѣ Муравьевымъ. Будучи полякомъ, онъ очутился начальникомъ цѣлой банды повстанцевъ—«косинѣровъ», какъ ихъ называли тогда, и былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, но, вѣроятно, не съ одною косою. Долженъ сказать, что этотъ студентъ, Колышко, былъ замѣчательною личностью, выдѣляясь изъ всѣхъ умомъ, энергіей и поразительною славянскою красотою.

По постановленію слѣдственной комиссіи мнѣ, повторяю, былъ вмѣненъ арестъ (не произведенный) въ наказаніе, и я лично не пострадалъ. Я настолько вышелъ сухъ изъ воды, что даже и самъ понять и объяснить себѣ ничего не могъ.

Я думаю, что сама эта комиссія изъ разспросовъ студентовъ убѣдилась, что моя роль была—роль дѣятельнаго участника во всей исторіи, но возбранающаго все дикое и прекращающаго въ зародышѣ все линнее, къ дѣлу не идущее. И комиссія, несмотря на мой протестъ, упрямо постановила вмѣнить мнѣ арестъ въ наказаніе.

Кажется бы, и всему дѣлу конецъ? Нѣтъ! Черезъ три мѣсяца, въ концѣ февраля, кое-кто изъ моихъ товарищей были «вторымъ изданіемъ» исключены изъ университета. Я же успѣлъ по прошенію. Почему? Долго и непріятно рассказывать. А между тѣмъ уходить было далеко невесело. Я былъ уже въ концѣ третьяго курса, сдалъ уже половину всѣхъ университетскихъ экзаменовъ и не имѣлъ еще ни одной «тройки», а имѣлъ «пятерки съ крестомъ».

За «депутатство» я былъ прощенъ самимъ государемъ! Такъ какъ же?

Да такъ же!.. Или въ силу французской поговорки, что *les Saints quelques fois peuvent plus, que le Bon-Dieu!*

VI.

Пренебрегая хронологическимъ порядкомъ, расскажу теперь про совершенно нелѣпый, грозившій мнѣ, арестъ и вообще безсмысленный случай, какіе врядъ ли часто съ кѣмъ либо приключаются. Достаточно сказать, что я былъ заподозрѣнъ не то въ убійствѣ, не то въ похищеніи милліона или въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Такъ это и осталось не выясненнымъ...

Дѣло было въ 1874 году. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, живя въ Женевѣ, я неожиданно получилъ черезъ А. И. Георгіевскаго предложеніе графа Дмитрія Андреевича Толстого, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, сдѣлаться редакторомъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», перешедшихъ изъ одного министерства въ другое. Якобы поэтому должна была газета быть взятой у В. Θ. Корша, который издавалъ ее уже лѣтъ пятнадцать и имѣлъ большой успѣхъ, благодаря даровитымъ сотрудникамъ. Львиная доля этого успѣха зависѣла отъ участія въ газетѣ хорошо Россіи знакомаго «Незнакомца». На это есть теперь наглядное доказательство—успѣхъ «Новаго Времени».

Всякій, кто вообразить, что я собираюсь рассказать исторію «Петербургскихъ Вѣдомостей», какъ я сдѣлался редакторомъ и очутился якобы соперникомъ и врагомъ В. Θ. Корша, котораго зналъ, любилъ и глубоко уважалъ, съ десятилѣтняго возраста, — очень ошибется.

Но когданибудь я, конечно, расскажу, какъ я попалъ въ редакторы «Петербургскихъ Вѣдомостей», какъ бился съ этой газетой, какъ самъ и одинъ исправлялъ должность редактора, должность сотрудниковъ, должность секретаря редакціи, должность главнаго корректора, должность корректора объявленій и чуть не должность швейцара-солдата, отворявшаго двери посѣтителемъ.

Эта исторія моя съ «Петербургскими Вѣдомостями» крайне поучительна. Но главное то, что я вышелъ изъ нея, какъ въ оны времена при прежнемъ судопроизводствѣ отпускали подсудимыхъ по формулѣ: «оставить подъ подозрѣніемъ и, предавъ дѣло волѣ Божіей, отдать подъ церковное покаяніе».

Такъ именно ушелъ я изъ редакторовъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», оставленный подъ подозрѣніемъ всѣми, не угодивъ ни нашимъ, ни вашимъ. Графъ Толстой и Катковъ отрешивались отъ меня съ одной стороны, а съ другой петербургскіе «либералы» особой формаціи, нынѣ сданной въ архивъ, болѣе чѣмъ отрешивались... Я сталъ для нихъ «жупель» изъ тьмы тьмушей. Катковецъ, крѣпостникъ, палочникъ, доносчикъ и tutti frutti... Вотъ ужъ что называется: «угодиль», или ратоваль а propos de bottes et pour le roi de Prusse. Какъ все это произошло, или, вѣрнѣе, какъ вся капа эта заварилась и расхлебалась, можно рассказать только от-

дѣльно и на многихъ листахъ. Вдобавокъ къ этой исторіи примѣшался «нѣкто» съ такимъ дѣяніемъ, въ которомъ былъ служебный подлогъ и была крупная взятка...

Но объ этомъ, повторяю,—въ другой разъ и пространнѣе, исключительно съ той цѣлю, чтобы прежде чѣмъ мнѣ уйти въ Елисейскія поля добиться кассациі вердикта, постановленнаго общественнымъ мнѣніемъ: «оставить подъ подозрѣніемъ и предать дѣло волѣ Божіей».

Я долженъ извиниться за это отступленіе. Дѣло теперь идетъ вовсе не о редакторствѣ моемъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Общаго между ними и моимъ арестомъ только то, что онъ приключился въ Швейцаріи черезъ два часа послѣ моего выѣзда изъ Женевы съ билетомъ прямого сообщенія въ Петербургъ и съ цѣлю скорѣе явиться къ графу Толстому.

Итакъ, въ декабрѣ, простившись съ женой и съ двумя еще очень маленькими дѣтьми въ нашей квартирѣ на Place des Alpes и сдѣлавъ прощальный визитъ хорошему знакомому, русскому священнику, отцу Петрову, я сѣлъ въ вагонъ. Холодъ былъ сильный, и оловянные валики съ горячей водой, именуемые «chaufferettes», которыя положили намъ подъ ноги при отходѣ поѣзда, стали холодными черезъ полчаса.

Миновавъ нѣсколько станцій въ простомъ легкомъ пальто на ватѣ и безъ калошъ, я чувствовалъ, что начинаю просто замерзать. Въ вагонѣ помимо меня сидѣли три человѣка, а вагонъ былъ очень большой, не въ видѣ кареты, а подобный нашимъ. Наискось отъ меня сидѣлъ господинъ, которому я невольно все болѣе завидовалъ. Онъ былъ въ мѣховой шапкѣ и въ самой что ни на есть русской енотовой шубѣ. Подобный костюмъ въ Швейцаріи поневолѣ долженъ былъ бросаться въ глаза. Но вмѣстѣ съ этимъ бросились мнѣ въ глаза огромные бѣлокурые усы, типическіе, внизъ висящіе по бокамъ рта и подбородка. Такъ всегда почему-то рисуютъ Тараса Бульбу. Вѣроятно, это coûleur locale Хохландіи.

Взглядывая на этого господина, удивляясь, что въ Швейцарію могъ забѣжать съ Ильинки или съ Покровки неподдѣльный енотъ, я замѣтилъ, что онъ смотритъ на меня какъ-то странно. Это не былъ просто человѣкъ въ енотовой шубѣ, а настоящій звѣрь — енотъ, который собирался меня скушать. Вскорѣ же оказалось, что онъ именно и имѣлъ на меня эти виды!..

Чувствуя, что, несмотря на перемѣну «шофретокъ» черезъ каждые два часа, я все-таки мерзну, мнѣ пришло на умъ посмотрѣть, каковы другіе вагоны, и перейти въ такой, гдѣ больше народу, исполняющаго въ данномъ случаѣ должность топлива.

Обойдя поѣздъ при первой же остановкѣ, я нашелъ вагонъ I класса, въ которомъ было человѣкъ десять, и, конечно, они отлочно замѣняли небольшую печку. Я тотчасъ же взялъ свой сакъ-

вояжъ, еще что-то, и такъ какъ поѣздъ собирался отходить, то я спѣша почти перебѣжалъ изъ одного вагона въ другой. Но, къ моему крайнему изумленію, за мной точно также быстро побѣжалъ и еноть.

Я сѣлъ на свободное мѣсто, а наискось отъ меня сѣлъ и онъ. Я, улыбаясь, посмотрѣлъ на него. Но лицо его будто остервенилось, будто отвѣчало мнѣ:

— Какъ смѣешь ты еще и улыбаться! Погоди вотъ...

— Удивительный господинъ!—подумалъ я про себя.

Прошло еще сколько-то времени, часъ или полтора, не помню, и мой спутникъ въ шубѣ начиналъ положительно меня раздражать, такъ какъ не спускалъ съ меня глазъ. Я даже отвернулся, сѣлъ къ нему спиной и ваялъ газету.

Поѣздъ прибылъ въ первый по пути городъ—Лозанну, гдѣ остановка довольно долгая. Едва только поѣздъ остановился, какъ еноть шустро выскочилъ на платформу. Когда я, въ свой чередъ, что-то проискавъ въ мѣшкѣ, собирался выходить на станцію обѣдать, то увидалъ предъ собой входящую въ вагонъ цѣлую компанію. Впереди былъ начальникъ станціи, за нимъ еще какой-то служащій, за ними двое жандармовъ, а за жандармами еноть. Всѣ устремили глаза на меня. Еноть протискался впередъ, поднялъ руку, ткнулъ въ меня пальцемъ и произнесъ:

— Вотъ онъ!

Что изображала моя физіономія,—догадаться не трудно.

Начальникъ станціи обратился ко мнѣ съ вопросами, самыми обыкновенными въ такихъ случаяхъ: имя, фамилія, нація, профессія, мѣсто жительства, откуда выѣхалъ, куда ѣдешь?

Я на все это отвѣчалъ кратко, но кончилъ тѣмъ, что началъ сердиться, потому что на всѣ мои отвѣты еноть улыбался или хоталъ, а компанія насмѣшливо поглядывала.

— Но позвольте наконецъ узнать, что это за комедія?—спросилъ я.

— Комедія очень прискорбная для васъ,—отвѣчалъ начальникъ станціи.—Вотъ этотъ господинъ проситъ арестовать васъ.

— Какъ? За что?

— Вы—господинъ Казони. Бѣжали изъ Флоренціи послѣ совершенія преступленія, наказуемаго каторгой, а то и гильотиной. Убійство.

— Мое вамъ почтеніе!—произнесъ я порусски и разводя руками.

— Que dites vous?—получилъ я вопросъ.

— Excusez du peu!—передалъ я вольнымъ переводомъ.

Долженъ сказать, что я напалъ въ этотъ разъ, по волѣ судьбы, на четырехъ человѣкъ, начальника станціи, его помощника и на двухъ жандармовъ—особаго сорта. Кажется, всѣ четверо были на подборъ замѣчательныя тупицы. Впрочемъ такой подборъ въ Швей-

царія сдѣлать легче, чѣмъ въ какомъ либо другомъ углу Европы. Не даромъ слово кретинъ происходитъ отъ слова crête, а въ Швейцаріи ихъ наиболѣе, чѣмъ гдѣ либо. Къ тому же вершины Пириней или хотъ Вогезовъ такъ не называются.

Я сталъ объяснять, что подозрѣніе господина въ шубѣ — безсмыслица, что у меня есть и въ карманѣ, и въ багажѣ доказательство противнаго тому, что онъ утверждаетъ, начиная отъ паспорта, писемъ, наканунѣ полученныхъ съ почты, и до разной мелочи въ сундукѣ, какъ-то: русскія книги и даже два русскіе образа, которые, конечно, уже не нашлись бы у флорентійца преступника.

Подробно осмотрѣвъ мой паспортъ и конверты писемъ, начальникъ станціи пожалъ плечами.

— Это ничего не доказываетъ! — воскликнулъ енотъ. — Я знаю, что онъ Казони. Похитивъ чуть не милліонъ, конечно, можно все изобрѣсти и достать для отвода глазъ.

— Милліонъ! — невольно воскликнулъ я.

— Да, это ничего не доказываетъ! — повторилъ въ свой чередъ и одинъ изъ жандармовъ. Такіе, какъ онъ, всегда со странными паспортами, но у такихъ они всегда въ наибольшемъ порядкѣ.

— Позвольте посмотреть вещи въ вашемъ сундукѣ, — рѣшилъ начальникъ станціи.

— Извольте! — двинулся я.

— Нѣтъ-съ, вы побудьте здѣсь. Мы отправимся въ багажный вагонъ, найдемъ вашъ сундукъ и сами посмотримъ. Позвольте вашу квитанцію и ключъ.

Я досадливо повиновался; станціонный начальникъ, получивъ требуемое, вышелъ въ сопровожденіи своего помощника и енота, сдѣлавъ движеніе головой, которое я тотчасъ понялъ. Это было предположеніе жандармамъ держать ухо востро. Дѣйствительно жандармы встрепенулись и раздѣлились. Одинъ всталъ у одного выхода вагона, а другой — у другого, предполагая, вѣроятно, что я съ оружіемъ въ рукахъ, которое находится навѣрное въ карманѣ, брошусь въ бѣгство.

Я долженъ прибавить, что за это время вагонъ наполнился любопытными, которые «на приличномъ разстояніи» мѣрили меня съ головы до ногъ косымъ взглядомъ, а около вагона на платформѣ набралось тоже немало народу. Всѣ эти зѣваки съ величайшимъ любопытствомъ прикладывались лицами и носами къ стекламъ оконъ, чтобы видѣть, гдѣ тутъ накрытый злодѣй итальянецъ, который и зарѣзалъ и укралъ кушъ. Признаюсь, въ этомъ любопытствѣ можно было имъ сочувствовать. Убійца съ милліономъ въ карманѣ! Вѣдь это, воля ваша, встрѣчается не всякій день и не на каждомъ шагу.

Я сѣлъ и долженъ, къ стыду моему, признаться, что меня сердили косые взоры чловѣкъ пятнадцати и ихъ глупо уставленные на меня «бурколы». Кто глядѣлъ съ недоумѣвающимъ выраженіемъ, а кто, какъ говорится, поглядывалъ «съ опаской».

— Какъ бы сейчасъ «этотъ» не рѣзнулъ ножемъ или не хватилъ изъ револьвера, желая спастись въ поле. И какъ разъ вмѣсто жандарма угодить въ насъ, публику.

Наконецъ, появился снова станціонный начальникъ съ помощникомъ, передалъ мнѣ ключъ съ квитанціей обратно и заявилъ, что дѣйствительно я не лгу... Оказывалось, стало быть, что въ моемъ сундукѣ нѣтъ ни мертвого тѣла, ни милліона!

— Есть въ сундукѣ такія книжки, которыя этотъ господинъ, — показалъ онъ на енота, — призналъ русскими, такъ какъ умѣетъ отчасти читать порусски. И, кромѣ того, нашлись и другіе предметы, въ томъ числѣ образа, которые, какъ и вашъ паспортъ, доказываютъ *que vous avez l'intention de passer pour un russe*. Вѣдь по паспорту же вы — французъ? Поэтому я долженъ васъ арестовать! Этотъ господинъ — агентъ римской полиціи и слѣдитъ за вами почти съ самой Флоренціи. Онъ говоритъ, что хотѣлъ арестовать васъ нѣсколько разъ въ Генуѣ и въ Миланѣ, но вы чрезвычайно искусно скрывались. По счастью, онъ снова случайно настигъ и встрѣтилъ васъ въ Женевскомъ вокзалѣ.

— То-есть просто прелесть! — выговорилъ я снова порусски и снова получилъ вопросъ:

— *Que dites vous là?*

— *Je dis que c'est une histoire à ravir!* — Со злости сострилъ я, такъ какъ *ravir* значить: и грабить и восхищать.

Начальникъ станціи ухмыльнулся, какъ бы извиняя меня въ томъ, что я сержусь и волнуюсь, имѣя на это полное право, такъ какъ, понятно, очень досадно возвратить сграбленный милліонъ и пойти на галеры или подъ гильотину.

И дѣло клонилось къ тому, что въ самомъ дѣлѣ меня арестуютъ, и что я просижу въ Лозаннѣ сутки или двое, покуда все не распутается. А между тѣмъ я страшно спѣшилъ въ Петербургъ, такъ какъ хотѣлъ быть не позднѣе сочельника, до праздниковъ, а этотъ злосчастный день былъ уже, кажется, 20-е или 19-е декабря. Помню хорошо, что мнѣ было дорого время, иначе, ради шалости и курьеза, я бы, можетъ быть, и позволилъ себя арестовать. Играть роль убійцы милліонера день или два, быть можетъ, даже очень интересно для романиста. Лишній протоколъ *à la Zola*.

Видя, что съ четырьмя швейцарцами дураками я не добьюсь ничего, я обратился прямо къ еноту, которому не могло быть выгоды въ ошибкѣ.

— Но скажите, пожалуйста, почему вы считаете меня этимъ господиномъ? Какъ вы его навываете?

— Вы не помните своей фамиліи? — иронически отозвался енотъ. — Казони! Имя, которое теперь, можно сказать, гремитъ по всей Ита-ліи. Да-съ, ваше имя стало знаменито...

— Скажите, пожалуйста, — хладнокровно продолжалъ я, — на какомъ основаніи предполагаете вы, что я этотъ Казони?

— Потому что вы—онъ!

— Но почему я—онъ? Предполагаю, что, быть можетъ, сходство мое съ нимъ васъ сбilo съ толку?

— Разумѣется, лицо и вся фигура, а иначе, какъ же бы я узналъ, что вы—Казони?

— Стало быть, господинъ, который бѣжалъ изъ Флоренціи и котораго вы преслѣдовали, именно я? Онъ именно точь-въ-точь таковъ, каковъ я: и ростомъ, и сложеніемъ, и лицомъ!

— Именно!

— Вы—агентъ, наряженный слѣдить за Казони и арестовать его?

— Именно! Отъ итальянскаго правительства. И на это у меня есть документъ, который я и представилъ г. начальнику станціи, чтобы имѣть право арестовать васъ.

— Послѣ своего преступленія,—продолжалъ я допросъ,—этотъ Казони былъ арестованъ и бѣжалъ изъ-подъ ареста или прямо бѣжалъ?

— Нѣтъ, онъ арестованъ не былъ... т.-е. вы. Вы скрылись послѣ совершенія преступленія тотчасъ же.

— Стало быть, вы знали этого Казони еще до совершенія имъ преступленія?

— Нѣтъ,—отозвался енотъ,—я его, т.-е. васъ, никогда не зналъ.

— Да гдѣ же вы его видѣли до сего дня?

— Первый разъ увидѣлъ въ Миланѣ, потомъ въ Туринѣ, затѣмъ въ Женевѣ.

Я разинулъ ротъ и вытаращилъ глаза точно такъ же, какъ и при появленіи всей этой компаніи въ первый разъ въ вагонѣ, но теперь начальникъ станціи и одинъ изъ жандармовъ обернулись къ еноту и тоже отчасти разинули рты. Начался его допросъ.

— Вы съ нимъ лично не знакомы?—сказалъ жандармъ, показывая на меня.

— Съ Казони? Нѣтъ!

— Никогда его не видали и не знавали до преступленія?

— Нѣтъ!

— И взялись искать его?

— Да!

— И утверждаете, что я—этотъ Казони?—прибавилъ я.

— Да!

— Да что же вы...—хотѣлъ я сказать,—бѣшенный,—и прибавилъ: *vous perdez la tête!*..

Я началъ доказывать еноту, кажется, самую простую истину, что нельзя арестовать человѣка по сходству съ тѣмъ, кого никогда въ глаза не видалъ.

— Какъ же это вы такъ?—заговорилъ станціонный начальникъ укоризненно.

— Позвольте!—вдругъ оскорбился и вознегодовалъ енотъ.—Мнѣ данъ для поисковъ и ареста фотографическій портретъ.

— Гдѣ онъ?

— У меня въ карманѣ.

— Такъ, дайте!—воскликнулъ чуть не весь вагонъ, даже, кажется, нѣсколько человѣкъ изъ публики.

Енотъ полѣзъ въ карманъ, досталъ портфель, гдѣ была масса всякихъ бумажекъ всевозможныхъ цвѣтовъ, росписки, квитанціи, счета. Онъ вытащилъ фотографическую карточку маленькаго размѣра и довольно засаленную, на которой во весь ростъ былъ изображенъ господинъ, сидящій на стулѣ, облокотясь на столикъ, съ висящей кистью руки и растопыренными ногами. Однимъ словомъ, одна изъ характерныхъ карточекъ, которыя фабрикуются за дешево во всѣхъ странахъ. Все это замѣтилъ я вскользь, издали...

Начальникъ станціи взялъ эту карточку въ руки и сталъ переводить взглядъ съ карточки на меня и съ меня на карточку... Я ждалъ нетерпѣливо рѣшенія моей участи. Наконецъ, станціонный начальникъ вздохнулъ какъ-то нерѣшительно.

— Какъ будто есть что-то!—произнесъ онъ и передалъ карточку жандармамъ.

Жандармы, склонивъ свои головки вмѣстѣ, какъ голубки, стали тоже глядѣть на карточку и глядѣть на меня. Одинъ изъ нихъ оттопырилъ губы и что-то проворчалъ, какъ бы не въ пользу карточки, а слѣдовательно въ пользу мою. Другой глубокомысленно и чрезвычайно важно разглядывалъ больше не меня, а исключительно маленькій засаленный картончикъ.

— Трудно рѣшить. Изображеніе очень мало, да и запачкано!—сказалъ тотъ, который оттопыривалъ губу.

— Позвольте и мнѣ получше разглядѣть карточку!—выговорилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!—заоралъ и запрыгалъ на мѣстѣ енотъ.—Не дайте! Онъ ее изорветъ!

— Ну, вотъ, какъ можно!—важно произнесъ станціонный начальникъ и, взявъ карточку и подойдя ко мнѣ, онъ обернулъ ее ко мнѣ на разстояніи аршина отъ лица и въ то же время поднялъ лѣвую руку. Если бы я бросился уничтожить главное доказательство совершеннаго мной преступленія, то онъ могъ бы меня отстранить.

Я сталъ смотрѣть на карточку, и невольно, несмотря на досаду, меня разобралъ смѣхъ. Лицо на этой карточкѣ было... какое-то мутно-сѣрое пятнышко; но было видно отчетливо иное, главное. А это главное въ данномъ случаѣ было въ мою пользу.

— Скажите, пожалуйста,—обратился я къ еноту,—вы получили эту карточку для поисковъ Казони послѣ его преступленія?

— Да-съ! Мнѣ ее выдали въ канцеляріи министра полиціи.

— Извѣстно ли вамъ, когда эта карточка, по показанію, положимъ, знакомыхъ преступника, была имъ снята?

— О, по счастью, какъ разъ передъ преступленіемъ!—воскликнулъ торжественно енотъ.

И невольно разсмѣялся, такъ какъ мой звѣрь влетѣлъ съ маху въ совершенно безсмысленное положеніе или попалъ пальцемъ въ небо.

Я нѣсколько бодрѣе и важнѣе обратился къ станціонному начальнику и жандармамъ съ рѣчью:

— Милостивые государи! Этотъ господинъ требуетъ арестовать меня исключительно вслѣдствіе моего чрезвычайнаго и поразительнаго сходства не съ самимъ преступникомъ, котораго онъ ищетъ, такъ какъ онъ его никогда въ жизни не видалъ, а вслѣдствіе моего сходства съ этой карточкой, снятой съ преступника наканунѣ преступленія. Слѣдовательно, я и вы, — мы такіе же судьи въ сходствѣ, какъ и онъ. Онъ можетъ находить, что я очень похожъ на эту карточку, и что мое лицо крайне похоже на это сѣренькое пятнышко, гдѣ едва можно разглядѣть глаза и носъ. Я, разумѣется, противнаго мнѣнія. Но вотъ что я долженъ замѣтить... Я обращусь снова съ однимъ вопросомъ къ г. агенту. Скажите мнѣ, — обернулся я къ еноту, — вы на вѣтеръ говорите, что эта карточка была сдѣлана преступникомъ почти наканунѣ преступленія или это совершенно вѣрно?

— Совершенно вѣрно — воскликнулъ енотъ. — Я могу доказать это. Если бы она не была съ него снята почти наканунѣ, то и полиція, да и я самъ, не рѣшились бы по ней искать преступника.

— Прекрасно! Когда было совершено это преступленіе?

— Тому назадъ двѣ недѣли.

— Еще лучше! — воскликнулъ я. — А теперь, господа, — обратился я къ начальнику станціи и жандармамъ, — полюбуйтесь! Этотъ г. Казони совершенно обрить, безъ бороды и безъ усовъ, а я, какъ вы видите, съ усами и длинной бородой. Что вы на это скажете?

Долженъ замѣтить, что мои четыре кретина не только не сразу, но развѣ черезъ минуту мысленно добрали кое-какъ до соображенія того, что я сказалъ. Но зато, когда они умственно дополнили и поняли все, то начали крайне весело и даже заразительно хохотать. Енотъ былъ совершенно смущенъ и не зналъ, что дѣлать: отказаться ли отъ своихъ заявленій или предпринять что либо иное. Но, наконецъ, желая сравнять себя разумомъ съ четырьмя швейцарцами, онъ воскликнулъ:

— Позвольте, это извѣстное дѣло, что преступники, когда ихъ розыскиваютъ, стараются какъ можно болѣе все въ себѣ измѣнить: бороды и усы брѣютъ, парики надѣваютъ, костюмы мѣняютъ.

— Совершенно вѣрно! — отозвался я, — что они брѣютъ усы и бороды. Но не знаю, могутъ ли они въ недѣлю времени отпустить длинные усы и бороду. До этого, кажется, покуда еще не дошли.

И въ эту минуту я снова вспомнилъ, что вокругъ насъ и въ вагонѣ, и на платформѣ цѣлая толпа, потому что раздался всеобщій гулкій смѣхъ.

Не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, быть можетъ, начальникъ

станціи и рѣшилсѣ бы меня арестовать «такъ», про всякій случай, но одинъ изъ жандармовъ вдругъ махнулъ рукой на енота и вымолвилъ раздражительно:

— Ну, видалъ я сыщиковъ, а такихъ, какъ вы... извините! Ничего подобнаго въ жизни не встрѣчалъ!

И онъ вышелъ изъ вагона, ворча и пожимая плечами. За нимъ машинально послѣдовалъ его товарищъ, а за ними тотчасъ двинулся и начальникъ станціи.

Я забылъ сказать, что поѣздъ сильно задержался на станціи изъ-за этого «невытанцовывающагося» ареста, и публика сосѣднихъ вагоновъ уже давно начала на платформѣ кричать и браниться съ служащими.

Енотъ поглядѣлъ на меня какъ-то чрезвычайно тоскливо и безпомощно и, взявъ свои вещи, пошелъ тоже вонъ изъ вагона.

Я вздохнулъ свободно и, признаюсь, былъ крайне доволенъ, тѣмъ болѣе, что зналъ теперь, что не опоздаю въ Петербургъ. Поѣздъ почему-то стоялъ еще съ минуту, и я вышелъ на площадку вагона, такъ какъ теперь вслѣдствіе волненія мнѣ казалось душно.

Поѣздъ тронулся. Вся платформа была полна народомъ, какъ это почти всегда въ Лозаннѣ. Когда нашъ вагонъ пробѣжалъ около десяти сажень, и поѣздъ уже шелъ быстрее, я снова увидалъ среди кучки пассажировъ съ багажемъ въ рукахъ моего енота. Онъ, жестикулируя, что-то рассказывалъ столпившимся кругомъ него любопытнымъ. Его дѣло прогорѣло, и ему приходилось начинать съизнова... съ Женева, а то и съ Турина.

И вдругъ, Богъ вѣсть почему, или, какъ говорится, чортъ меня дернулъ, я весело крикнулъ ему какъ можно громче:

— Эй! Послушайте! А что если я въ самомъ дѣлѣ Казони, да ловко отвертѣлся?!

Енотъ шарахнулся съ мѣста къ поѣзду и какъ-то взвылъ!.. Но садиться было невозможно, ибо можно было расшибиться до смерти. Я сталъ выглядывать съ площадки и видѣлъ, что мой енотъ какъ-то кружится, будто танцуетъ, и шуба его развѣвается кругомъ въ родѣ дамской юбки.

Но едва только я пошутить, какъ меня обуялъ страхъ. Вѣдь существуютъ телеграфы. Чтò, еслиэтотъ пошлый дуракъ, не являясь самъ лично съ своимъ судебнымъ доказательствомъ, со своей знаменитой карточкой, телеграфируетъ хотя бы въ Фрейбургъ или въ Базель, чтобы ѣдущаго такого-то, съ паспортомъ такимъ-то, и, конечно, фальшивымъ, арестовать впредь до его прибытія?

— Вотъ чертовщина!— подумалъ я.— Въ его отсутствіе меня непременно арестуютъ, потому что главное доказательство моей невинности—именно онъ самъ и его карточка.

Признаюсь, что вплоть до границы Швейцаріи, т. е. до Базеля,

я былъ неспокоенъ и сознавался, что попутить крайне глупо и могу быть легко задержанъ въ пути.

Ничего однако не приключилось. Должно быть, четыре кретина швейцарца убѣдили енота, что онъ—пятый.

Но все-таки еще не конецъ моему повѣствованію. Если были цвѣточки, то ягоды еще впереди или, вѣрнѣе сказать, одна ягодка.

При осмотрѣ багажа, уже ночью, баденскими чиновниками при свѣтѣ лампъ, въ числѣ вереницы сундуковъ стоялъ и мой. Всѣ мы, пассажиры, приблизились и отперли наши сундуки. Любезные, крайне вѣжливые таможенные чиновники только потому, что они — баденцы, а не пруссаки, дѣлали видъ, что смотрятъ вещи и будто шарятъ, но собственно только шалили пальцами въ бѣльѣ и вещахъ.

Мои вещи были осмотрѣны въ числѣ первыхъ. Я заперъ сундукъ и сталъ прогуливаться около прилавка, гдѣ еще стояли открытые сундуки, а передъ ними ихъ владѣльцы. Отъ нечего дѣлать я разсматривалъ буквы и надписи черными и красными чернилами на сундукахъ и на крышкахъ и вдругъ остановился, какъ вкопанный. Затѣмъ черезъ мгновеніе я протеръ себѣ глаза и сталъ пристальнѣе смотрѣть... И видя то, что было подъ глазами, я говорилъ себѣ:

«Не можетъ быть!.. Я ошибаюсь!».

Въ трехъ шагахъ отъ меня стоялъ большой открытый сундукъ, а на его крышкѣ, которую какъ-то наискось сильно освѣщали двѣ яркія лампы, я ясно прочелъ бѣлое по сѣрому, т. е. шесть большихъ свѣже счищенныхъ или вытравленныхъ съ сундука буквъ: «Казони».

Господинъ, стоявшій передъ сундукомъ, стоялъ ко мнѣ спиной. Я обошелъ съ другой стороны, взглянулъ и опять ахнулъ... Это былъ положительно оригиналъ карточки, или, вѣрнѣе, плохая карточка, которую я видѣлъ въ Лозаннѣ, была все-таки его похожимъ портретомъ. И мнѣ пришло на умъ:

«Вотъ этотъ! Якобы убилъ и укралъ миллионъ... Можетъ быть, это и вздоръ, преувеличеніе. Но все же однако? Что теперь я долженъ скорѣе сдѣлать?»

Я подумалъ, подумалъ и... закурилъ папиросу.

Графъ Е. Салиасъ.

Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.

СЕМЬ АРЕСТОВЪ.

(Изъ воспоминаний)¹⁾

VII.

АЗСКАЗЫВАЯ о новомъ седьмомъ покушеніи на мою личность предержавшихъ властей, я возвращусь за десять лѣтъ назадъ. Нелѣпый случай въ вагонѣ я нарочно предпослалъ длинному и подробному описанію... только не самого седьмага ареста, а всему, что съ нимъ соприкасалось. Слѣдовательно мнѣ поневолѣ придется разсказать и то стеченіе обстоятельствъ, которое послужило мотивомъ къ этому — опять таки избѣгнутому — аресту. А это стеченіе обстоятельствъ есть маленькій личный «романъ», далеко не интересный, какіе почти у всякаго молодого человѣка въ жизни бываютъ.

Это было въ 1865 году. Я жилъ уже третій годъ въ Парижѣ, изрѣдка отсутствуя, но не возвращаясь въ Россію,—и къ немалому, можетъ быть, удивленію всякаго, прибавлю,—ужасно скучалъ. Жилъ я, однако, не въ самомъ городѣ, а въ предмѣстьѣ Нёли, вдобавокъ у себя, такъ какъ у отца моего была небольшая вилла съ прелестнымъ садомъ, переполненнымъ цвѣтами. Лѣтомъ это бывало жилище идеальное, просторное, съ чистымъ воздухомъ и съ отсутствіемъ какого либо шума. Тогдашнее Нёли было не то, что те-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXI, стр. 485.

перешнее; въ нашей улицѣ «Перронэ» не было тогда ни одной лавки, теперь же тутъ и мясники, и булочники, и всякіе базары.

Я старался какъ можно рѣже бывать въ Парижѣ и отправлялся только тогда, когда моя мать давала мнѣ порученіе по дѣлу, которое не могла исполнить сама. Но тоска меня брала страшная. Самый Парижъ сталъ ненавистенъ, Франція вообще тоже надоѣла, хотѣлось вернуться въ Россію и тянуло въ Москву донельзя, до болѣзненного настроенія. Это была тоска двойная: и тоска отъ бездѣлья, и тоска по родинѣ.

Въ это время я былъ уже писателемъ, уже написалъ и напечаталъ три повѣсти, изъ коихъ только одна маленькая, помѣщенная въ «Современникѣ», — «Тьма», имѣла успѣхъ. Первая и третья «Искра Божья» и «Манжажа», могу сказать, хотя и попали въ печать, но «канули» въ вѣчность. Обнадежить меня, придать бодрости, убѣдить продолжать писать было некому. Увѣренія моей матери, что я могу писать, на меня не дѣйствовали, я считалъ это мнѣніе пристрастнымъ. Я все боялся пословицы: «Хороша наша Аннушка. — Кто хвалить? — Матушка».

Наконецъ, однажды моя мать получила неожиданно письмо, которое доставило ей большую радость, а на меня такъ подѣйствовало, что имѣло почти рѣшающее вліяніе на мою судьбу и писательскую карьеру. Письмо это отъ двухъ лицъ, друзей между собой, явилось не изъ Россіи, а изъ Швейцаріи. Одинъ изъ писавшихъ былъ другомъ моей матери съ юности, другой хорошимъ знакомымъ... Авторитетъ ихъ былъ внѣ сомнѣнія. Это были — Герценъ и Огаревъ.

Привожу это письмо, которое сохранилъ — цѣликомъ. Зачѣмъ прилагать къ нему свою цензуру? Теперь? Черезъ тридцать лѣтъ!

Огаревъ писалъ:

«Добрый мой старый другъ, такъ давно вамъ не отвѣчаю, что даже самому стыдно. Простите мнѣ этотъ грѣхъ. Прежде всего хочу васъ спросить объ одномъ: «Тьма», повѣсть въ «Современникѣ». — Женни? Мнѣ чудится, что вы мнѣ писали, что онъ подписывается «Вадимъ», а Герценъ мнѣ сказалъ, что онъ видѣлъ эту рукопись у Женни на столѣ. Искалъ я въ вашихъ письмахъ и не нашелъ, но, несмотря на то, увѣренъ, что эта повѣсть его. Читалъ я ее вечеромъ внизу, прочелъ, пошелъ къ себѣ на верхъ, раскрылъ мой альбомъ съ фотографіями и поцѣловалъ его портретъ. Больше въ похвалу ему ничего сказать не могу. Несмотря на нѣкоторые промахи, о которыхъ я ему напишу, если онъ хочетъ, тутъ чрезвычайно симпатичный талантъ, и я съ глубокой радостью даю ему мое благословеніе.

«Вашу статью мы ворочали во всѣ стороны и рѣшились не печатать. Вы сердитесь (т. е. не за это, а на положеніе дѣлъ) и потому впадаете въ бранчивый тонъ, который въ русской прессѣ дозволенъ цензурой, а въ европейской можетъ даже навлечь процессъ.

У Герцена встрѣчаются вещи и подерзче, а привязаться къ нимъ нельзя; а у васъ на каждомъ шагу можно привязаться. Мы старались поправить, да не возможно; тогда уже ничего не выйдетъ, потому что тутъ только гнѣвъ-то и симпатиченъ.

«Скажите: куда вамъ выслать записки Піотровскаго; у насъ ихъ много экземпляровъ. Только въ настоящее время ничего съ рукъ нейдетъ — ни книги, ни Колокола. Теперь съ рукъ идетъ одна Катковщина. Терпѣнье, старый другъ, терпѣнье и вѣра! Крѣпко жму вашу руку».

Приписка Герцена слѣдующая:

«Я беру изъ рукъ Огарева перо только для того, чтобы прибавить отъ себя, что «Тьма» чудесная вещь, и если въ ней есть недостатки, то это — недостатки молодости. Если это писалъ вашъ сынъ, — какъ мы выдумали сами, — то я поздравляю обѣихъ матерей его, т. е. васъ и Россію, съ новымъ талантомъ.

«Надѣюсь, что вы были довольны сквозь-строемъ, которымъ я провелъ наше общество въ комментаріяхъ къ письму Гарibaldi».

Рѣшительное и категорическое заявленіе талантливыхъ людей о томъ, что у начинающаго есть талантъ, можетъ заставить писать. Я бросилъ псевдонимъ «Вадима» и сталъ подумывать объ историческомъ романѣ... о Пугачевщинѣ. Но сначала это намѣреніе только пугало и меня и моихъ близкихъ, и я отложилъ его. Впрочемъ я имѣлъ скорѣе еще два свѣдѣнія, два письма изъ Петербурга, одно отъ В. А. Слѣпцова — моего большого друга, другое отъ хорошаго знакомаго Альбертини. Они оба хвалили «Тьму» и совѣтовали продолжать. Альбертини писалъ: «Краевскій у васъ проситъ побольше такихъ повѣстей, и всѣ таковыя будутъ напечатаны».

Я приободрился и сѣлъ усиленно и прилежно за работу, уже не боясь, что каждая новая строка есть новая глупость или банальность. Работа удивительно ладилась. Въ тишинѣ и мирѣ нашего дома въ Нѣльи, окруженнаго зеленью, вдобавокъ еще въ «своихъ» свѣтлыхъ комнатахъ на третьемъ этажѣ, съ окнами въ садъ, было не мудрено писать.

Я очень быстро написалъ повѣсть изъ крѣпостнаго права, которую назвалъ «Сиротка». Героиня — была дѣвушка Груня, крѣпостная, въ услуженіи у барыни-собачницы, круглая сирота. Но собственно заглавіе «Сиротка» относилось и къ ней и къ любимой барыниной собаченкѣ, найденной на большой дорогѣ и названной «Орфелинъ», что заставило крѣпостныхъ звать щенка «Афралинъ».

Повѣсть эта была, по увѣренію трехъ лицъ, очень недурна, ибо крайне драматична. Крѣпостной быть въ глуши провинціи, мнѣ близко знакомый, былъ нарисованъ ярко, судьба героини очень трогательна.

Мнѣніе, что повѣсть удачна и лучше «Тьмы», принятой даже «Современникомъ», было мнѣніемъ моей матери, Е. И. Утина, съ

которымъ мы тогда были большіе друзья, и еще третьяго лица, имя котораго ничего не скажетъ читателю, но мнѣніемъ котораго въ вопросахъ литературы моя мать дорожила. Ему первому она читала за это время все, что писала сама.

Во всякомъ случаѣ это былъ и, надѣюсь, есть и теперь одинъ изъ самыхъ образованныхъ русскихъ людей.

«Сиротка» была, по совѣту этихъ трехъ лицъ, исправлена, окончена и посвящена мною Евгенію Утину, въ присутствіи котораго, такъ сказать, она и писалась, такъ какъ онъ почти ежедневно бывалъ въ Нѣльи. Затѣмъ рукопись была отправлена въ Петербургъ на имя Дудышкина въ «Отечественныя Записки».

Вскорѣ ли или много позднѣе, но я получилъ извѣстіе, что Дудышкинъ внезапно скончался, кабинетъ его былъ описанъ и опечатанъ, а когда былъ распечатанъ, то все, что тамъ находилось, перешло по наслѣдству, невѣдомо къ кому. Однимъ словомъ, такъ или сякъ, но я о моей «Сироткѣ» никогда съ той поры не имѣлъ ни слуху, ни духу. А такъ какъ копій у меня не было — какъ и теперь никогда не бываетъ — то и двухъ-мѣсячная работа пропала даромъ. Разумѣется, послѣ такой неудачи я снова и злостно бросилъ писать, а тоска явилась еще пуще.

И вотъ этой тоскѣ, бездѣлю, праздности и незнанію, куда дѣвать свою особу, я и приписываю все то, что вскорѣ приключилось. Иначе мой личный нелѣпый «романъ» и объяснить нельзя.

Я сталъ бывать недалеко отъ Нѣльи въ предмѣстьи (нынѣ уже кварталъ Парижа) Levallois-Champerret, гдѣ жило очень милое и очень многочисленное семейство, по фамиліи Дуссо: старушка вдова, пять братьевъ и семь дочерей, ровно дюжина. Всѣ они, хотя и парижане на половину, казалось, были потомствомъ эмигрантовъ изъ Голландіи.

Вся дюжина дѣтей госпожи Дуссо была совершенно бѣлокурая. Одинъ изъ братьевъ и двѣ изъ сестеръ были даже съ какими-то бѣловатыми волосами. Даже сосѣди ихъ опредѣляли: «les Dousseau blonds» или «la famille des roussotes». Однако изъ двѣнадцати членовъ только двумъ сыновьямъ было за двадцать пять лѣтъ и только три дочери были около двадцати лѣтъ, остальные же еще дѣтьми. Это были очень милые и веселые люди. Отъ тоски я сталъ чаще бывать у нихъ въ гостяхъ, такъ какъ отъ нашего дома было не болѣе получаса ходьбы до ихъ небольшого домика. Семья помѣщалась довольно тѣсно, имѣя очень скудные средства. У матери была маленькая рента, а двое молодыхъ Дуссо помогали, принося домой заработокъ, такъ какъ оба служили въ какихъ-то торговыхъ домахъ.

Принужденный рассказывать нѣкоторыя подробности изъ собственной жизни, скажу коротко: я увлекся второй сестрой, замужней, которую звали Anne-Adèle-Elysca. Почему-то въ семьѣ ее звали не

первыми простыми именами, а третьимъ, страннымъ и какого я никогда ни въ одномъ календарѣ найти не могъ. Сами Дуссо не знали, какъ писать имя: Elysca или же Helysca. Впрочемъ, французы, любящіе всякія сокращенія, звали дѣвушку кратко: Ely.

Еще прежде чѣмъ я познакомился съ семьей Дуссо, въ двадцатилѣтнюю дѣвушку, довольно красивую, свѣтлоблонурую и синеглазую, немножко полную, точь въ точь саксонку или голландку, былъ влюбленъ нѣкто господинъ Готье, который за годъ передъ тѣмъ посватался за Элискà или Эли.

Молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи и, какъ всѣ находили, очень недурной собой, чрезвычайно почему-то дѣвушкѣ не нравился, и она, конечно, могла бы просто отказать ему. Но дѣло было въ томъ, что около этого семейства существовалъ старикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, умный, энергичный, угрюмый и со средствами; онъ очень любилъ всю семью, въ особенности нянчился съ маленькими Дуссо, дѣвочками и мальчиками, и особенно почтительно относился къ самой madame Дуссо. Не будучи родственникомъ, не имѣя никакихъ правъ на эту семью, онъ былъ, однако, болѣе или менѣе распорядителемъ судьбы всѣхъ и игралъ роль опекуна.

Помогалъ ли онъ семьѣ деньгами или просто пріобрѣлъ большое вліяніе по дружбѣ, или дѣйствительно былъ, какъ говорили, первымъ другомъ ихъ покойнаго отца, — этого я ничего никогда узнать не могъ. Дѣло въ томъ, что когда Готье посватался, а Эли отказалась наотрѣвъ выходить за него замужъ, то старикъ, господинъ Бувье, настоялъ на томъ, чтобы она согласилась.

Въ одинъ прекрасный день, съ годъ назадъ, вся семья со стороны невѣсты и всѣ знакомые, а равно родные и знакомые молодого Готье, — всѣ съѣхались въ мэріи. На обычный, офиціальныи и торжественный, вопросъ мэра, обращенный къ жениху, желаетъ ли онъ жениться на Элискà Дуссо, тотъ отвѣчалъ твердо:

— Да!

И на вопросъ, обращенный къ молодой дѣвушкѣ, желаетъ ли она выйти замужъ за Жака Готье, Элиска отвѣчала тоже твердо и спокойно:

— Нѣтъ!

Скандалъ произошелъ большой. Разумѣется, всѣ стали уговаривать невѣсту отвѣтить «да», но мэръ заявилъ, что по закону, да и по обычаю, разъ кто либо изъ вступающихъ въ бракъ заявляетъ «нѣтъ» по первому разу, то онъ, мэръ, не можетъ принять за согласіе «да» по второму разу.

И два свадебные поѣзда расфранченныхъ жениха и невѣсты разѣхались въ разныя стороны. Одинъ — въ Леваллуа, а другой въ Батиньоль — чуть не на другой конецъ Парижа.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ семьѣ Дуссо повторилась буквально та же

исторія. Точно также по настоянію опекуна всѣ собрались въ мэріи и точно также послѣ вопроса мэра и послѣ «да», произнесеннаго Готье, Элискá снова также спокойно отвѣчала:

— Нѣтъ!

Какія были затѣмъ за всю зиму и весну исторіи въ семьѣ, что дѣлалъ и какъ грозился Бувье,—этого я не знаю, лично не видалъ, такъ какъ знакомъ съ семействомъ еще не былъ. Но дѣло въ томъ, что когда я началъ бывать въ семьѣ «des roussotes» Элиска, была уже недѣли съ три замужемъ и супругой именно этого ненавистнаго ей человѣка.

Однако она постоянно съ утра до вечера проводила время въ семьѣ и только поздно ночью возвращалась въ квартиру мужа. А въ первыхъ числахъ мая г-жа Готье покинула окончательно домъ своего супруга, т. е. просто бѣжала, конечно, при моей помощи и переселилась въ Нѣлы.

Недалеко отъ нашего дома, въ улицѣ Louis-Philippe, я нанялъ небольшую квартиру и устроилъ ее, наскоро, наемной мебелью. Въ устройствѣ этого убѣжища не мало помогали мнѣ Евгеній Утинъ, хотя въ эти дни у него былъ свой «романъ»...

Поселившись здѣсь, Эли отправилась въ мэрію раздобыть себѣ паспортъ, или какой либо видъ на жительство. Не надо забывать, что въ 1865 г. царили въ Парижѣ Наполеоновскіе порядки и драконовская полиція. Дѣло это оказалось мудренымъ, такъ какъ требовалось согласіе мужа, а въ данномъ случаѣ это было не только невозможно, но просто комично. Три раза была она въ мэріи. Въ первый разъ ей наотрѣвъ отказали въ выдачѣ паспорта; во второй разъ она повидала не самого г. мэра, а второстепенныхъ чиновниковъ, и ей обѣщали выдать нѣчто годное, равнозначашее билету на жительство, прося за это взятку около ста франковъ. Но распорядились господа мэрійцы нѣсколько иначе... Хитрѣе и для себя, вѣроятно выгодыѣе.

Однажды, въ назначенный день и часъ, Эли отправилась въ мэрію въ третій разъ. Когда я часа въ два явился на ея квартиру, то произошло нѣчто очень «милое», что я ради только забавности приведу вкратцѣ... Когда я вошелъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ, то увидѣлъ около окошечка ложи консьержа красивую, статную фигуру незнакомаго мнѣ молодого человѣка. Онъ стоялъ молча и прислонясь плечомъ къ стѣнѣ. Казалось, что онъ уже съ часъ ожидаетъ въ этомъ положеніи.

Когда раздались мои шаги, консьержа, старуха за шестьдесятъ лѣтъ, высунулась въ окошечко, глянула и доложила молодому человѣку очень любезно:

— Voici le mari de madame!

Молодой человѣкъ сдѣлалъ три шага, какъ дѣлаютъ три прыжка, всталъ на первой ступени лѣстницы и волнуясь, нѣсколько блѣдный, спросилъ у меня:

— Это вы называете себя мужемъ моей жены?

Разумѣется, я былъ ошеломленъ... Если бы за все время я не избѣгалъ тщательно съ нимъ видѣться и знать въ лицо, то, быть можетъ, подобнаго теперь бы и не приключилось.

— Намъ надо объясниться! — заявилъ холодно онъ. — Если все кончится хорошо, если жена будетъ повиноваться, то тогда *tout sera pour le mieux*. Я — человекъ благоразумный, какъ вы видите. Если же вы и жена думаете продолжать это *mêli-mélo*, то тогда *j'aurai recours à ça!*

И онъ вынулъ изъ бокового кармана сюртука маленькую склянку.

Это приходится объяснить.

Теперь подобное движеніе и обѣщаніе могли бы только всякаго удивить и были бы совершенно непонятны. Но въ то время въ Парижѣ такое заявленіе со склянкой было яснѣе яснаго. На все бываютъ моды. Въ это время въ Парижѣ была мода на *vitriol*, кажется, купоросъ. Всякій бѣшенный романъ и всякая драма кончались не револьверомъ и не ядомъ, а обезображеніемъ лица.

Вдобавокъ судъ присяжныхъ относился къ этимъ дѣламъ какъ-то странно. То и дѣло оправдывали женъ, мужей и даже любовниковъ, которые обращались за помощью къ витріолу и избирали такое дикое и безчеловѣчное мщеніе. Извѣстно, что даже нѣсколько капель, попавшихъ въ лицо, выжигаютъ его и уродуютъ навѣки, а иногда заставляютъ терять и зрѣніе. Надо, однако, прибавить, что въ тѣ времена этихъ склянокъ боялись больше, чѣмъ теперь боятся ножей и револьверовъ.

Въ результатъ нашей встрѣчи было мое полное «посрамленіе», т. е. отступленіе, и, конечно, Элиска, которая заперлась было въ своей квартирѣ, обѣщая отпереть дверь только полиціи, сложила оружіе и сдалась на капитуляцію.

И именно я повліялъ на ея рѣшеніе не начинать войны, убѣдивъ ее, что это поведетъ къ ужасной бѣдѣ. Хлестнуть изъ склянки въ лице купоросомъ не долго и не мудрено.

Она тотчасъ же собрала разную мелочь въ свой сакъ и покорно спустилась внизъ... Я, «праздная труса», остался на лѣстницѣ и прислушался...

— *Tu fais bien!* — разслышалъ я... Такъ лучше. Я бы на все пошелъ...

И въ голосъ супруга мнѣ послышалось крайнее довольство, что все такъ скоро и легко уладилось. Не ревнивъ онъ былъ, да и хладнокровенъ!.. Онъ тотчасъ же кликнулъ фіакръ и, заявивъ консьержѣ, что пришлетъ сегодня же за вещами «*madame*», посадилъ Эли въ карету.

Однако въ сумерки посланный не получилъ вещей. Я отвѣчалъ, что пришлю ихъ завтра... Въ ту же ночь, я при помощи Евгенія Утина, переправилъ къ себѣ сундукъ и всякую мелочь, мебель

сдать поутру обратно, а квартиру бросилъ. Но на слѣдующій день я уже розыскалъ и нанялъ двѣ меблированныя комнаты уже не въ самомъ Нѣльи, а въ сравнительной глуши, въ переулкѣ и чуть ли не въ тупикѣ. Черезъ двое сутокъ здѣсь появилась Эли, вторично покинувъ своего наивнаго супруга.

Помѣщеніе, мною найденное, было, однако, гораздо дальше отъ нашего дома, и я тоже переѣхалъ туда на жительство. Это было за Сеной въ мѣстечкѣ Courbevois. Глухой переулокъ носилъ громкое названіе rue haute de Bezons.

Помню хорошо и вспоминаю иногда эту квартирку въ этомъ переулкѣ или тупикѣ по той причинѣ, что здѣсь къ моему нелѣпому «роману» присоединилось нѣчто, имѣющее теперь относительный интересъ... Въ дебряхъ, гдѣ я хотѣлъ скрыть бѣжавшую отъ мужа благоговѣрную (или точнѣе неблагоговѣрную), укрывалась уже случайно личность довольно любопытная, о которой и теперь еще изрѣдка поминаютъ въ текущей журналистикѣ, поминаютъ иногда и вкривь и вкосъ...

Личность эта принадлежала къ такой категоріи людей, которые, являсь на свѣтъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменіемъ времени.

Принужденъ сдѣлать небольшое отступленіе.

Задолго предъ разсказываемымъ мною, до и послѣ студенческой исторіи, въ Москвѣ появлялись разныя личности, иногда заурядныя, иногда нелѣпыя, иногда неизвѣстныя, иногда очень извѣстныя, иногда загадочныя... И всѣ отъ Герцена!

Привожу одинъ примѣръ въ видѣ образчика.

Однажды, послѣ студенческой исторіи, когда я былъ одинъ въ домѣ, такъ какъ сестра вышла передъ тѣмъ замужъ, а моя мать уѣхала въ Петербургъ, мнѣ доложилъ лакей, что одинъ господинъ, не сказывающій своей фамиліи, желаетъ меня видѣть... Я его принялъ и увидѣлъ предъ собой человѣка лѣтъ 25—27 (менѣе тридцати) худого, изжелта-блѣднаго, будто усталого, но къ тому же видимо разстроеннаго или же просто крайне нервнаго... Онъ вошелъ и не просто поздоровался, а какъ-то дернулъ меня за руку, крѣпко стиснувъ ее, и затѣмъ быстро сѣлъ, какъ бы измученный долгой ходьбой... а то и бѣгствомъ.

— Дайте мнѣ стаканъ воды!—были его первыя слова.

Такой гость, признаюсь, внушалъ мало довѣрія. Я, не выходя изъ кабинета, громко кликнулъ человѣка и приказалъ подать требуемое... Выпивъ два стакана воды, затѣмъ молча, поерошивъ волосы, гость объяснилъ мнѣ кратко, рѣзко, отрывисто (какъ бы страдая отъ астмы) и при томъ какъ-то сердито и сумрачно... объяснилъ, что онъ прямо отъ Герцена изъ Лондона...

Выходило, какъ будто Лондонъ и Герценъ были въ эту минуту чрезъ улицу отъ насъ..

Затѣмъ онъ объяснилъ мнѣ крайне лаконически: имя его В. И.

Кельсіевъ, онъ братъ моего, уже сосланнаго, товарища, въ Россіи онъ подъ чужимъ паспортомъ, и если его найдутъ, то попросятъ въ крѣпость или въ не столь отдаленныя мѣста. Является же онъ въ Москву по важному порученію къ моей матери...

Я объяснилъ, что моей матери въ Москвѣ нѣтъ, и когда она вернется—неизвѣстно.

Тогда мой гость также кратко, нервно, будто спѣша, попросилъ высказать мое мнѣніе, насколько моя мать можетъ быть имъ полезна въ ихъ дѣлѣ... Онъ выразился «намъ» и въ «нашемъ» дѣлѣ. Дѣло же объяснилъ еще лаконичнѣе, почти одною фразой.

— Надо поднять московскихъ купчихъ! Въ особенности старовѣрокъ. Для такого дѣла намъ нужны женщины.

Помню, что времена эти были такія своеобразныя, что я не удивился выраженію «поднять». Тогда какъ-то всякій всѣхъ «поднималъ». Я удивился только, что дѣло дошло до «поднятія» даже купчихъ... А еще болѣе удивился, что для такого занятія рассчитывали на помощь моей матери. Видя изумленіе, написанное на лицѣ моемъ, В. Кельсіевъ счелъ пѣлесообразнымъ объяснить мнѣ, что надо овладѣть московскимъ богатымъ и коснѣющимъ купечествомъ, или, вѣрнѣе, его капиталами, и что лучше всего взяться за нихъ, сонныхъ и отъ коснѣнія очумѣлыхъ, чрезъ ихъ женъ...

Далѣе рассказывать, конечно, нечего... Любопытнѣе или нетѣпнѣе ничего сказано не было. Впослѣдствіи я узналъ, что Кельсіевъ благополучно покинулъ Россію и вернулся въ Лондонъ. Спустя лѣтъ пятнадцать, онъ былъ прощенъ по его просьбѣ и, живя въ Россіи, былъ, кажется, на службѣ въ Петербургѣ. Впрочемъ, существуютъ его собственныя записки объ его скитальничествахъ...

Привожу этотъ анекдотъ какъ бы въ примѣръ, какіе бывали именно посланцы отъ Герцена въ Россію, которыхъ онъ, какъ я смѣю думать, никогда, конечно, не посылалъ. При этомъ я вполне увѣренъ, что многіе и многіе этотъ революціонный проектъ, выражаемый фразой: «поднять московскихъ купчихъ!» — примутъ за мое сочинительство, и считаю не лишнимъ подтвердить честнымъ словомъ, что это не измышленіе мое. Какъ фактъ и цѣль посѣщенія Кельсіева, такъ и это его выраженіе, я передаю съ буквальною точностію.

Но вотъ собственно къ чему я привелъ этотъ случай и къ чему веду дѣло... Посланцевъ изъ Лондона бывало много, на половину самозванныхъ... Бывали личности невозможно дикія, бывали просто «шувалики», бывали и личности загадочныя и интересныя...

Самою интересною и (съ извѣстной точки зрѣнія) самою загадочною личностію былъ нѣкто Артуръ Бени. И теперь еще изрѣдка въ печати толкуютъ и спорятъ о томъ, кто и что онъ былъ?

Я не буду вдаваться въ этотъ вопросъ, такъ какъ пишу не воспоминанія вообще, а принялся рассказывать только о моихъ

неудавшихся арестахъ. Вспоминаю теперь о Бени только потому, что общался упоминать и говорить о тѣхъ лицахъ, которыхъ какъ нибудь припутала къ моимъ арестамъ сама судьба.

Скажу только, что Артуръ Бени, для однихъ англичанинъ, для другихъ полякъ, для третьихъ еврей, появился въ Москвѣ, лѣтомъ или осенью 1861 года, вмѣстѣ съ товарищемъ (якобы пріятелемъ) русскимъ, по фамиліи Нечипоренко... Остановились они и жили на Тверской въ хорошо извѣстной москвичамъ старожиламъ гостиницѣ Шевалдышева, нынѣ «Отель Рояль». Впрочемъ, вскорѣ они разстались, поссорившись... Я случайно познакомился съ ними тотчасъ же. Нечипоренко показался мнѣ личностью умственно и нравственно такою же нелѣпою, какъ и его фамилія. Бени меня съ первой же встрѣчи плѣнилъ и обворожилъ. Это былъ 25-ти-лѣтній человекъ, крѣпышъ на видъ, съ дѣтски розовымъ и пухлымъ лицомъ, къ какимъ-то намекамъ на усики и блестящими глазами... Умный, даровитый, не глубоко, но разносторонне образованный, вѣрнѣе начитанный, говорящій на всѣхъ языкахъ совершенно свободно, добродушный, веселый и... и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ—какой-то странный. Очерка его личности болѣе подробнаго я не дамъ, ибо это меня завело бы слишкомъ далеко...

Бени былъ тоже посланецъ отъ Герцена, однако не говорилъ, что ему поручено кого либо «поднимать». Умень же онъ былъ, интересенъ и симпатиченъ настолько, что, право, по моему мнѣнію, даже и московскихъ купчихъ поднялъ бы, еслибъ захотѣлъ... Только не знаю, на что собственно оказались бы онѣ способными — разъ «поднятыя». Вѣдь это было во дни Китъ Китыча, когда «жупелъ», а въ особенности «металлъ» заставлялъ ихъ падать въ обморокъ и лишаться «всѣхъ чувствій».

Мы подружились очень быстро, а съ половины зимы и весной 1862 года, будучи въ Петербургѣ, зажили уже вмѣстѣ на одной квартирѣ на Мойкѣ, въ домѣ Греча близъ редакціи «Сѣверной Пчелы», издаваемой Усовымъ. И здѣсь мы окончательно сблизились. Это житіе очерчено мною въ одномъ изъ моихъ рассказовъ подъ заглавіемъ «Двѣнадцать часовъ—воскресенье!» Описанный мною случай мгновеннаго и страннаго умопомѣшательства именно съ Бени и приключился. Случай этотъ многіе изъ общихъ знакомыхъ и друзей, а въ томъ числѣ и покойный В. А. Слѣпцовъ (русскій Мопассанъ на мои глаза), сочли комедіей и притворствомъ со стороны Бени. Я остаюсь при особомъ мнѣніи, что онъ былъ вообще не вполне нормаленъ и физически и умственно, и это мгновенное помѣшательство изъ-за пустяковъ, изъ-за шутки, длившееся съ вечера и до слѣдующаго утра, было не комедіей. А то, что я сейчасъ намѣренъ разсказать, какъ бы подтверждаетъ мое мнѣніе. И вотъ, далеко уйдя за предѣлы рамокъ, мною себѣ положенныхъ, возвращаюсь...

Возвращаюсь въ меблированную квартиру въ улицу Haute de

Bezons на краю мѣстечка Курбеуа, гдѣ была полная глушь, ни собаки, ни прохожихъ... Въ маленькомъ домѣ этомъ, гдѣ я поселился, было только двѣ квартирки и съ лѣстницы двѣ двери, одна противъ другой...

Поселился я и записался подѣ именемъ Monsieur Wadime et sa dame. Хозяйка объяснила мнѣ на всяческіе мои опросы и разспросы, конечно, ради безопасности Эли, что квартирантовъ у нея нѣтъ, къ ея несчастію. И низъ и мансарды стоятъ пустыми. Только противъ меня, въ такихъ же двухъ комнатахъ, живетъ англичанинъ съ женой, люди порядочные, тихіе и чрезвычайно милые. Онъ ежедневно уходитъ изъ дому съ утра и возвращается только къ ночи, она же не выходитъ и изъ своихъ комнатъ. Дѣйствительно, проживъ недѣлю, я ни разу моихъ англичанъ не видалъ, но за то я всякій день, встрѣчая мою болтливую хозяйку, слушалъ поневолѣ и узнавалъ, насколько милы, добры, умны, скромны и вообще прелестны ея жильцы... И онъ, и она. Эли быстро прельстила хозяйку, но однако она все-таки заявляла, что хотя «l'autre dame» не такъ красива, какъ Эли, но что ее она ни на кого не промѣняетъ, ибо обожаетъ, что же касается до ея мужа, англичанина, то это нѣчто неописуемое... Божество!

Я всякій вечеръ аккуратно выставлялъ свои ботинки за дверь на лѣстницу и при этомъ невольно узнавалъ, вернулся ли домой мой сосѣдъ, или нѣтъ, такъ какъ у его дверей всегда появлялась на ночь тяжелая, характерная англійская обувь, будто топорной работы...

Однажды, вдругъ, проснувшись гораздо ранѣе обыкновеннаго, я отперъ дверь на лѣстницу и нагнулся взять свои ботинки. Въ ту же минуту отворилась дверь напротивъ, и сосѣдъ взялъ съ пола свои ботинки...

Но когда оба мы выпрямились и взглянули другъ на друга, то оба остолбенѣли...

Прошло добрыхъ двадцать секундъ, прежде чѣмъ мы оба пришли въ себя...

— Вы? Саліасъ?—робко произнесъ онъ.

— Я, Артуръ Ивановичъ... отозвался я совершенно пораженный этой встрѣчей.

Не видались мы съ Бени, по крайней мѣрѣ, года уже съ три... И если за это время я немного возмужалъ и у меня уже появилась маленькая бородка, а усы стали погуще, то Бени замѣчательно остался все тотъ же, не измѣнившись ни на волосъ.

Разумѣется, и онъ, и я воскликнули пороссійски:

— Какими судьбами?!

Но мнѣ тотчасъ же почудилось, что Бени былъ смущенъ и какъ-то растерялся...

Послѣ нѣсколькихъ фразъ, вопросовъ и отвѣтовъ, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, къ дѣлу не идущихъ, я спросилъ...

— Вы успѣли жениться за это время? — И въ видѣ объясненія я прибавилъ: — вѣдь вы не одни?..

Онъ что-то промычалъ, и вышло ни да, ни нѣтъ. Я понялъ, что это тоже «романъ», быть можетъ, очень серьезный, быть можетъ, такой же, какъ и мой...

Мы уговорились прежде всего одѣться, такъ какъ были въ «легкихъ» костюмахъ, а затѣмъ, позавтракавъ, тотчасъ выйти и встрѣтиться въ саду. Я, начавъ одѣваться, въ себя не могъ прийти отъ странной нечаянной встрѣчи. Послѣ Петербурга и Мойки, дома Греча, редакціи «Сѣверной Пчелы», и вдругъ Франція, мѣстечко Courbevois, переулочекъ Bezons, край свѣта, хотя и подъ Парижемъ... Встрѣча была крайне оригинальная, какія только въ комедіяхъ и водевиляхъ бывають и по волѣ авторовъ, а не въ силу законовъ дѣйствительности...

— Надо же было мнѣ розыскать эту глушь, чтобы спрятаться, а Бени тоже розыскать ту же глушь, чтобы, очевидно, тоже спрятаться. Но отъ кого онъ прячется? И ради кого?.. Себя или своей подруги?

Признаюсь, послѣднее романическое обстоятельство изумляло меня еще болѣе, нежели наша водевильная встрѣча. Для меня, насколько я зналъ Бени, это присутствіе съ нимъ женщины было чѣмъ-то совсѣмъ не подходящимъ, невѣроятнымъ...

— Бени и женщина?!—безъ конца восклицалъ я. — Да это все то же, что инокъ въ костюмѣ маскарадномъ.

Чрезъ часъ мы были въ саду на скамейкѣ и... не бесѣдовали... Бени говорилъ, а я молчалъ. Онъ говорилъ горячо, страстно, все болѣе оживляясь, а я молчалъ все упорнѣе, недоумѣвая, изумляясь, даже смущаясь, не вѣря своимъ ушамъ, не вѣря своему собственному соображенію.

«Онъ ли все это говоритъ? Мнѣ ли онъ все это объясняетъ?» — задавалъ я себѣ вопросъ.

Тотъ самый Артуръ Бени, съ которымъ мы были близки въ Москвѣ, были очень близки и дружны въ Петербургѣ, съ которымъ вмѣстѣ жили, говорили и даже продѣлывали такія глупости, про которыя рассказывать тогда было опасно, а теперь — стыдно... этотъ самый Бени вдругъ заговорилъ со мной, какъ человѣкъ свихнувшійся...

Диалога не было... Былъ монологъ. Бени мнѣ горячо доказывалъ, что онъ не въ Россіи, а во Франціи, что Наполеоновское правительство ни русскаго, ни поляка, политически скомпрометированнаго, россійскому правительству не выдастъ!.. Слѣдовательно, слѣдить за нимъ, накрывать его, подводить и вообще ухитряться имъ такъ или иначе овладѣть не имѣетъ смысла. Напрасный трудъ! Никакихъ русскихъ тайныхъ агентовъ въ Парижѣ онъ не боится, а Третьяго Отдѣленія и подавно... Оно на Невѣ, а здѣсь Сена...

И горячо высказавшись, «отчитавъ» меня, онъ, сильно взволнованный, поднялся со скамьи, протянулъ мнѣ какъ-то странно руку, будто нехотя, будто пересиливая себя... и пошелъ по дорожкѣ. И вошелъ въ домъ.

Я остался на скамейкѣ и сидѣлъ, по всей вѣроятности, выпуча глаза...

Я полагалъ тогда, полагаю и теперь, что заподозрѣть меня въ томъ, что я шпионъ или агентъ Третьяго Отдѣленія, откомандированный «для занятій» въ Парижъ, со спеціальною цѣлью «накрыть» его, Артура Бени... могъ только человѣкъ не вполне нормальный.

День цѣлый пробылъ я дома безвыходно и соображая, какъ мнѣ поскорѣ предъ бѣднымъ Бени «оправдаться». Его же самого весь день по обыкновенію не было дома...

На утро, когда я позвалъ хозяйку дать горячей воды для чая, она явилась въ слезахъ...

— Мои милые англичане уѣхали!—объяснила она.—Они получили вчера какое-то важное извѣстіе, за ночь спѣшно уложились и рано утромъ уѣхали.

Нѣкоторое объясненіе и оправданіе поведенія Бени и этого бѣгства отъ меня я узналъ много позднѣе.

Нежданная и почти невѣроятная встрѣча наша въ глухомъ переулкѣ Курбевуа была въ маѣ 1865 года.

А весной того же года, проживавшій въ Петербургѣ Бени былъ арестованъ и судимъ, а затѣмъ посаженъ въ качествѣ государственнаго преступника въ Петропавловскую крѣпость. Его обвиняли въ томъ, что онъ укрывалъ у себя являвшагося въ Россію, турецкаго подданнаго Яни... Иначе говоря, того же самого В. И. Кельсіева, который являлся года за три передъ тѣмъ и ко мнѣ съ предложеніемъ «поднимать» московскихъ купчихъ.

У меня есть даже подозрѣніе, что еще когда мы съ Бени жили вмѣстѣ при редакціи «Сѣверной Пчелы», то онъ два раза скрытъ въ нашей квартирѣ этого Кельсіева, но равно скрытъ это и отъ меня... Поступокъ, конечно, не благовидный по отношенію къ сожителямъ, такъ какъ въ случаѣ, если бы «турокъ» Яни былъ у насъ накрытъ Третьимъ Отдѣленіемъ, то всѣ бы оказались безъ вины виноватыми.

Итакъ, весной, послѣ выслушанія приговора въ сенатѣ, Бени былъ посаженъ въ крѣпость... Но затѣмъ что именно приключилась—мнѣ неизвѣстно. Бѣжалъ ли самъ Бени изъ Россіи, или ему «облегчили» побѣгъ, чтобы не возиться съ англійскимъ подданнымъ, или же наконецъ его просто административно выслали за границу?

Въ виду того, что онъ сильно смутился и взволновался, когда внезапно встрѣтился со мной въ домикѣ, въ глуши Курбевуа, и даже заподозрѣлъ во мнѣ сыщика, его выслѣдившаго,—я думаю, что онъ

только что бѣжалъ изъ Россіи... или при помощи друзей и собственного искусства, или наивно не подозрѣвая, что само правительство «облегчаетъ» ему побѣгъ, чтобы развязаться съ нимъ.

Такъ или иначе, но если представить себѣ, что онъ, только что ускользнувъ изъ Петропавловской крѣпости, скрылся въ Курбевуа и прямо налетѣлъ на меня, то его бѣгство отъ меня становится понятнымъ... Такая дѣйствительно невѣроятная случайность должна была его озадачить и показаться не случайностью... А какимъ образомъ я—въ его глазахъ—оказался агентомъ тайной полиціи, объясняется уже русской пословицей: «пуганая ворона — куста боится!»

Въ Курбевуа я видѣлъ Бени послѣдній разъ въ жизни. Съ тѣхъ поръ я не только его уже не встрѣчалъ, но даже ничего объ немъ не слышалъ никогда, до тѣхъ поръ, покуда не узналъ, что онъ въ качествѣ гарибальдійца былъ убитъ при Аспромонте. Раненый въ ноги, онъ былъ брошенъ товарищами и истекъ кровью...

Личность эта была далеко незаурядная, но, повторяю, личность, если не загадочная, то «странная»... Многое и многое повѣрялъ онъ мнѣ про себя откровенно и искренно, когда мы жили въ Петербургѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ многое обходилъ молчаніемъ... На такіе вопросы, на которые всякій человѣкъ отвѣтитъ прямо и правдиво тотчасъ, онъ избѣгалъ отвѣчать, вилялъ, иногда лгалъ, иногда говорилъ:

— На это я не могу отвѣчать. Не хочу.

Помню, на мой вопросъ, Бени ли онъ или Бениславскій, какъ нѣкоторые утверждаютъ, онъ отвѣтилъ:

— На это я не хочу отвѣчать.

А на этотъ вопросъ, однако, онъ могъ отвѣтить правдой. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавался мнѣ въ такихъ вещахъ, въ которыхъ можно было довѣряться только очень близкому человѣку. Позировалъ онъ «загадочностью» или нѣкотораго рода «значительностью», или сами обстоятельства заставляли его «облекаться въ плащъ таинственного незнакомца»?.. Не знаю!

Но, далеко увлекшись въ сторону, вернусь однако въ Курбевуа, или, вѣрнѣе, въ Швейцарію... такъ какъ вскорѣ же послѣ бѣгства Бени—отъ меня, я тоже бѣжалъ съ моей подругой изъ Франціи на берега Лемана—отъ г. Готье.

Мы поселились сначала подъ Женевой, въ Versoix, около знаменитыхъ Fernex и Coppet, прославленныхъ именами Вольтера и г-жи Сталь. Но затѣмъ, по разнымъ соображеніямъ, изъ ложнаго страха или же (какъ Бени) изъ-за маніи преслѣдованія, мы перебрались еще далѣе отъ границы Франціи въ горы и въ деревушку, называющуюся Corsier-sur-Vevey. Здѣсь въ домѣ, на полномъ пансіонѣ, у милѣйшей старухи г-жи Мондъ прожили мы мирно около мѣсяца опять таки подъ именемъ M-r et M-me Vadime. Дѣлая еже-

дневныя большія прогулки въ городъ, мы никогда не спускались ниже Saint-Martin и, конечно, тщательно избѣгали бывать въ Беве, предоставляя г-жѣ Моно справлять тамъ наши порученія.

Въ объясненіе того, что вскорѣ приключилось, я долженъ напомнить о существованіи г-на Бувье, опекуна семейства Дуссо. Это былъ слишкомъ умный и энергичный человѣкъ, чтобы простить Эли ея поступокъ съ мужемъ и его любимцемъ. Съ другой стороны у насъ въ Нёльи былъ садовникъ, по имени Филиппъ, пьяница, лѣнтяй и болтунъ, но артистъ, и мастеръ своего дѣла, приведшій садъ въ идеальный видъ, за что мой отецъ его и держалъ. Разумѣется, этотъ Филиппъ зналъ все, что творится въ домѣ... Какъ оказалось впоследствии, онъ подглядывалъ, откуда и чьи вещи переправляли мы ночью съ Е. Утинымъ, а затѣмъ, подкупленный опекуномъ и мужемъ, сталъ за мной слѣдить, все разнохивать и передавать имъ. Такимъ образомъ вышло, что если Бени напрасно бѣжалъ отъ меня изъ Курбевуа, то я, бѣжавъ отъ Готье, поступилъ основательно.

Зато, поселясь въ Швейцаріи, я началъ поступать отчасти неосновательно и неосторожно.

По маркамъ и штемпелямъ на письмахъ моихъ къ матери Филиппъ легко могъ дѣлать вѣрный докладъ своимъ патронамъ и даже представлять въ доказательство конверты съ писемъ, подобранные, вѣроятно, въ сору. Но это все раскрылось впоследствии.

И вотъ однажды, добрыйшшая г-жа Моно, подозрѣвавшая въ насъ особаго рода туристовъ, нюхомъ почуяла, что у нея въ домѣ «романъ». Однажды старуха явилась и начала съ предисловія, что, конечно, «все это» до нея не касается, что она насъ очень любитъ, желала бы, чтобы мы прожили у нея цѣлое лѣто и хоть цѣлый годъ. И затѣмъ она объяснила, что изъ любви къ намъ должна доложить, что вотъ уже два вечера какіе-то странные, сомнительные люди бродятъ около ея дома и сада и скрываются отъ нея за церковью. Вчера же одинъ субъектъ зашелъ къ ней и подробно расспрашивалъ, кто эти личности, тутъ живущія. Она отвѣчала, что это господинъ и госпожа Вадимъ—англичане.

— Мнѣ кажется,—объяснила намъ г-жа Моно,— что это люди, которые вамъ добра не желаютъ.

Разумѣется, это извѣстіе подѣйствовало на насъ, какъ бомба, брошенная среди комнаты. Я не опасался того, что Эли придется снова возвращаться въ домъ супруга, это было бы пустяками. Я опасался прямо «склянки» и для нея, и для себя.

И повторилась снова та же исторія, что и въ Courbevois.

Черезъ два или три часа madame Моно была въ отчаяніи и сама себя вслухъ ругала. Она увѣщевала насъ, совѣтовала, говорила, что она все преувеличила, а мы еще того болѣе преувеличили и т. д. Но у насъ сундуки были уже уложены, и часовъ въ шесть

комиссіонеръ на двухъ-колесной телѣжкѣ перевезъ нашъ багажъ въ гостиницу «Des trois Rois» на краю Вавэ и около вокзала.

Почевая здѣсь, я рано утромъ, не городомъ, а чрезъ знаменитое гулянье St. Martin пробрался къ моей старухѣ за новостями. Старуха заявила, что ночью никто не бродилъ около дома, но что въ девять вечера былъ у нея писарь изъ полиціи, который очень удивлялся, что мы уже уѣхали.

Этого было, конечно, достаточно, и въ тотъ же вечеръ мы выѣхали въ Женеву.

Здѣсь мы поселились въ одномъ изъ многочисленныхъ пансіоновъ на набережной Роны. Жизнь была совершенно иная — неудобная и скучная, такъ какъ въ пансіонѣ была куча народа: французовъ, и англичанъ, и даже русскихъ. Однако, у меня все-таки хватило храбрости и здѣсь записаться «Monsieur et Madame Vadime», только англичаниномъ я не назвался въ виду нѣсколькихъ англичанъ, а сказався испанцемъ, женатымъ на голландкѣ.

Съ Эли заговорить на «ея» языкѣ никто, конечно, не могъ, а пофранцузски могутъ хорошо говорить и голландки. Поиспански же говорилъ я отлично, такъ какъ незадолго предъ тѣмъ выжилъ въ Испаніи почти цѣлый годъ.

Здѣсь, въ Женевѣ, я считалъ себя въ полной безопасности, такъ какъ просилъ г-жу Моно, на всякій случай, объяснять, что мы снова вернулись въ Парижъ, и поиски мужа и опекуна должны были сосредоточиться около Нелли. Съ другой стороны, въ такомъ многолюдномъ городѣ, какъ Женева, съ массой иностранцевъ, было легче укрыться. Вдобавокъ мы опять-таки почти не ходили по улицамъ, гуляя по берегу Женевского озера, иногда же отправлялись, какъ говорятъ французы, *à travers la campagne*, по деревушкамъ въ четырехъ и шести верстахъ отъ города.

Однако, вскорѣ моя личная жизнь перемѣнилась. Я поневолѣ долженъ былъ появляться въ самомъ городѣ. Во-первыхъ, у меня нашлись знакомые, а, во-вторыхъ, моя мать, вдругъ собравшись, приѣхала тоже въ Женеву и поселилась на совершенно противоположномъ концѣ города отъ меня.

Главные знакомые, у которыхъ я сталъ часто бывать, были люди интересные, и о нихъ когда нибудь я скажу все, что знаю, а теперь приведу кое-что.

Это были обитатели Chateau Boissière, за городомъ, на Route de Carouge. Я думаю, что уже одно это названіе заставитъ не мало людей пожилыхъ и старыхъ догадаться, о комъ я говорю. Это были Герценъ и Огаревъ. Если перваго я узналъ въ Парижѣ только года за два предъ тѣмъ и считалъ лишь знакомымъ, то второй наоборотъ былъ для меня близкимъ человѣкомъ. Николая Платоновича Огарева я впервые узналъ и подѣтски пылко полюбилъ, когда мнѣ было лѣтъ пять, шесть отъ роду.

Сожалѣю, что рамки этого разсказа объ арестахъ, которыя я самъ себѣ поставилъ, слишкомъ узки. Иначе я подробно разсказалъ бы, какъ семи лѣтъ отъ роду я дрался съ Огаревымъ, якобы на дуэли, за то, что онъ якобы обидѣлъ сестру, и сильно въ кровь расцарапалъ ему лицо рапирой, подкравшись изъ-за угла въ полутемной комнатѣ. Онъ схватилъ меня за волосы, но потомъ расцѣловалъ и назвалъ молодцомъ.

Я разсказалъ бы тоже, какъ я затѣмъ жилъ цѣлую зиму въ имѣніи Огарева, кажется, Симбирской губерніи, на его попеченіи, покуда моя мать жила въ Петербургѣ. Помню, что, хотя я былъ уже лѣтъ девяти, я едва не изуродовалъ себя и не взорвалъ на воздухъ если не всю усадьбу, то цѣлую комнату. Я забрался въ химическую лабораторію Николая Платоновича и вздумалъ дѣлать тоже изысканія или изобрѣтенія химическія. Иначе говоря, подглядѣвъ, что дѣлалъ онъ, я пожелалъ подражать, какъ самая настоящая обезьяна. Я зажегъ подъ аппаратомъ какую-то спиртовую лампочку, открылъ какой-то кранъ или клапанъ и ждалъ, чтобы какая-то жидкость потекла по трубочкамъ... Случайно пришедшій Огаревъ испуганно вскрикнулъ, быстро все привелъ въ порядокъ, а мнѣ объяснилъ, что въ другой разъ за подобныя химическія занятія онъ меня «высѣчетъ», даже не спрашивая на то письменнаго разрѣшенія моей матери. Разумѣется, это была угроза. Не Огаревъ могъ высѣчь ребенка, хотя бы и за разрушеніе всей его усадьбы.

Теперь, пріѣхавъ въ Женеву, я, конечно, тотчасъ же отправился въ Boissière видѣться съ человѣкомъ, который меня въ дѣтствѣ сотни разъ цѣловалъ и десятки разъ позволялъ вечеромъ засыпать у себя на колѣняхъ, говоря моей нянѣ: «Оставьте, разоспится, тогда самъ я принесу его на верхъ!»

Увѣренъ, что многіе знаютъ по себѣ, какъ привязываешься въ дѣтствѣ къ людямъ за пустяки и всю жизнь помнишь.

Скажу лишь нѣсколько словъ о житѣй-бытѣй въ Буасьерѣ.

Chateau Boissière былъ собственно не замокъ, а большой бѣлый домъ самой простой архитектуры, съ огромнымъ садомъ и съ великолѣпнымъ видомъ на Женеву и гору Salève. Въ немъ жили Герценъ и Огаревъ съ семьями, лишь не задолго предъ тѣмъ переселившись изъ Лондона и переведя за собой изданіе «Колокола» и «Полярной Звѣзды».

При Герценѣ были сынъ Александръ и двѣ дочери—Наталья и Ольга Александровны. При Огаревѣ была его вторая жена Наталья Алексѣевна, рожденная Тучкова, и ихъ дочь—Елизавета, тогда еще маленькая дѣвочка, а нынѣ покойная, кончившая свое существованіе, лѣтъ двѣнадцать спустя, въ Римѣ, въ цвѣтъ лѣтъ. Исторія ея смерти крайне драматична!.. Кромѣ того, было много разныхъ личностей, гостившихъ въ Буасьерѣ. Былъ даже, кажется, временно и пресловутый Бакунинъ съ женой, милой, красивой, кроткой жен-

щиной, которыхъ я близко узналъ еще въ Парижѣ года за два предъ тѣмъ.

Представленіе мое обо всѣхъ личностяхъ, часто бывавшихъ въ Буасьерѣ, нѣсколько смутно. Помню семью Касаткина, замоскворѣцкаго купца и въ то же время эмигранта. Помню тоже семью какого-то революціонера итальянца, друга знаменитаго Мадзини. Помню съ полдюжины какихъ-то «странныхъ» русскихъ и поляковъ. Но совершенно ясно помню, разумѣется, Николая Платоновича и, конечно, самого Герцена, а затѣмъ умненькую, живую шалунью Лизу, которую очень любила моя мать, а этого одного было достаточно, чтобы и я относился сердечно къ дѣвочкѣ. Наконецъ, живо помню Наталью Александровну Герценъ, восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, красивую и настолько всячески симпатичную, какихъ въ жизни очень рѣдко встрѣчаешь. Помнится, она прилежно занималась живописью, и у нея былъ талантъ.

Объ этихъ двухъ семействахъ и Бакунинъ я могъ бы сказать очень много интереснаго и даже, быть можетъ, кое-что и новое...

Моя мать, какъ я уже говорилъ, была съ юношескихъ лѣтъ дружна съ Огаревымъ, который былъ для моей бабушки, Сухово-Кобылиной, «вторымъ сыномъ», какъ она его называла.

И думаю, что не было человѣка на землѣ, съ которымъ бы Огаревъ былъ болѣе искрененъ, чѣмъ съ моей матерью, поэтому она знала не только многое, но, быть можетъ, и все, до него касавшееся. Впослѣдствіи, послѣ его смерти, моя мать передала мнѣ все, что знала объ немъ и близкихъ ему лицахъ. Между прочимъ я знаю въ подробностяхъ исторію ужасной смерти первой жены Огарева, рожденной Рославлевой, судьбу жены Герцена и роль въ этихъ двухъ драмахъ разныхъ лицъ. Тутъ фигурируютъ и Бакунинъ, и поэтъ Некрасовъ, и Катковъ, и многіе другіе...

Признаюсь, не понимаю, какимъ образомъ до сихъ поръ никто не разсказалъ подробно, какъ Катковъ, сравнительно небольшой человѣкъ (ростомъ), далъ пощечину гиганту Бакунину и вызвалъ его на дуэль... Но дравшійся на баррикадахъ въ Дрезденѣ Бакунинъ остался съ пощечиной, не смытой поединкомъ, ибо ретировался... Вѣдь это же любопытно... И разскажетъ же это ктонибудь когданибудь.

Быть можетъ, разсказывать иное теперь еще рано, а о жизни двухъ семействъ въ Буасьерѣ и подавно рано. Мнѣ бы очень не хотѣлось, чтобы мое мнѣніе объ этомъ житьѣ-бытьѣ, правдивое, но, быть можетъ, нѣсколько рѣзкое, достигло до Натальи Александровны Герценъ. Однако, все-таки не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь только одинъ случай, характеризующій Герцена, но касающійся прямо не его, а самой Натальи Александровны.

За это лѣто одинъ русскій, добродушный молодой человѣкъ, съ большимъ состояніемъ, политическаго образа мыслей почти тожде-

ственного съ Герценомъ, живя въ Женевѣ, сильно увлекся Натальей Александровной. Кончилось тѣмъ, что онъ рѣшился сдѣлать предложеніе, и сдѣлалъ его нѣсколько на ладъ отцовъ и дѣдовъ. Онъ не спросилъ прямо у молодой дѣвушки, любитъ ли она его и пойдетъ ли за него замужъ, а обратился съ предложеніемъ руки и сердца прямо къ самому отцу, какъ дѣлывалось въ старину.

Герценъ этимъ объясненіемъ былъ возмущенъ и былъ глубоко оскорбленъ! Онъ вспылить и даже набросился на молодого человѣка, объясняя ему, что подобнаго оскорбленія онъ отъ него не ожидалъ. Какъ? Онъ, знающій его убѣжденія и мнѣнія?! Его духовную личность! Является вдругъ какъ бы съ насмѣшкой, какъ бы съ издѣвательствомъ!

Молодой человѣкъ, растерявшись, ничего не понималъ въ цѣлой рѣчи Герцена и наконецъ услыхалъ приблизительно слѣдующее:

— Если вы любите Наташу, и она васъ любитъ, то, милости просимъ, пожалуйста.

И онъ показалъ рукой на ея комнату.

— Ступайте, возьмите ее за руку и уходите къ себѣ на квартиру. Если же вы ожидаете, чтобы я ее образомъ благословлялъ и въ церковь шелъ на поповское путешествие смотрѣть, то вы этимъ прямо доказываете, что или вы меня совсѣмъ не знаете, или же просто надо мной издѣваетесь.

Молодой человѣкъ, пораженный, вылетѣлъ изъ кабинета Герцена, можно сказать, какъ опшаренный. Онъ получилъ согласіе родителя, но такое оригинальное, что не зналъ, что дѣлать.

Положимъ, что это было нѣсколько наивно.

Будучи близокъ съ моею матерью, онъ обратился къ ней за помощью, и она посовѣтовала ему оставить Герцена въ покоѣ, а спросить у самой Наташи, какъ она захочетъ поступить, а съ своей стороны выразить ей мнѣніе, что онъ желалъ бы вѣнчаться въ церкви.

Надо прибавить, однако, что чувства къ нему самой молодой дѣвушки матери моей были неизвѣстны.

Когда онъ исполнилъ ея совѣтъ и обратился къ самой Наталіи Александровнѣ, то дѣло выяснилось просто. Она отвѣчала, что если ей безразлично, вѣнчаться или не вѣнчаться, то не безразлично, чьей быть подругой жизни, съ кѣмъ связать на вѣки свою судьбу, и поэтому прежде всего она должна объяснить, что очень цѣнить эту честь и уважаетъ его, но... Остальное понятно. Герценъ могъ сказать: и волки сыты и овцы цѣлы! И «комедь» разыграна, и полный сборъ...

Но вскорѣ же послѣ этого случая, въ томъ же Буасьерѣ, появился другой молодой человѣкъ и началъ ухаживать за Натальей Александровной, тоже увлеченный ею. Вѣроятно, онъ былъ не вторымъ, да и не послѣднимъ... Вѣроятно, много ихъ было въ ея жизни, и надо удивляться, что она такъ и не вышла замужъ.

Повторяю, это была молодая дѣвушка всячески симпатичная. Въ ней была рѣдко встрѣчаемая «непосредственность», естественность и правдивость, не только во всякомъ словѣ, а, казалось, даже и во взглядѣ большихъ красивыхъ глазъ и въ каждомъ движеніи. Кромѣ того, въ ней было много чего-то «своего», совсѣмъ простого и совсѣмъ оригинальнаго вмѣстѣ.

Вспоминаю невольно одну нашу длинную бесѣду въ Буасьерскомъ паркѣ. О чемъ? Да не болѣе, не менѣе, какъ о Богѣ! На ея вопросъ, поставленный категорически, я доказывалъ ей, что Богъ существуетъ, и доказывалъ очень горячо. А доказательства у меня на это было тогда гораздо больше, чѣмъ теперь. Увы, гораздо больше! Не даромъ мнѣ было только двадцать пять лѣтъ.

Итакъ, послѣ сватовства нѣсколько наивнаго молодого человѣка, назову его № 1, явился въ Буасьеръ другой молодой человѣкъ № 2, и всѣ мы замѣтили, что онъ равнодушенъ къ Натальѣ Александровнѣ, да и она тоже любезно и милостиво относится къ нему. А между тѣмъ у него была репутація, заслуженная, нѣтъ ли — не знаю — какого-то Донъ-Жуана, у котораго то и дѣло чередуются всякія романическія приключенія.

И вотъ что однажды произошло за обѣдомъ на моихъ глазахъ и при человѣкахъ пятнадцати. Въ концѣ обѣда, послѣ какого-то разсказа о какой-то авантюрѣ среди русскихъ эмигрантовъ, вдругъ Герценъ, хлебнувшій, какъ казалось, немного лишняго, нѣсколько лохматый и пунцовый, взялъ въ руку свой столовый ножикъ и, обернувшись къ сидѣвшему противъ него черезъ столъ молодому человѣку, выговорилъ громко, рѣзко и азартно:

— Я только скажу одно... Если бы какой нибудь этакій франтъ увезъ у меня вдругъ вотъ мою Наташу, то я бы ему пропоролъ бокъ вотъ этимъ самымъ ножомъ, и отвѣчаю, что положилъ бы на мѣстѣ!

Выходка эта, послѣдовавшая послѣ мирнаго разговора, всѣхъ поразила, ибо для нѣкоторыхъ была даже загадкой.

Привожу этотъ анекдотъ, какъ низкопробное лукавство, которое позволялъ себѣ Герценъ. Онъ зналъ, конечно, отлично, что дочь не любитъ молодого человѣка № 1-й и замужъ не пойдетъ за него. А можно было лишній разъ блеснуть, что у него слово и дѣло не расходятся, и просто предложить ему свою дочь въ любовницы. И вмѣстѣ съ тѣмъ при появленіи молодого человѣка № 2-й предполагая, что его предыдущее объясненіе съ № 1-мъ можетъ быть извѣстно № 2-му, отецъ сталъ бояться... Быть можетъ, даже онъ собирался всякій день объясниться съ нимъ, хотя бы намеками и хладнокровно, да вдругъ, въ минуту возбужденія, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, у него сразу рѣзко и вырвалось его искреннее и настоящее мнѣніе о брактѣ... по отношенію къ родной дочери. Да. Вѣнчаніе было без-

смыслицей по отношенію ко всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, помимо его Наташи.

Я могу къ этому только прибавить: честь и слава! Но его рѣчь молодому человѣку № 1-й долженъ назвать по имени, сказавъ, что это была—пагуба. Сколько личностей Герцены и иные проповѣдники погубили въ тѣ времена, науськивая на всякое, что, однако, про нихъ самихъ писано не было... *Faites ce que je dis, mais...*

Въ видѣ другой иллюстраціи прибавлю еще слѣдующій разговоръ между двумя друзьями.

Однажды, когда я сидѣлъ въ кабинетѣ Огарева, на порогѣ появился Герценъ и вымолвилъ:

— Николай Платоновичъ, я эту статью подпишу твоимъ именемъ?

— Какую? — отозвался хладнокровно Огаревъ, не двигаясь изъ своего большого кресла, въ которомъ сидѣлъ углубясь и почти не отнимая чубука отъ губъ.

— А вотъ эту, что доставилъ для Колокола такой-то...

— А что въ ней?

— Да въ ней вотъ рассказывается такой-то бунтъ въ такой-то губерніи.

— Гмъ...—мыкнулъ Огаревъ — Это, гдѣ въ концѣ, ты говорилъ, есть этакое... Ну, призывъ! Хорошій, горячій?

— Ну, да, да!

— Ну, что же!

— Такъ подписать?

— Подпиши! Только вотъ что, часто пошло. Что это, вдругъ подумаютъ, Огаревъ расписался? Горячка напала.

— Ну, это ничего! —махнулъ Герценъ рукой и вышелъ.

— Скажите, Николай Платоновичъ,—замѣтилъ я,—стало быть, тѣ статьи, которыя появляются въ «Колоколѣ», подписанныя нашимъ именемъ, столько же изъ-подъ вашего пера, какъ вотъ и эта?

Огаревъ разсмѣялся и выговорилъ:

— Бываетъ! Бываетъ! Только объ этомъ, Женни, болтать не надо, и ты этого никому не говори.

Третій анекдотъ, который я приведу тоже въ видѣ иллюстраціи, слѣдующій. Однажды, вечеромъ Герценъ рассказывалъ о посѣщеніи одного молодого человѣка, пріѣхавшаго изъ Россіи, который еще прежде писалъ ему и, не получая отвѣта на свои письма, явился наконецъ лично за границу и въ Женеву.

Герценъ сумѣлъ рассказать весь анекдотъ такъ, какъ, кажется, онъ одинъ умѣлъ рассказывать. Разумѣется, всѣ хохотали до слезъ. Впрочемъ, это было у Герцена всѣмъ извѣстное, особое дарованіе. Нѣкоторыя остроты его вошли въ нашу плоть и кровь, въ русскій языкъ, и масса людей, употребляющихъ эти остроты и шутки, и не подозреваютъ, что онѣ принадлежатъ Герцену. Или онѣ вы-

хвачены изъ его сочиненій, или со столбцовъ «Колокола», или, наконецъ, изъ частныхъ бесѣдъ съ нимъ.

Передавать остроумный рассказъ Герцена я не стану, а передамъ только суть. Молодой человѣкъ писалъ Герцену изъ Россіи, а затѣмъ явился и въ Буазьеръ, прося его согласовать слова съ дѣломъ и, будучи богатымъ человѣкомъ, раздѣлить свое состояніе между собой, имъ, молодымъ человѣкомъ, и его пятью друзьями, людьми безъ средствъ. Итого на семь частей. Герценъ рассказывалъ свою бесѣду съ молодымъ человѣкомъ въ подробностяхъ, поддѣлываясь даже подъ наивность интонацій юнаго претендента на его, Герцена, карманъ. И дѣйствительно, рассказъ выходилъ чрезвычайно смѣшонъ, пересыпаемый вдобавокъ остротами. И никому изъ насъ тогда совершенно не приходило на умъ, что этотъ молодой человѣкъ, явившійся просить себѣ седьмую часть изъ состоянія Герцена и еще пять седьмыхъ частей своимъ пріятелямъ, былъ собственно правъ... по отношенію къ Герцену.

Однако, перейду прямо къ тому, о чемъ и слѣдовало бы настоящему исключительно рассказывать,—къ моему дикому роману и грозившему мнѣ аресту.

Проживъ слишкомъ долго въ Женевѣ, я сталъ поневолѣ подумывать о томъ, что нужно возвратиться въ Парижъ и Нелли, и нужно добыть видъ на жительство для Эли Готье. Огаревъ, конечно, зналъ, въ какомъ я нахожусь положеніи и даже однажды послать со мной Эли букетъ цвѣтовъ, а я попросилъ его на бумажкѣ написать: «à madame Vadime».

Собираясь во Францію, я объяснилъ Огареву, въ какомъ затруднительномъ и неудобномъ положеніи нахожусь.

— Что же? Ей нуженъ паспортъ? Это самое пустое дѣло!—отозвался онъ.—Я сегодня скажу Герцену. Дня черезъ два-три будетъ у тебя женскій паспортъ.

Я удивился. Огаревъ разсмѣялся.

— Милый мой, чего другого нѣтъ, а этого добра въ Женевѣ сколько хочешь! Черезъ три дня даже кучу сторублевыхъ ассигнацій заказали бы себѣ надѣлать, если бы мы это считали допустимымъ...

Огаревъ намекалъ на то, что въ это время въ Женевѣ скрывалась шайка поддѣлывателей русскихъ ассигнацій, и посольство, а равно агенты изъ Россіи, тщательно, но тщетно розыскивали эту шайку, состоявшую изъ поляковъ и евреевъ.

На другой же день Герценъ передалъ мнѣ записку, говоря, чтобы я отправился съ ней къ одному молодому русскому эмигранту, хотя и съ польской фамиліей. Я нашелъ молодого человѣка, высокаго, чрезвычайно худого и блѣднаго, будто изможденнаго, и поневолѣ заподозрѣлъ, не бѣжалъ ли онъ въ Женеву прямо съ русской каторги.

Объяснившись со мной и говоря какимъ-то загробнымъ голосомъ, онъ передалъ мнѣ билетикъ, на которомъ значился номеръ въ пять цифръ, положимъ, 19.145. Такіе билетики обыкновенно извозчики за границей выдаютъ сѣдоку, прежде чѣмъ двигаться съ мѣста. На немъ, какъ и водится всегда, подъ номеромъ была пропечатана такса за одинъ проѣздъ, за часъ, сколько въ дневные часы, а затѣмъ сколько въ ночные часы. На оборотѣ мелкимъ шрифтомъ были какія-то правила.

— Что же это?—возразилъ я, удивленно глядя въ лицо моего, созданнаго моею фантазіей, каторжника.

— Вы съ этимъ билетикомъ отправитесь завтра вечеромъ на Place du Rhône, разыщите фіакръ съ подходящимъ номеромъ и предъявите этотъ билетикъ. Онъ попроситъ васъ сѣсть въ его карету и отвезетъ васъ куда слѣдуетъ. Тамъ все остальное сдѣлается само собой.

— Вамъ извѣстно,—сказалъ я,—что паспортъ содержитъ въ себѣ всегда примѣты, и что въ данномъ случаѣ необходимо...

Но мой собесѣдникъ прервалъ меня словами:

— Паспортъ ли, другое ли что—я не знаю... Ваше дѣло до меня не касается! Мое дѣло состоитъ въ томъ, чтобы услужить Александру Ивановичу, исполнивъ его просьбу: вамъ въ какомъ-то дѣлѣ помочь. Остальное до меня не касается.

Не помню, въ тотъ ли день, или на другой, я отправился на Place du Rhône, гдѣ стояли возницы извозчичьихъ одноконныхъ каретъ. Я обошелъ всѣ, читая номера, но моего номера не оказалось. Объяснившись съ однимъ изъ кучеровъ, я узналъ, что мой номеръ принадлежитъ «такому-то», и что онъ часовъ около восьми, девяти вечера непременно будетъ на этомъ самомъ мѣстѣ, помнится, около какого-то монумента или фонтана.

Дѣйствительно, когда я снова явился на площадь, то нашелъ извозчика, номеръ котораго былъ мнѣ данъ.

— Вотъ вамъ вашъ билетикъ!—сказалъ я.—Извѣстно ли вамъ, что это значитъ?

— Parfaitement, monsieur!—бойко отозвался тотъ.—Пожалуйте!

Онъ отворилъ дверцу, я сѣлъ въ карету, онъ влѣзъ на козлы, захлопалъ бичемъ, и мы поѣхали...

— Прямо изъ романа «Графъ де Монте-Кристо»,—подумалъ я про себя, усмѣхаясь.

Если бы дѣло не зачалось въ Буасьерѣ по милости Герцена, то я бы, пожалуй, такъ и не поѣхалъ поздно вечеромъ и невѣдомо куда. Какъ разъ могутъ завезти въ притонъ, ограбить, а то и прирѣзать.

Возница мой ѣхалъ довольно долго и завезъ меня дѣйствительно въ одинъ изъ самыхъ грязныхъ и вонючихъ кварталовъ старой Женевы. Здѣсь онъ остановился у обтрепанной двери и пригла-

силъ меня выйти изъ кареты. Затѣмъ онъ объяснилъ мнѣ, чтобы я поднимался на самый верхній этажъ, постучался бы въ самую послѣднюю дверь, ведущую въ мансарду, и тамъ обратился бы по своему дѣлу къ господину, который мнѣ покажется болѣе или менѣе *une espèce de monstrelet*.

Опредѣленіе личности было довольно условное, но все-таки я зналъ заранѣе, что мнѣ надо объясняться съ господиномъ, который будетъ не казистъ.

Я поднялся по огромному количеству ступенекъ лѣстницы, отвратительной, каменной, но со сбитыми, истертыми ступеньками и въ полутьмѣ, такъ какъ вся лѣстница освѣщалась на всѣ три этажа одной закоптѣлой лампочкой. На самомъ верху, отыскавъ, или, вѣрнѣе, ощутивъ небольшую дверку, я сталъ стучать въ нее, предполагая только спросить, тутъ ли живетъ господинъ...

— Кто же?—спросилъ я самъ себя, внутренне смѣясь.—Вѣдь не могу же я сказать—господинъ, который очень некрасивъ собой или почти уродецъ. Мудрено!—подумалъ я, продолжая стучать въ дверь.

Она отворилась, и фигура со свѣчкой въ рукахъ не успѣла еще спросить у меня, что мнѣ нужно, какъ я самъ заявилъ по-французски:

— Я къ вамъ отъ такого-то.

Почему я рѣшилъ это сказать, причина была простая. Извозчикъ сказалъ, что я увижу нѣчто въ родѣ уродца. Предо мной же стоялъ, вырвавшійся изъ романа Виктора Гюго «Парижская Богоматерь», самъ, ни болѣе ни менѣе какъ самъ, милый, добрый, но ужасный Квазимодо.

Дѣйствительно, у этого человѣка была одна нога короче другой, руки какія-то страшно длинныя и горбъ за правымъ плечомъ. Точно на смѣхъ онъ былъ еще вдобавокъ сильно рыжеватъ. Но надъ всей этой безобразной фигурой сіяли, какъ двѣ чудныя звѣзды въ небѣ, прелестные, умные, тихіе и глубокіе, голубые глаза. Быть можетъ, въ дѣйствительности эти глаза поражали только лишь какъ контрастъ съ безобразнымъ тѣломъ. Будь эти глаза у красавца, они, быть можетъ, потеряли бы свою силу, которая въ данномъ случаѣ была лишь условной.

Квазимодо попросилъ меня любезно войти, усадилъ у маленькаго столика, поставилъ на него подсвѣчникъ, съ которымъ встрѣтилъ меня, и принесъ листъ бумаги, перо и чернила въ пузырькѣ. Послѣдній предметъ меня поразилъ. Эта чернильница вѣдь изобрѣтена въ той же странѣ, гдѣ изобрѣтенъ самоваръ. И этимъ предметомъ Квазимодо себя какъ бы выдавалъ. Однако, я не желалъ быть нескромнымъ и не сталъ его спрашивать, родился ли онъ въ россійскихъ предѣлахъ и не оттуда ли привезъ, если не самое произведе-
ніе, то привычку имъ пользоваться.

И объяснилъ Квазимодо, что мнѣ нуженъ женскій паспортъ для жительства въ Швейцаріи и во Франціи. Онъ отвѣтилъ, что паспортъ будетъ съ уплатой за него пятидесяти франковъ, но что въ паспортѣ этомъ будетъ обозначена профессія швеи. Я отвѣтилъ, что это совершенно безразлично. Квазимодо, глаза котораго мнѣ все болѣе и болѣе нравились, спросилъ у меня примѣты: приблизительный ростъ, волоса, глаза, носъ, подбородокъ и т. д.

— Нѣтъ ли какихъ особыхъ примѣтъ?—прибавилъ онъ.

И подумалъ и отвѣчалъ:

— Крайне свѣтлые волоса, чуть не бѣлые...

— Это не примѣта! *Signe particulier?* Знаете, какъ всегда въ паспортахъ.

И отвѣчалъ, что нѣтъ. Онъ попросилъ меня уплатить деньги впередъ и дать свой адресъ, обѣщая, что черезъ два дня паспортъ будетъ у меня.

Зачѣмъ была нужна вся эта процедура съ извозчицей каретой, я и тогда не зналъ и теперь не понимаю. Улицу и домъ Квазимодо я тогда все-таки замѣтилъ и могъ бы потомъ розыскать безъ извозчика. Слѣдовало, дѣйствуя таинственно, свозить меня съ завязанными глазами... Вышло бы прямо... изъ «Гугенотовъ», или изъ романовъ Евгенія Сю... И дешево, и сердито.

Дѣйствительно, черезъ два дня простой почтальонъ принесъ мнѣ большой конвертъ, и когда я его разорвалъ, то нашелъ въ немъ паспортъ на имя женевской гражданки *madame Olympe Julien*, швеи. Когда я подробно осмотрѣлъ весь паспортъ, я ничего не замѣтилъ особеннаго, но когда Эли взяла его въ руки и тоже прочла отъ первой буквы до послѣдней, то пришла въ ужасъ, а затѣмъ въ ожесточеніе. Наконецъ, она мнѣ заявила, что никогда этимъ паспортомъ не воспользуется. Кончилось это увѣщаніемъ съ моей стороны и слезами съ ея стороны, но согласіемъ, скрѣпя сердце.

Въ чемъ же было дѣло? Очень простое! Въ первой графѣ примѣтъ личность *Olympe Julien*, владѣтельницы паспорта, опредѣлялась такъ:

«Лѣта—тридцать шесть».

Какъ разъ чуть не вдвое противъ того, что было Эли. Разу-мѣется, я убѣдилъ ее, что паспортъ не вывѣска и не часть костюма, что его увидятъ здѣсь только при визированіи, затѣмъ на границѣ, а затѣмъ въ Парижѣ въ полицейскомъ участкѣ.

И, конечно, тотчасъ же отправился поблагодарить Огарева за услугу, которая развязывала мнѣ руки и давала возможность вернуться въ Парижъ.

Увы! По милости именно этой неизвѣстной намъ госпожи Олимпіи Жюльенъ произошла вскорѣ снова нелѣпая исторія, угрожавшая въ началѣ драмой и окончившаяся водевилемъ.

Кажется, чрезъ недѣлю, собравшись уѣзжать во Францію, я от-

правился во французское консульство визировать швейцарскій паспортъ, что въ тѣ времена наполеоновскаго режима строго требовалось и исполнялось, чтобъ переѣхать границу. Въ особенности правительство Франціи слѣдило за двумя своими границами—швейцарской и итальянской, и здѣсь были сугубо строгія мѣры. Что касается до «Bellegarde», пограничнаго мѣстечка между Франціею и свободнымъ Женевскимъ кантономъ, переполненнымъ кучей всякаго рода эмигрантовъ и политическихъ дѣятелей, изгнанныхъ или бѣжавшихъ изъ всѣхъ государствъ Европы, то въ немъ царилъ чуть не инквизиція. Швейцарцы звали «Bellegarde» въ шутку—«Prenez-garde».

Поэтому было необходимо идти во французское консульство визировать паспортъ г-жи Olympe Julien. Наложение «visa» — дѣло десяти минутъ. Меня же заставили прождать чуть не часъ, а затѣмъ предложили прійти за паспортомъ на другой день, ссылаясь на позднее время для исполненія простой формальности. Я удивился...

На другой день я получилъ паспортъ и, будучи человѣкомъ, не лишеннымъ наблюдательности и чутья, «что-то» замѣтилъ, когда мнѣ вручали его.

Дѣйствительно, въ сумерки я увидѣлъ въ окно явившихся въ нашъ пансіонъ, а затѣмъ и въ наши комнаты въ rez-de-chaussée двухъ господъ, очень приличныхъ на видъ, но суровыхъ и холодно вѣжливыхъ.

Они вошли ко мнѣ послѣ объясненія съ хозяиномъ, стало быть, знали, что не ошибаются.

Они спросили наше имя. Я имѣлъ наивность отвѣчать: m-g et m-me Vadime.

Они попросили паспортъ или оба, если ихъ два у насъ, объяснивъ, что они полицейскіе агенты. Тогда, сильно смущенный не-пріятной исторіей, я тотчасъ объяснилъ, что обстоятельства самыя простыя и даже невиннаго свойства заставили меня проживать въ Женевѣ подъ вымышленнымъ именемъ и выдавать мою спутницу за мою жену... Я заявилъ, что знаю, насколько Женева и ея кантонъ переполнены лицами подъ вымышленными именами, но по причинамъ совершенно иного характера, нежели то положеніе, въ которомъ мы находились.

— Мы скрываемся отъ мужа,—объяснилъ я,—а не отъ какого либо правительства изъ-за политическаго или простого преступленія, crime de droit commun.

Такъ какъ я отъ волненія сталъ многорѣчивъ, то одинъ изъ «гостей», старшій по виду, прервалъ меня словами:

— Pas de paroles inutiles! Позвольте паспортъ этой дамы... и вашъ.

Было мгновеніе, что я хотѣлъ заявить, что у моей спутницы нѣтъ паспорта, такъ какъ она бѣжала отъ мужа...

Полицейскій, будто догадавшійся или прочитавшій мои мысли, вымолвилъ:

— Паспортъ этой дамы вы вчера визировали во французскомъ консульствѣ...

«Ну, поздравляю!—подумалось мнѣ,—Герценъ, эмигрантъ и Квазимодо меня подвели. Бѣды не будетъ, но возня и хлопоты—неминуемы»...

Я досталъ паспорта изъ комода и передалъ... Я увидѣлъ, что старшій изъ полицейскихъ пристально и внимательно разглядываетъ Эли; я, въ свой чередъ, поглядѣвъ на нее, чуть не ахнулъ. Она была мертво-блѣдна отъ перепуга и страха... Чего? Она сама, конечно, не знала.

Случайно развернувъ паспортъ швейцарскій прежде моего и проглядѣвъ его, онъ обернулся къ товарищу и началъ вдругъ улыбаться, а затѣмъ смѣяться, указывая пальцемъ въ одну изъ строкъ...

— *Madame Olympe Julien, n'est ce pas?*—спросилъ онъ у Эли, какъ бы подсмѣиваясь...

Она молчала. Я же понялъ смѣхъ и иронію по-своему и собирався уже объяснить все, сказать правду...

«Тѣмъ хуже моему Квазимодо!—рѣшилъ я.—Пускай отбояривается за свою коммерцію».

Но полицейскій сложилъ листъ и, весело смѣясь, передалъ его мнѣ со словами:

— *Un malentendu assez amusant!* Намъ интересуется, и мы желали видѣть не *madame Olympe Julien*, а другую даму...

И онъ началъ уже хохотать, но при этомъ развертывалъ мой паспортъ и, развернувъ листъ, сразу сталъ угрюмъ и серьезенъ, даже пораженъ.

«Здравствуйте!—подумалъ я.—Еще что?».

Но затѣмъ я тотчасъ же догадался—«что». Было то, что бывало постоянно и немало мнѣ надоѣдало.

— У насъ ѣсть свѣдѣнія, что вы русскій!—сказалъ онъ.—А у васъ не русскій паспортъ, а *au nom de l'empereur des Français*.

— Посмотрите далѣе,—отозвался я,—увидите, что я родился въ Россіи, Москвѣ, православнаго исповѣданія, и паспортъ выданъ изъ московскаго французскаго консульства...

— *C'est ça!*—произнесъ онъ, пробѣжавъ глазами весь листъ.—*C'est ça, mais...*

И онъ поглядѣлъ на товарища вопросительно...

Тотъ пожалъ плечами и что-то пробурчалъ, чего я уловить не могъ. Помолчавъ, первый объяснилъ:

— Позвольте васъ просить пожаловать со мной въ главное полицейское бюро. А это я возьму съ собой. По всей вѣроятности, ничего не будетъ... Впрочемъ, вамъ, конечно, лучше насъ извѣстно въ данный моментъ, будете ли вы арестованы по... по этому дѣлу...

— Арестованъ?!—воскликнулъ я.—За то, что увезъ замужнюю женщину. Вы шутите!

— Вы шутите, *mon cher monsieur*,—холодно отозвался онъ.—Il ne s'agit pas de femme...

— Я не понимаю, что вы хотите сказать!—воскликнулъ я.

— Тѣмъ лучше для васъ. Тогда, вѣроятно, ничего не произойдетъ, и вы останетесь на свободѣ. Пожалуйте...

Видя, что дѣло принимаетъ глупый оборотъ, что вопросъ поднятъ уже не о госпожѣ Олимпіи Жюльенъ, швейцарской подданной, хотя бѣжавшей отъ мужа, но имѣющей паспортъ, а вопросъ обо мнѣ, русскомъ французѣ или франко-русскомъ, я сталъ горячиться и браниться.

Полицейскій сталъ меня уговаривать, что доѣхать до префектуры ничего не стоитъ, а тамъ все объяснится тотчасъ же. Самъ онъ не можетъ ничего рѣшить, хотя мой паспортъ ему лично кажется крайне сомнительнымъ. Что такое французъ, родившійся въ Москвѣ, и православный?

— Что можетъ тамъ объясниться!—воскликнулъ я.

— Принадлежите ли вы къ той бандѣ, à cette bande russe, которую мы наполовину уже захватили?..

— Фальшивыхъ монетчиковъ! Поддѣльвателей русскихъ ассигнацій!—догадался и вскрикнулъ я весело, и прибавилъ:—брависсимо!

Полицейскій повѣрилъ, вѣроятно, моему лицу и голосу, но все-таки наклоняясь предложилъ то же... слѣдовать за нимъ.

— Извольте!—заявилъ я.—Но это глупо.

Выйдя изъ пансіона, мы дошли пѣшкомъ до площади и взяли карету.

Черезъ полчаса переѣхавъ Рону и поднявшись въ страшную гору, черезъ кварталъ старой Женевы, мы были въ полицейской префектурѣ...

Здѣсь мнѣ былъ сдѣланъ цѣлый допросъ. Пожилой господинъ, нѣчто въ родѣ директора полицейскаго департамента на весь Женевскій кантонъ, былъ сначала суровъ и очень невѣжливъ, а затѣмъ сталъ приличнѣе и благовоспитаннѣе. Кончилось все тѣмъ, что мнѣ возвратили мой паспортъ и извинились за беспокойство. Когда я собирался уходить, директоръ вдругъ задержалъ меня и вымолвилъ, обращаясь къ доставившему меня полицейскому.

— Et la dame en question?

— Тутъ уже совсѣмъ недоразумѣніе,—улыбнулся этотъ,—по милости сообщенія изъ французскаго консульства. Спутница *monsieur* называется *Olympe Julien*...

— Ну, такъ что же?—сморщилъ брови директоръ, очевидно, не понимая ни смысла отвѣта, ни улыбки своего подчиненнаго.

— *Olympe Julien*,—вразумительно повторилъ этотъ.—А вѣдь та, la personne en question, совсѣмъ иначе... Одно созвучіе...

И такъ какъ начальникъ продолжалъ морщить лобъ и глядѣлъ сурово вопросительно, то полицейскій поневолѣ рѣшился высказаться при мнѣ.

— Мы же розыскиваемъ: Julie Lamprier.

Начальникъ сообразилъ не сразу, какъ и я тоже. Но, хлопнувъ себя, наконецъ, рукой по ляжкѣ, онъ вскрикнулъ смѣясь...

— Quelle sottise!

Да, чепуха порядочная, думалось мнѣ, когда я былъ на улицѣ. Вотъ уже по пословицѣ: гдѣ тонко, тамъ и рвется! Будь свой собственный паспортъ—и какое дѣло до недоразумѣнія. А когда полиція является, и ищетъ, и обвиняетъ, вась—госпожу Олимпію... которую, однако, вы сами отъ роду не видали,—что тутъ дѣлать? По-неволѣ смутиться.

Черезъ два дня я выѣхалъ, проѣхалъ, конечно, благополучно черезъ границу: «Prenez-garde», и на утро былъ въ Парижѣ.

Больше добавить слѣдовательно нечего. Если же читателя интересуетъ хоть немного судьба «Olympe Julien», поселившейся въ Парижѣ около Нелли, то прибавлю два слова.

Черезъ годъ паспорту ея вышелъ срокъ, а «возобновить» его было, конечно, мудрено, и она, собираясь ѣхать со мной въ Россію, вмѣстѣ съ тѣмъ собиралась... и собралась примириться съ мужемъ.

Романы дѣйствительности если не всегда, то большей частію кончаются не драмой, а водевилемъ или дивертисментомъ.

Итакъ, вотъ они—семь арестовъ, мною избѣгнутыхъ... Всякій увидить, или пойметъ, что я придрался къ этимъ арестамъ, чтобы попросту рассказать кое-что изъ своего прошлаго, соединеннаго случайно съ интересными или выдающимися личностями.

Когда нибудь, Богъ дастъ, я примусь за свои воспоминанія уже серьезно и расскажу подробнѣе и обстоятельнѣе о томъ и о тѣхъ, что и кого видѣлъ и зналъ въ жизни. И эта мелочь когда нибудь тоже пригодится неминуемо для будущихъ Карамзиныхъ...

Гр. Саліасъ.

Ст. Бутово.
Августъ. 1896.

